Sovremennik 169

СОВРЕМЕННИКЪ.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. Воейкова и комп.

1838.

СОВРЕМЕННИКЪ.

IX.

СОВРЕМЕННИКЪ.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. Воейкова и комп.

1838.

Unveränderter fotomechanischer Nachdruck der Originalausgabe

ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK
Leipzig 1970

Druck: (52) Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin
Ag 509/271/69 – 2082

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Digitized by the Internet Archive
in 2024

https://archive.org/details/sovremennik_1838_9

«Указываетъ путь и посохъ подаетъ.»
Пушкинъ. *Анониму.*

Довѣрчиво иду. Звѣздою
Негаснущей восходишь Ты —
И путь не теменъ предо мною,
Пока мнѣ свѣтишь съ высоты.

СОВРЕМЕННЫЯ СОБЫТІЯ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО РОССІИ Е. И. В. ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА.

Въ современной исторіи Россіи 1837 годъ достопамятенъ по многимъ происшествіямъ. Но ни одно изъ нихъ не представляло такой радостной неожиданности, такаго умилительнаго зрѣлища, какъ путешествіе Е. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича. Оно оживотворило послѣдніе годы поколѣнія отживающаго, и окрилило веселою надеждою все грядущее поколѣнія возникшаго. Пройдетъ много лѣтъ, а въ немолчныхъ преданіяхъ оно будетъ жить, какъ живутъ разсказы о томъ, чѣмъ было разогрѣто сердце всего народа. Новые пришельцы въ свѣтъ позавидуютъ намъ современникамъ.

Съ воспоминаніемъ этаго происшествія прежде всего наполняетъ душу мысль о Томъ, Кому Россія обязана этимъ счастіемъ. Каждый отецъ убѣжденъ чувствами собственнаго сердца, что Августѣйшій Родитель Высокаго Путешественника полнымъ самоотверженіемъ ознаменовалъ любовь Свою къ подданымъ. Еще разцвѣтающему Юношѣ Онъ указалъ подвигъ, требующій силъ мужества. Изъ объятій нѣжнѣйшей Матери, Сестеръ и Братьевъ, отъ жизни мирной и счастливой, гдѣ легкіе труды смѣнялись отдыхомъ и привычными забавами, Онъ вызвалъ Его на обширное поприще заботъ, лишеній и безпрерывной дѣятельности.

По Россіи можно путешествовать для разсѣянности, для удовольствія, какъ путешествуютъ въ южныхъ Европейскихъ государствахъ. Она, слава Богу, разнообразна и обширна. Не таково было предназначеніе путешествія Государя Цесаревича. Мысль Его Родителя обнимала одно благо народа и священное призваніе Наслѣдника Престола. Обозрѣть наибольшее пространство государства, особенно края, самые отдаленные отъ столицъ; ближайшимъ образомъ познакомиться съ тѣми мѣстами, которыя составляютъ средоточіе населенности или исключительной промышленности народа; настигнуть, сколько позволитъ время и направленіе пути, любопытнѣйшіе сроки торговыхъ съѣздовъ и другія мѣстныя эпохи: вотъ, что предстояло въ путешествіи.

Познаніе всякаго государства есть предметъ многосложнѣйшій и, такъ сказать, нескончаемый. Въ отношеніи къ Россіи онъ представляется совершенно необъятнымъ. Ея части раскинулись на такомъ пространствѣ; ихъ особенности такъ поразительны; каждое племя жителей такую сохраняетъ самобытность въ домашнемъ и общественномъ быту; исторія, языки, вѣроисповѣданіе, нравы, увеселенія, образованность, промышленность, торговля и самыя понятія о богатствѣ, благосостояніи такъ неожиданно мѣняются передъ путешественникомъ, что, объѣхавъ Россію, онъ можетъ подумать, не объѣхалъ ли онъ весь свѣтъ.

Если бы за сто лѣтъ, представивъ картину такаго государства, вмѣнили въ обязанность человѣку обнять эти части и вынести изъ труда ясную и полную мысль обо всемъ, къ чему долженъ былъ прикоснуться умъ его; безъ всякаго сомнѣнія, онъ безплодно утратилъ бы силы свои въ непроницаемомъ хаосѣ. Мы живемъ въ счастливѣйшемъ вѣкѣ. Наука познанія государства созрѣла. Руководитель неоцѣненный, по словамъ поэта,

«Наука сокращаетъ
«Намъ опыты быстротекущей жизни.
. . . .
«Какъ съ облаковъ ты можешь обозрѣть
«Все царство вдругъ.»

И для Августѣйшаго Путешественника нашего наука была предметомъ занятій предварительныхъ. Она ввела Его въ свою сферу и раскрыла передъ Нимъ

свои сокровища. Но есть знаніе, которое необходимо самому образованному уму, знаніе, столь драгоцѣнное даже для науки, что она, при его содѣйствіи, становится болѣе человѣчною и вполнѣ достигаетъ своей цѣли. Это знаніе пріобрѣтается воззрѣніемъ не на идеи, а на вещи. Оно приводитъ въ дѣятельность всѣ способности, всѣ силы души. Отъ него пробуждаются всѣ чувствованія, двигатели дѣяній доблестныхъ и великихъ. Изъ него возникаютъ тѣ внезапныя и счастливыя соображенія и перемѣны, которыя такъ изумительны по своей отчетливости, простотѣ и пользѣ. Если во всякомъ состояніи это знаніе сообщаетъ уму окончательное совершенство и служитъ лучшимъ ручательствомъ успѣховъ: можно вообразить, какъ оно важно и какъ необходимо для Особы, Которой умъ долженъ быть готовъ стать на каждой точкѣ обширнѣйшей въ свѣтѣ монархіи. Какими пособіями всѣхъ наукъ и всѣхъ искуствъ можно перенести въ душу человѣка то, что мгновенно, однимъ появленіемъ своимъ, пробуждаетъ въ ней самый предметъ? Звуки словъ, буквы, очерки, цифры, всѣ они улетаютъ отъ насъ безъ слѣдовъ: въ нихъ менѣе предметъ отражается, нежели въ своей безплотной тѣни. Взглядъ на природу и гражданственность обитателей разныхъ краевъ Россіи необходимо долженъ былъ прояснить, дополнить и воплотить идеи Царственнаго Путешественника. Изъ огромной массы названій, чиселъ, безцвѣтныхъ фигуръ образовалась для Него прекрасная картина, или, справедливѣе сказать,

все для Него получило жизнь, движеніе, голосъ, цвѣтъ: теперь на каждый звукъ есть отвѣтъ въ Его воображеніи, умѣ и сердцѣ.

Мысль—избрать Россію, преимущественно предъ другими государствами Европы, первымъ поприщемъ практическаго образованія Государя Цесаревича—заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе, нежели простую истину, что Наслѣднику Престола всего естественнѣе напередъ узнать то государство, во Главу котораго предызбранъ Онъ Провидѣніемъ. Предметы первыхъ впечатлѣній человѣка, первыхъ думъ его, перваго умственнаго торжества, независимо отъ насъ, навсегда утверждаются въ душѣ двойственнымъ союзомъ: мы *лучше* всего *узнаёмъ* ихъ, и *болѣе* всего *любимъ*. Любознательность, какъ и прочія наклонности души, бываетъ разныхъ возрастовъ: въ ней есть и юношескій жаръ, и осмотрительность мужества, и равнодушіе старости. Бодрыя, свѣжія силы духа неутомимы. Онѣ трудовъ и препятствій не боятся. Безпрерывное напряженіе—это ихъ жизнь, естественное состояніе. Жадный познаній умъ пользуется ихъ готовностію. Онъ хочетъ овладѣть всѣмъ. Новость подстрекаетъ его стремленіе. Онъ входитъ въ предметы своего изученія, то обнимаетъ ихъ съ высоты, то разсматриваетъ отдѣльно каждую часть; малѣйшее новое явленіе заставляетъ его отыскивать тайную причину; онъ весь любопытство и вниманіе. Человѣкъ въ этомъ возрастѣ любознательности доходитъ до первыхъ ясныхъ идей, которыя безцѣнны по своей

живости и полнотѣ. Это лучшія его пріобрѣтенія. Повторяя свои наблюденія надъ другими предметами того же рода, онъ сдѣлается равнодушнѣе, а выводы его будутъ не столь обширны и менѣе плодотворны. Начавъ съ Россіи практическое изученіе государственнаго вѣдѣнія, Государь Цесаревичь естественно долженъ былъ съ юношескимъ рвеніемъ, съ невольною страстію привязаться къ Своему занятію. Для Его дѣятельнаго ума оно служило первою пищею, которая животворила Его свѣжую душу. Каждое пріобрѣтеніе свободно водворилось въ своемъ мѣстѣ, и тамъ сохранится во всей цѣлости и ясности.

Другая истина намъ еще понятнѣе, потому что ея основаніе положено самою природой въ нашемъ сердцѣ. Изъ всѣхъ умственныхъ сокровищъ, собранныхъ опытами жизни, какія для насъ неизмѣнно дороги? Къ чему такъ охотно, съ такою любовію возвращаемся мы отовсюду? Къ тому, что воспитало умъ нашъ, надъ чѣмъ испытывали мы первыя его силы, что ласкало наше самолюбіе первыми успѣхами, первыми побѣдами. Умъ человѣка, подобно сердцу его, не безъ страстей. Есть неизъяснимая сладость въ тѣхъ воспоминаніяхъ, которыя уносятъ насъ къ началу умственныхъ трудовъ нашихъ. Это первая, чистая любовь — врожденное желаніе совершенства, благодатный источникъ нравственныхъ достоинствъ. Она, какъ святыня, почіетъ во глубинѣ нашего сердца и свѣтитъ, незримо для другихъ, на

каждый шагъ въ нашей жизни. Въ этой привязанности къ предметамъ первыхъ занятій умственныхъ есть, можетъ быть, пристрастіе и едва ли справедливое; но оно прекрасно, потому что естественно; оно трогательно, потому что всегда рисуетъ воображенію одну изъ лучшихъ сторонъ души человѣческой. Таково повсемѣстное дѣйствіе на человѣка звуковъ отечественнаго языка. Въ каждомъ словѣ его для сердца есть исторія, которой самая умилительная часть современна развитію первыхъ нашихъ умственныхъ способностей.

Такимъ образомъ вступленіе въ общественную жизнь Наслѣдника Престола было въ нѣкоторомъ смыслѣ обрученіемъ Его съ отечествомъ. Союзъ важный и восхитительный для обѣихъ сторонъ: въ немъ торжественный залогъ и радостная надежда. Наслѣдникъ Престола обозрѣлъ будущее Свое семейство; душа Его полна мыслей о немъ, которыя въ Немъ зрѣютъ. Народъ ликуетъ въ неиспытанномъ восторгѣ. Ему суждено было насладиться лицезрѣніемъ Того, Кто, непричастный ни единому его безрадостному помышленію, уже въ имени Своемъ соединяетъ всѣ его радости. Встрѣчая и провожая вожделѣннаго Гостя, Который единственно для него посѣщалъ и красивые города и скудныя селенія, народъ принесъ Ему въ дань лучшіе дары свои: слезы умиленія и чистую любовь. Всѣ эти обстоятельства были слѣдствіемъ одной глубокой мысли, которую Августѣйшему Мо-

нарху внушила Его отеческая попечительность о благѣ подданныхъ.

Первоначально днемъ отъѣзда Его Императорскаго Высочества изъ Санктпетербурга назначалось 25-е число Апрѣля. Маршрутъ составленъ былъ до Кіева, куда бы Государь Наслѣдникъ могъ прибыть 16-го Августа. Это путешествіе представляло проѣзду 10,602 ½ версты. Но позднее наступленіе весны сдѣлалось причиною небольшаго измѣненія въ планѣ. Вмѣсто поѣздки въ Вологду избрана была дорога прямо въ Тверь. Новый маршрутъ оканчивался Вознесенскомъ въ Херсонской губерніи. Протяженіе пути по маршруту было 11,919 ¼ верстъ. Отбытіе Его Высочества послѣдовало изъ Царскаго Села 2-го Мая; срокомъ пріѣзда въ Вознесенскъ назначено 24-е Августа.

Во время путешествія, въ свитѣ Государя Наслѣдника находились слѣдующія лица: Генералъ-Адъютантъ А. А. Кавелинъ; Дѣйствительные Статскіе Совѣтники: В. А. Жуковскій и К. И. Арсеньевъ; Полковники: Флигель-Адъютантъ С. А. Юрьевичъ и В. И. Назимовъ; Г. Лейбъ-Хирургъ Енохинъ; Подпоручикъ Графъ Віельгорскій и Прапорщики: Паткуль и Адлербергъ. Болезнь принудила остаться въ Санктпетербургѣ Его Свѣтлость Генералъ-Адъютанта Князя Х. А. Ливена, который равнымъ образомъ сопутствовалъ бы Его Высочеству.

Первое направленіе пути Государя Цесаревича отъ Санктпетербурга простиралось на востокъ. Посѣщены были слѣдующія губерніи: Санктпетербургская, Новогородская, Тверская, Ярославская, сѣверозападная часть Владимірской, Костромская, часть Вологодской, Вятская, Пермская и Тобольская. Изъ посѣщенныхъ мѣстъ Его Высочествомъ послѣднею точкою на востокѣ былъ городъ Тобольскъ. На проѣздъ 3,717¼ верстъ, разстоянія отъ Санктпетербурга до Тобольска, употреблено тридцать два дня, между которыми по два и по три сряду проводимы были Государемъ Наслѣдникомъ въ губернскихъ городахъ и другихъ мѣстахъ примѣчательныхъ.

Обозрѣвъ отъ запада къ востоку всю Европейскую Россію и часть Азіатской, Его Высочество снова изволилъ возвратиться, нѣсколько южнѣе, опять черезъ всю почти Россію, принявъ направленіе изъ Тобольска черезъ Ялуторовскъ и Курганъ въ Оренбургскую губернію. Въ этомъ направленіи путешествія посѣщены губерніи: Оренбургская, Казанская, Симбирская, Саратовская, Пензенская, Тамбовская, Воронежская, восточный уголъ Орловской, Тульская, Калужская и Смоленская. Крайнимъ мѣстомъ на югѣ была Илецкая Защита, въ 70-ти верстахъ отъ Оренбурга, а на западѣ городъ Красный, въ 40 верстахъ отъ Смоленска, до котораго отъ Кургана Государь Цесаревичь находился въ путешествіи сорокъ дней.

Изъ нихъ тринадцать употреблены на обозрѣніе одной Оренбургской губерніи, и въ особенности весьма замѣчательнаго Златоустовскаго горнаго округа, селеній, обитаемыхъ Башкирскимъ войскомъ, и всей военной линіи, начиная отъ Верхнеуральска черезъ Оренбургъ до Уральска. Подобно какъ и въ первомъ направленіи, въ каждомъ губернскомъ городѣ и въ каждомъ особенно примѣчательномъ мѣстѣ Его Высочество изволилъ останавливаться на два и на три дня. Второй переѣздъ составилъ 5,098 верстъ.

По третьему направленію пути, простиравшемуся по губерніямъ, сосѣдственнымъ съ Московскою, опять на востокъ, осмотрѣны губерніи: сѣверозападная часть Орловской, югозападная часть Тульской и снова Калужская. Здѣсь все вниманіе Высокаго Путешественника привлекли мѣста, ознаменованныя славными событіями 1812 года, какъ-то: Малоярославецъ, Тарутино и Боровскъ. Отсюда Его Высочество, черезъ Верею и Можайскъ, изволилъ отправиться на Бородинское поле, гдѣ два дня были посвящены осмотру всѣхъ мѣстъ великой битвы, которая рѣшила судьбу Россіи. 24-го Іюля Государь Цесаревичъ прибылъ въ Москву послѣ 38-ми дневнаго путешествія на протяженіи только 749 верстъ. Москва, мѣсто рожденія Государя Наслѣдника, сердце Россіи, краснорѣчивая лѣтопись народной славы, была обозрѣваема Его Высочествомъ въ продолженіе шестнадцати дней. Государь Цесаревичъ посѣтилъ Святотроиц-

кую Сергіевскую Лавру съ Виѳаніею, Воскресенскій монастырь или новый Іерусалимъ, молился у гроба св. Саввы Сторожевскаго въ Звѣнигородѣ, и обозрѣлъ въ историческихъ окрестностяхъ Москвы села: Коломенское, Преображенское и Измайлово.

Четвертое направленіе предпринято было первоначально далѣе къ востоку черезъ центръ Владимірской губерніи до Нижняго Новгорода, гдѣ Государь Цесаревичь изволилъ присутствовать во время отправленія знаменитой ярмарки. Отсюда путешествіе продолжалось на югозападъ, черезъ южный край Владимірской губерніи, по Рязанской, снова Тульской, Орловской и Курской губерніямъ. Проѣхавъ черезъ Харьковъ и Полтаву, Его Высочество съ 24-го на 25-е Августа въ ночи прибылъ въ Вознесенскъ, пробывши въ дорогѣ отъ Москвы 15 дней, на протяженіи 2,041 версты. Здѣсь Высокаго Путешественника ожидало неизобразимое счастіе: послѣ разлуки, продолжавшейся почти четыре мѣсяца, Онъ могъ обнять Августѣйшаго Своего Родителя. За нѣсколько часовъ до пріѣзда Государя Цесаревича въ Вознесенскъ, сюда же изволили прибыть Ея Величество Государыня Императрица и Ея Высочество Великая Княжна Марія Николаевна, съ Которыми Его Высочество имѣлъ свиданіе въ Москвѣ на короткое время.

Въ путешествіи съ Государемъ Императоромъ Великій Князь обозрѣлъ въ Херсонской

губерніи города: Николаевъ и Одессу. Послѣ чего, моремъ переправившись въ Крымъ, Онъ изволилъ присутствовать на морскихъ маневрахъ въ Севастополѣ. Посѣтивъ Бахчисарай и Симферополь, Государь Наслѣдникъ прибылъ на южный берегъ Крыма. Здѣсь, вмѣстѣ съ Императорскою Фамиліею, проведено Его Высочествомъ нѣсколько дней въ Алупкѣ, въ домѣ графа Воронцова, послѣ чего совершено Имъ путешествіе моремъ съ Государемъ Императоромъ для обозрѣнія Геленджикской и Анапской крѣпостей. Первая изъ нихъ была дальнѣйшею точкою въ поѣздкѣ Государя Наслѣдника на юговостокъ по Черному морю.

25-го Сентября въ Керчи Государь Цесаревичь разлучился съ Его Величествомъ, по случаю отбытія Государя Императора за Кавказъ. Пробывши два дня снова на южномъ берегу Крыма съ Ея Величествомъ, Государь Наслѣдникъ 28-го Сентября прибылъ въ Симферополь и на 29-е отправился въ путь для новыхъ обозрѣній. Онъ изволилъ проѣхать съ юга на сѣверъ всю Таврическую губернію до Перекопскаго перешейка, откуда, черезъ Бериславль и Никополь (Екатеринославской губерніи), 1-го Октября прибылъ въ Екатеринославль. Продолжая направленіе къ сѣверу, черезъ Кременчугъ, Великій Князь Наслѣдникъ достигнулъ Кіева. Въ умиленіи отъ дивнаго зрѣлища святыни его и древностей, посреди которыхъ Монаршею волею

воздвигнутъ новый храмъ наукъ, освященный именемъ Равноапостольнаго Великаго Князя древней Руси, Государь Цесаревичь отправился въ обратный путь къ югу, и посѣтилъ Полтаву и Харьковъ. Отсюда, черезъ Константиноградъ, направленіе принято было на берега Азовскаго моря. Осмотрѣны Меонійскія колоніи, Нагайскія поселенія и новосозидаемые города Нагайскъ и Бердянскъ. По тракту совершено обозрѣніе вновь устроеннаго Азовскаго казачьяго войска и городовъ Маріуполя, Таганрога, Ростова и Нахичевана. 18-го Октября Его Высочество расположился на Дону въ Аксайской станицѣ, гдѣ на слѣдующій день имѣлъ счастіе встрѣтить Государя Императора на возвратномъ пути Его Величества изъ-за Кавказа, 21 Октября Государь Цесаревичь, сопровождая Августѣйшаго Родителя Своего, явился съ Нимъ въ Новочеркаскѣ посреди доблестнаго Казацкаго Воинства, ввѣреннаго начальствованію Его Высочества.

Послѣднее обозрѣніе, начавшееся Симферополемъ и кончившееся Новочеркаскомъ, обнимало слѣдующія губерніи: Таврическую, Херсонскую, Екатеринославскую, южный край Полтавской, снова Екатеринославскую, по сѣверному ея протяженію, Кіевскую, югозападный уголъ Черниговской, Полтавскую на всемъ ея протяженіи отъ Переславля до Полтавы, Харьковскую, въ третій разъ Полтавскую въ юговосточномъ ея углубленіи, снова Екатеринославскую, береговой

край Таврической губерніи въ сѣверовосточной ея полосѣ, приморскія стороны Екатеринославской и наконецъ землю Донскихъ Казаковъ. Это обозрѣніе продолжалось двадцать три дня. Протяженіе пути содержитъ 2.668 ¼ верстъ.

Исчисленія пространствъ и времени, приводимыя здѣсь, еще неполны. Невозможно съ точностію опредѣлить многочисленныхъ выѣздовъ, которые изъ Москвы и другихъ мѣстъ предпринимаемы были Его Высочествомъ для обозрѣнія всего любопытнаго, что только находилось гдѣ нибудь не очень въ дальнемъ разстояніи отъ главнаго пути. Всѣ переѣзды Государя Наслѣдника, когда Онъ сопровождалъ Августѣйшихъ Своихъ Родителей, не введены въ представляемое исчисленіе. Протяженіе на возвратномъ путешествіи равнымъ образомъ сюда не внесено. Здѣсь представляется только время, когда Его Высочество изволилъ находиться въ дорогѣ Одинъ со Своею свитою. Итогъ этой поѣздки составляетъ 148 дней и 14.273 ½ версты. Воображеніе каждаго человѣка, кто испыталъ только силу впечатлѣній, дѣйствующихъ въ юномъ сердцѣ и любознательномъ умѣ путешественника, можетъ представить живо, каковы должны быть слѣдствія итога, составленнаго приблизительно.

Обратный путь въ Москву, куда Государь Цесаревичь возвратился 26 Октября, и въ Санктпетербургъ, снова узрѣвшій Его Высочество 12 Декабря,

совершенъ былъ Великимъ Княземъ Наслѣдникомъ вмѣстѣ съ Его Императорскимъ Величествомъ.

И такъ двѣ трети года посвящены Его Высочествомъ обзору любопытнѣйшихъ предметовъ въ отечествѣ. Чтобы вполнѣ постигнуть, сколько можетъ въ такое время Наслѣдникъ Престола, даже на самомъ обширномъ пространствѣ, пріобрѣсти благотворнѣйшихъ идей, усвоить полезнѣйшихъ знаній, повѣрить раждавшихся въ Немъ мыслей, вникнуть въ природу вещей и сдѣлаться какъ самовидѣцъ непосредственнымъ судьею труднѣйшихъ государственныхъ вопросовъ, чтобы все это живо почувствовать, надобно мысленно слѣдовать за Нимъ и видѣть, какъ Родительская предусмотрительность сберегала для Него каждую минуту и обращала въ пользу каждый Его шагъ. Извѣстно уже, что въ губернскихъ городахъ, ко времени прибытія Государя Цесаревича, приготовлены были выставки, гдѣ соединено было всѐ, что только находится любопытнѣйшаго въ цѣлой губерніи изъ произведеній природы и народной промышленности. Взглядъ на эту общность мѣстнаго достоянія, на этотъ итогъ силъ естественныхъ и искуственныхъ, приводилъ мгновенно Августѣйшаго Путешественника къ самымъ яснымъ и обширнымъ заключеніямъ. Изумительная быстрота въ переѣздахъ разстояній длинныхъ доставляла возможность не оставлять безъ посѣщенія самыхъ малоизвѣстныхъ мѣстъ, чтобы на всемъ остановлено было собственное око Императорскаго Первенца.

Ко времени путешествія, по повелѣнію Его Императорскаго Величества, составленъ былъ особенный Путеуказатель. Въ немъ, преподающій Великому Князю Россійскую Исторію и Статистику, Д. С. Арсеньевъ изложилъ всѣ важнѣйшія примѣчательности на пути Его Высочества. Каждый переѣздъ, достопамятныя на немъ мѣста, любопытное селеніе или городъ, даже частныя лица, сдѣлавшіяся извѣстными по какимъ нибудь полезнымъ предпріятіямъ, все уже въ системѣ, предварительно мелькавшее воображенію Путешественника, ожидало Его воззрѣнія и новой мысли. Путеуказатель не только облегчалъ выборъ предметовъ любопытства, но и служилъ какъ бы нитью для собственныхъ идей Его Высочества, на которой онѣ въ порядкѣ и полнотѣ нанизывались для будущихъ соображеній. Это не иначе можно чувствовать, какъ пробѣжавъ сколько нибудь страницъ самаго сочиненія. Вотъ, для любопытства людей наблюдательныхъ, отрывки изъ Путеуказателя.

«*Отъ Сарапула* (Вят. г.) *до Осы* (Перм. г.) 215 *верстъ.* Отъ Сарапула на разстояніи 38 верстъ дорога лежитъ вдоль праваго берега Камы по живописнымъ возвышенностямъ, осѣненнымъ лѣсами, до станціи *Забѣгалова*, отъ которой 30 верстъ въ западную сторону находится *Ижевскій* казенный оружейный заводъ, построенный въ 1760 г.; мастеровыхъ въ семъ заводѣ 3,430 непремѣнныхъ работниковъ, приписанныхъ къ

заводу конныхъ 500, пѣшихъ 599, при нихъ помощниковъ 575, а всего 5,104 человѣка. Матеріаловъ употребляется на сумму около 600 т. р.; выдѣлываются разные инструменты, оружія, лафетныя оковки и разнаго сорта желѣзо. При переѣздѣ изъ Ижевскаго завода въ *Камско-Воткинскій* дорога лежитъ большею частію вдоль по берегу р. Сивы, которая выше Забѣгалова впадаетъ въ Каму. Воткинскій заводъ, основанный въ 1752 г., улучшенъ по руководству горнаго чиновника Москвина, стоитъ на р. Воткѣ, въ 7 верстахъ отъ впаденія ея въ Сиву; устья Вотки образуютъ искуственный бассейнъ, всегда полный водою столько, чтобы спустить до Сивы самые большіе грузы; на семъ заводѣ непремѣнныхъ работниковъ 1,805, приписныхъ къ заводу крестьянъ 2,590, а всего 4,395 челов. Матеріаловъ употребляется на 300 т. р., а выдѣлывается на сумму свыше 500 т. р. Англичанинъ Пенъ принялъ на себя въ 1836 году выдѣлку укладу или стали на манеръ англійскій. Мѣстное заводское управленіе состоитъ изъ заводской Конторы, Заводскаго разряда, управляющаго цѣхами, Окружной и Заводской Полиціи, Военнаго Суда, Чертежной, Заводскихъ школъ, Госпитали, и проч.

«Близъ Воткинскаго завода переправа черезъ р. Сиву и въѣздъ въ Пермскую г. въ Осинскій уѣздъ, плодороднѣйшій въ губерніи, и составляющій вмѣстѣ съ Оханскимъ и Пермскимъ уѣздами такъ называемый *Пермскій Горный Округъ;* отъ станціи Степано-

ва, первой въ Пермской г., дорога пролегаетъ вдоль праваго берега Камы на пространствѣ около 30 верстъ; на трактѣ находится *Рожественскій* заводъ Зеленцова желѣзодѣлательный; отъѣхавши 11 в. переправа на лѣвый берегъ Камы у деревни Елевы, отъ которой около 50 в. до города Осы.

«*Оса* при Петрѣ Великомъ приписанъ былъ къ Казанской г., въ 1737 г. поступилъ въ завѣдываніе Оренбургскаго Воеводы и назначенъ охраннымъ пунктомъ противъ Башкирцевъ, съ 1781 года уѣзднымъ Пермской г., но числомъ жителей и теперь незначителенъ, равно какъ и промышленностію ни фабричною, ни торговою; въ уѣздѣ его находятся горные заводы *Камбарскій* на Камѣ ниже Сарапула, *Ашабскій* и *Бымовскій* г. Демидова, *Уинскій* и *Шермянтскій* наслѣдниковъ Д. С. С. Яковлева и *Бизярскій* купца Кнауфа; всѣ они не столь важны, какъ въ другихъ уѣздахъ ближе къ хребту Уральскому. Въ Осинскомъ уѣздѣ находится до 12 т. Башкировъ и до 1,000 Тептярей.

*

«*Отъ Юхнова до Вязьмы* (Смолен. г.) 90 *верстъ*. Болѣе ⅘ всего населенія Юхновскаго уѣзда состоитъ изъ помѣщичьихъ крестьянъ; земля почти вездѣ ровная и довольно плодородная; въ 50 верстахъ отъ Юхнова за селомъ Знаменскимъ переѣздъ съ праваго берега Угры на лѣвый; Юхновскій уѣздъ кончается уже вблизи Вязьмы, и потому многіе жители сего

уѣзда никогда не ѣздятъ въ свой городъ по дѣламъ торговымъ, исправляя всѣ надобности свои въ Вязьмѣ, которая и ближе къ нимъ и важнѣе по промысламъ и по торговлѣ. На полѣ подъ Вязьмою смотръ 45-ти тысячнаго Корпуса войскъ Государемъ Императоромъ въ 1827 году.

«*Вязьма* основана, вѣроятно, въ XIII вѣкѣ, имѣла своихъ Удѣльныхъ Князей (Князья Вяземскіе), однородцевъ съ Великими Князьями Смоленскими, была владѣніемъ Литовскимъ около 100 лѣтъ (отъ исхода XIV до конца XV), при Царѣ Грозномъ зачислена была въ его Опричину, сдѣлалась потомъ вотчиною Бориса Годунова, служила нѣкоторое время пребываніемъ Марины Мнишекъ, навремя покорствовала Владиславу, съ которымъ заключенъ здѣсь миръ въ 1634 г.; во время моровой язвы въ 1554 и 1655 была мѣстомъ убѣжища для Царскаго семейства и Патріарха Никона; дворцовая церковь. Сей городъ встарину имѣлъ крѣпость, обнесенную валомъ, рвами и каменными башнями, изъ коихъ одна уцѣлѣла доселѣ, и по указу 1836 г. исправляется. Вязьма въ нынѣшнемъ ея состояніи есть лучшій городъ Смоленской г.; по торговлѣ, простирающейся на сумму до 2 м. р., важнѣе самаго Смоленска; городъ лежитъ на возвышенностяхъ, прерываемыхъ отлогостями, по коимъ струится рѣчка Вяземка, и по склону коихъ находится множество садовъ и огородовъ. Два монастыря: Предтечевъ мужскій и Аркадь-

евскій женскій, первый основанъ въ 1542 г., а второй въ 1832; изъ церквей замѣчательны: соборная, построенная на самомъ лучшемъ мѣстѣ, съ коего прелестный видъ иа городъ; въ этомъ соборѣ Евангеліе, подаренное Царемъ Михаиломъ въ 1641 г. съ собственноручною его подписью, и три новѣйшія большаго достоинства картины: Рождество Спасителя, Царь Давидъ и Пророкъ Ісаія. Ярмарка, называемая Флоровская горка; заводовъ много, но не важные; Вяземскія коврижки или пряники; проэктъ Окружной лечебницы. Пребываніе Государя Императора въ Вязьмѣ въ 1827 году. Предполагаемый здѣсь монументъ въ память 1812 г, или дѣйствій 11-й дивизіи Чоблокова и 26-й дивизіи Паскевича. Высочайше утвержденное положеніе 1836 г. о проводѣ губернскаго Смоленскаго шоссе отъ Дорогобужа чрезъ Вязьму на Медынь и Малоярославецъ до Москвы.

*

«*Отъ Бѣлгорода* (Курск. г.) *до Харькова* 78 *верстъ.* За станціей *Черемошное* переѣздъ изъ Курской г. въ Харьковскую, которая представляетъ собою какъ бы одну безпрерывно продолжающуюся ярмарку; въ продолженіе круглаго года въ разныхъ пунктахъ губерніи отправляются огромные и прибыльные торги; во многихъ городахъ, полковыхъ мѣстечкахъ, слободахъ и селеніяхъ производится до 330 торговыхъ съѣздовъ, на коихъ бываетъ привозимо разныхъ товаровъ на сумму до 6 м. рублей; сверхъ того на всѣ эти ярмарки пригоняются большіе табуны заводскихъ ло-

шадей и многочисленные гурты рогатаго скота и овецъ; важнѣйшіе торги отправляются въ Ахтыркѣ и Лебединѣ на западѣ, и въ Зміевѣ и Изюмѣ на юго-востокѣ; всѣ отправленія торговыя совершаются сухимъ путемъ, по совершенному отсутствію водныхъ сообщеній. Станція *Липцы*, первая въ сей губерніи, была прежде городомъ, нынѣ богатая слобода, заселенная Войсковыми обывателями, потомками Слободскихъ Казаковъ, вышедшихъ сюда въ XVII вѣкѣ изъ странъ Заднѣпровскихъ. Грамоты, жалованныя симъ Казакамъ отъ Царя Алексія Михайловича и отъ Петра Великаго.

«Харьковъ на р. Харьковѣ и Лопани въ ложбинѣ, окруженной горами, основанъ около половины XVII вѣка, сначала въ видѣ отдѣльнаго хутора, который, по умноженіи числа поселенцевъ, обратился въ людную слободу, и наконецъ въ городъ, бывшій главнымъ Харьковскаго полка, принадлежавшій къ Бѣлгородской губерніи съ 1727 по 1765, въ которомъ онъ былъ назначенъ Провинціальнымъ городомъ Слободско-Украинской губ., тогда учрежденной; а въ 1780 наименованъ губернскимъ Харьковскаго Намѣстничества, которое при Императорѣ Павлѣ названо по прежнему Слободско-Украинскою губерніею, а съ 1834 Харьковскою. Харьковъ не имѣетъ никакихъ удобствъ въ мѣстности: безъ большой рѣки, даже безъ хорошей воды, на грунтѣ въ весеннее и осеннее время топкомъ и грязномъ, и не смотря на

то, годъ отъ году растетъ и въ населеніи, и въ богатствѣ; благоденствіе Харькова начинается съ начала текущаго вѣка; четыре ярмарки и учрежденіе Университета — причины его преуспѣянія; на 4-хъ Харьковскихъ ярмаркахъ: Крещенской, Троицкой, Успенской и Покровской, бываетъ въ привозѣ товаровъ на сумму болѣе 50 м. р.; Университетъ учрежденъ въ 1804 году. Коллегіумъ или Духовная Семинарія основана въ 1727 году Фельдмаршаломъ Княземъ М. М. Голицынымъ, который пожертвовалъ для того деревню и домъ; въ ней библіотека Стефана Яворскаго. Многолюдная Гимназія и Пансіоны; Институтъ Благородныхъ дѣвицъ. Здѣсь было Филотехническое Общество, учрежденное по идеѣ Каразина. Предположеніе объ учрежденіи Кадетскаго Корпуса подъ главнымъ начальствомъ Графа Аракчеева. За городомъ (въ двухъ вер.), въ домѣ бывшаго Губернатора Хорвата, заведенія Приказа Общественнаго Призрѣнія, съ большимъ садомъ.

«Въ кабинетѣ минеральномъ Университета примѣчательны: изумрудъ, присланный въ 1831 г. по повелѣнію Государя Императора, аметистъ въ видѣ хлѣба, ландшафтный агатъ, агальматолитъ, отломокъ самороднаго желѣза, найденный Палласомъ въ 1771 г., діоптазъ изъ Киргизскихъ степей, и аэролитъ, упадшій около Бахмута. Дѣйствіе свободнаго винокуренія на губернію.»

Приведенные отрывки представляютъ мѣста изъ трехъ различныхъ путенаправленій, и характеризуютъ

предметы, ярко отличающіеся одинъ отъ другаго. Принявши въ соображеніе столько средствъ, столько пособій, гармонически устроенныхъ для основательнаго изученія всей картины, раскинувшейся предъ взорами Путешественника, легко изъяснить, какимъ образомъ сдѣлалась совмѣстна быстрота переѣздовъ съ отчетистыми и полными изслѣдованіями предметовъ.

Въ путешествіи Особы, столь священной для народа, есть польза нравственная, которой благотворныя дѣйствія превосходнѣе всѣхъ выгодъ, съ перваго раза представляющихся холодному соображенію. Эта польза есть мнѣніе, воцаряющееся въ народѣ. Проникнутый убѣжденіемъ, что его счастіе составляетъ первую заботу Монарха, онъ съ любовію исполняетъ долгъ свой. Государь и подданные образуютъ единое прекрасное цѣлое. Путешествующій по имперіи Наслѣдникъ Престола есть живой образъ самаго Императора. Народъ, собираясь во срѣтеніе Его, не можетъ не чувствовать, сколь живое участіе внушаетъ судьба его Государю, Который для его блага посылаетъ къ нему Своего Сына. На какіе подвиги, на какія пожертвованія радостно не отважится онъ, когда дойдетъ до него слово отъ Престола, откуда и въ хижины и въ терема являлся къ нему Благовѣститель! Щедро по имперіи разсыпанныя благотворенія, въ утѣшеніе всѣхъ и каждаго оставленныя слова, отъ полноты души въ пустынныхъ

селеніяхъ никѣмъ незримо изъявленное участіе, не погибнутъ онѣ, но подобно семенамъ возрастутъ въ красотѣ и принесутъ плодъ усладительный.

Государство сильно духомъ. Въ этомъ непостижимомъ сліяніи всѣхъ нашихъ мыслей и чувствованій таится источникъ намѣреній, поступковъ нашихъ и страстей. Общественный духъ, какъ и все человѣческое, не живетъ безъ пищи. Внезапныя и торжественно-утѣшительныя явленія животворятъ его. Чѣмъ обширнѣе горизонтъ ихъ, чѣмъ ярче ихъ дѣйствіе; тѣмъ сильнѣе ихъ впечатлѣніе. Благотворное шествіе Наслѣдника Престола даровало новую пищу народному духу, котораго отличительною чертою въ гражданской жизни всегда была любовь къ Государю. Въ эту незабвенную эпоху она обновилась и выразилась явленіями столько же неисчислимыми, сколько и трогательными. Сопутники Августѣйшаго Путешественника были свидѣтелями такихъ событій, которыя не умрутъ въ сердцахъ ихъ, и которыя не должны умереть для потомства. Этою лестною надеждою питается каждый Русской. Въ лѣтописяхъ событій, сопровождавшихъ на пути Его Императорское Высочество, заключаются уроки дѣтямъ нашимъ, собственная наша слава и общественное благо. Это первые листы исторіи Государя Наслѣдника, первый вѣнокъ на юношескомъ прекрасномъ челѣ Его, это первый шагъ Его къ безсмертію.

Если бы кто почувствовалъ себя въ силахъ изобразить обратное дѣйствіе сего происшествія, и представилъ бы вѣрно, что происходило въ сердцѣ Самаго Путешественника при этомъ зрѣлищѣ всеобщаго народнаго восторга; какую нарисовалъ бы онъ картину для цѣлой Россіи! Каждую минуту что надобно было испытывать Ему въ этой новой жизни! Въ нѣжномъ Своемъ возрастѣ, съ душею чувствительною, которая такъ полна любви къ добру, такъ наслаждается окружающимъ ее счастіемъ, съ юношескимъ воображеніемъ, воспламеняющимся отъ всего прекраснаго и доблестнаго, посреди умиленныхъ зрителей, которые разговаривали съ Нимъ и взорами, и движеніями, и слезами, и восклицаніями, Онъ, къ Которому летѣли всѣхъ мысли, желанія, благословенія, Онъ долженъ былъ въ эти минуты проживать цѣлые годы. Неопытному сердцу Его Провидѣніе опредѣлило созрѣть посреди Россіи для ея блага. Крѣпчайшія узы, связывающія человѣка съ человѣкомъ, отечество возложило на Него: Онъ прослушалъ и изучилъ всѣ звуки роднаго языка; Онъ подходилъ, и съ теплою вѣрою прикоснулся устами Своими къ Святынѣ каждаго мѣста; Онъ былъ растроганъ и согрѣтъ любовію каждаго соотечественника, имъ видѣннаго. Онъ принялъ всѣ залоги человѣческаго счастія. И въ этомъ лучшее и вѣрнѣйшее благо Россіи. Оно увѣнчало все, чѣмъ могло обогатить Его путешествіе. И въ Немъ воспламенился тотъ благотворный духъ, изъ котораго истекаютъ всѣ по-

мыслы и дѣянія. Къ нашему счастію этотъ вожделѣнный плодъ, повидимому, уже созрѣлъ. Въ письмѣ къ одному изъ Своихъ Наставниковъ (Его Высочество и для того умѣлъ еще ловить минуты) вотъ что начерталъ собственною Своею рукою Государь Цесаревичь: «*Я своими глазами и вблизи познако-*«*мился съ нашей матушкой-Россіею, и научился еще* «*болѣе любить ее и уважать. Да, намъ точно можно* «*гордиться, что мы принадлежимъ Россіи и называемъ* «*ее своимъ отечествомъ.*»

О ЛИТЕРАТУРНЫХЪ УТРАТАХЪ.

Изъ частныхъ лицъ никто не дѣйствуетъ такъ прямо и сильно на общество, какъ человѣкъ съ какимъ бы то ни было талантомъ. Успѣхи сперва просто привлекаютъ къ нему вниманіе; потомъ онъ даетъ направленіе искуству, которымъ занимается; наконецъ онъ становится столь чувствительною потребностію современниковъ, увлеченныхъ въ его сферу, что утрата его, въ нѣкоторомъ смыслѣ, кажется лишеніемъ самаго драгоцѣннаго достоянія нашего.

Искуства, называемыя изящными, справедливо признаются равно дѣйствительными въ отношеніи впечатлѣній, производимыхъ на душу, способную къ ихъ воспріятію. Живыя истины, обогощающія наблюдательный умъ преждевременною опытностію, покоряющія благодѣтельному своему владычеству наклон-

ности наши и поступки, повсемѣстно дружески занимающія мысли наши, эти истины, какъ вѣчныя стихіи, образуютъ каждое произведеніе таланта, живописецъ ли онъ, или скульпторъ, музыкантъ, или литераторъ. Одна лишь степень совершенства художника даетъ имъ различіе. На высотѣ своей, какая только доступна человѣчеству, истина проста, ясна и неотразима, какъ все, чѣмъ говоритъ съ нашимъ сердцемъ природа.

Между тѣмъ нельзя не чувствовать, что есть большія выгоды на сторонѣ литератора. Всѣ таланты изъ одного источника заимствуютъ то, что ихъ произведеніямъ сообщаетъ владычество надъ нами. Пользуясь неисчерпаемымъ разнообразіемъ состоянія души нашей, они изъ каждаго ея движенія созидаютъ отдѣльную полную жизнь. Чѣмъ независимѣе расширяетъ художникъ область своей производительности, чѣмъ многостороннѣе обнимаетъ событіе возсозидаемаго существа, чѣмъ глубже проникаетъ въ таинства его духа, и чѣмъ счастливѣе оспариваетъ въ творчествѣ могущество самой природы; тѣмъ ближе къ нему цѣль и торжество его. Но сколько неудобствъ и затрудненій, когда надобно до этаго достигнуть средствами матеріальными, дѣйствіемъ грубаго вещества! Душа художника, полная, какъ другой міръ, прекрасными и неисчислимыми созданіями, въ другую душу, жадную впечатлѣній и дѣятельности, должна переливать сокровища свои языкомъ безгласнаго,

чтобъ не сказать мертваго, тѣла. Напротивъ того, сообщеніе души литератора съ нашею душею совсѣмъ невещественное. По изумительному и неизъяснимому свойству своему, языкъ есть что-то духовное, тотъ же умъ, та же мысль, неотъемлемая принадлежность благороднѣйшей части благороднѣйшаго созданія. Зачатіе первыхъ въ насъ понятій есть въ то же время и зародышъ языка. Безъ словъ нельзя думать. Въ звукахъ и буквахъ, которые служатъ проводниками языка, такъ исчезаетъ матеріальность, что минутный разговоръ или чтеніе можетъ обнять неизмѣримость пространства и времени: явленіе, изъясняемое только по законамъ духовныхъ силъ.

Если орудіе литератора такаго свойства, что можно имъ дѣйствовать на душу другаго человѣка почти непосредственно; если къ ней такъ легко приблизить и даже отразить на ней всѣ едва замѣтныя черты всякаго созданія мысли: то нѣтъ на землѣ власти, чаще и вѣрнѣе насъ покоряющей, какъ перо человѣка съ талантомъ. Въ художествахъ другаго рода, успѣхамъ автора должно предшествовать исполненіе многихъ и не очень легкихъ условій. Если природа не надѣлила васъ нѣкоторою тонкостію органовъ чувствъ; если общежитіе или воспитаніе не познакомило васъ хоть съ первоначальными правилами искуства: его произведенія нѣмы для васъ, и душа художника для вашей души будетъ безъ откровенія. Какъ часто многочисленная толпа, остановясь

передъ глубокомысленною драмою живописца, радуется только тому, что въ состояніи распознавать изображенные предметы, называя ихъ по имени, или изъясняя ихъ отношенія по жалкимъ своимъ понятіямъ. Подъ вліяніе писателя насъ обрекаетъ самое рожденіе, если получаемъ мы образъ человѣческій съ его разумною душою. Своему языку едва ли мы не столько же учимся, какъ глядѣть, слушать, осязать, и проч. Существеннѣйшее пріобрѣтеніе въ изученіи языка, чувствованіе смысла, не замѣтно достается почти всякому даромъ. И такъ общество людей, потому только, что существуетъ, оно уже состоитъ изъ данниковъ или почитателей литератора.

Всѣ знанія, всѣ помышленія, всѣ чувствованія могутъ принять форму литературнаго произведенія. Возмите за основу созданія одну идею, вдохновенно возникнувшую во глубинѣ души вашей; окружите ее всѣмъ, что органически съ нею соединяется; сообщите своему творенію всю теплоту и весь свѣтъ, съ которыми чувство и мысль ваша обнимали его при самомъ рожденіи; пусть жизнь съ ея движеніемъ, выразительностію и разнообразіемъ отразится въ каждой части: о чемъ бы вы ни писали, присутствіе таланта освятитъ трудъ, и мы получимъ изящное произведеніе. Никакая строгая классификація не въ состояніи предварительно отдѣлить нѣсколько предметовъ и сказать: они въ область литературы не входятъ. Только историческое изслѣдованіе, подъ руководствомъ

чувства или критическаго таланта, не въ будущемъ, но въ прошедшемъ, распредѣляетъ памятники слова по областямъ ихъ. Любознательныя изысканія и точныя истины созрѣваютъ также въ душѣ, которая рисуетъ страсти въ самыхъ фантастическихъ образахъ. Кто разгадаетъ, съ какою идеею предстанетъ она предъ нами въ полномъ своемъ блескѣ и величіи? Развѣ Кювье и Гумбольтъ не литераторы, потому что этимъ именемъ привыкли мы называть Шатобріана и Гёте? Міръ идей великихъ естествоиспытателей развѣ не представляетъ такаго же стройнаго цѣлаго; развѣ нѣтъ въ немъ красокъ жизни; развѣ менѣе мы сочувствуемъ съ нимъ, и не столько изъ него переносимъ въ душу трогающихъ насъ образовъ и умилительныхъ истинъ, сколько изъ міра, въ которомъ властительствуютъ ораторъ и поэтъ?

Талантъ литератора, господствуя въ каждой области мыслей и чувствованій, способенъ дѣлить сокровища свои съ каждымъ человѣкомъ, смотря по его кругу дѣятельности и даже по его возрасту. Онъ, какъ золото, съ удивительною вѣрностію и удобствомъ принимаетъ всѣ роды вещей, удовлетворяетъ всѣмъ потребностямъ вкуса и всѣмъ неистощимымъ прихотямъ жизни. Какою взыскательностію остановите вы его гибкость и дѣятельность? Всѣ усилія теорій до сихъ поръ не въ состояніи были даже приблизительно исчислить видоизмѣненій того, чѣмъ увлекаютъ и могутъ еще увлекать насъ счастливыя произ-

веденія литературы. Отъ веселой шутки до высокихъ впечатлѣній, погружающихъ душу въ безмолвное благоговѣніе, пройдите мысленно по этой безконечной лѣстницѣ явленій ума, и укажите на человѣка, который бы ни на единой ступени не нашелъ для себя пищи, сладостной для его вкуса. Нѣтъ, сколько общежитіе, воспитаніе, привычки, характеры, занятія и тысяча другихъ обстоятельствъ, сколько ни дробятъ они людей на безчисленныя касты, сословія, круги и устраненія, во всякомъ отдѣлѣ человѣкъ изъ сокровищницы литературы получаетъ свою долю, свое желанное стяжаніе и наслаждается имъ свободно и счастливо. Всѣ минуты досуга или отдыха, этотъ праздникъ души, радостнымъ кружкомъ своимъ защищающій ее отъ сообщенія съ неизбѣжными заботами жизни, кому приносимъ мы въ жертву съ полнымъ удовольствіемъ? тихой, безмолвной бесѣдѣ съ любимымъ нами писателемъ. Онъ тайный, завѣтный другъ нашъ. Онъ нашъ совѣтникъ. Онъ окриляетъ нашъ духъ. Онъ единственный для насъ наставникъ безъ угрюмаго чела, безъ холодности, безъ сухости. Его наказъ провожаетъ путника въ дорогу и освѣжаетъ силы его до утѣшительнаго свиданія.

Въ этомъ дивномъ орудіи, которымъ писатель дѣйствуетъ на насъ, въ этой неизмѣримости круга, гдѣ онъ поставленъ призваніемъ своимъ, въ этой неисчислимости разнообразныхъ красотъ, которыми облекаетъ онъ свои произведенія, раскрываются только

общія его преимущества предъ талантомъ другаго искуства. Они изъясняютъ почетныя права, которыми великіе писатели пользуются въ исторіи народовъ. Тамъ смиренный затворникъ, проведшій цѣлую жизнь въ тиши кабинета, въ бесѣдѣ съ давно умершими товарищами ремесла своего, выводится на судъ и зрѣлище вѣковъ, какъ двигатель общественныхъ дѣяній наравнѣ съ вождями воинственныхъ силъ, наравнѣ съ правителями гражданскаго устройства. Его легкое созданіе, неувядающая мысль, мгновенный плодъ задумчивости, приводится въ объясненіе изумительнаго поворота народной жизни. Имя его, не намѣченное ни на одномъ пергаменѣ, свидѣтельствующемъ о гражданскихъ доблестяхъ, помѣщаютъ въ звѣздномъ вѣнцѣ, подъ которымъ сіяетъ имя знаменитой націи. Для бесѣды съ нимъ пробуждаютъ звуки давно умолкнувшаго языка, и постигнувъ смыслъ его чуждой рѣчи, переливаютъ струи пера его въ сердца позднѣйшихъ поколѣній.

Между современниками и писателемъ есть другія отношенія, которыя странно привязываютъ насъ къ таланту и подчиняютъ лучшую часть бытія нашего условіямъ его процвѣтанія. Онъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, похожъ на счастіе, которое, если угодно, не составляетъ необходимости въ жизни, пока судьба намъ не послала его, но обращается уже въ самую вопіющую потребность сердца, когда мы сдружились съ нимъ. Живутъ люди и безъ достатку, и безъ

семейныхъ радостей, и безъ дружескихъ привѣтовъ, и даже безъ вѣрнаго здоровья. Никто однакожъ не назоветъ излишествомъ требованія, прихотью, если вы желаете себѣ подобныхъ благъ. Еще менѣе свойственно человѣку равнодушно переносить ихъ утрату. Въ жизни, съ извѣстной эпохи, рѣзко опредѣляется кругъ тѣхъ потребностей, которыхъ удовлетвореніе мы считаемъ законнымъ своимъ счастіемъ, единственною стихіею бытія, естественною и столь необходимою сферою, что за нею дыханіе становится томительнымъ. Заключась въ этой сферѣ, успокоенный духъ легко и отрадно носится надъ тропою жизни въ сладкой надеждѣ увидѣть конецъ ея, не разлучась ни съ однимъ изъ любимыхъ своихъ призраковъ, Онъ вѣруетъ въ ихъ постоянное присутствіе, какъ уже въ обреченную свою долю. Можно вообразить живо, какая холодная тѣнь должна лечь на сердце человѣка при внезапномъ разстройствѣ этаго порядка, который повидимому утвержденъ былъ самою судьбой для его блага, который постоянствомъ своимъ возлелѣялъ въ немъ любимое дитя жизни — привычку. Отъ потребностей, порождаемыхъ мечтательностію, сустностію, общежитіемъ, примѣрами, еще можно освободить душу, не низводя ея съ высоты, предоставленной ея личному достоинству. Благоразуміе, характеръ, воля, самобытность поддержатъ ее въ обыкновенныхъ превратностяхъ жизни, укажутъ ей замѣну, можетъ быть, болѣе существенную и болѣе согласную съ ея природою; они возстановятъ ея силы, потому

что введутъ ее въ новый, лучшій кругъ дѣятельности—единственнаго знаменія бытія души, единственнаго ея охраненія отъ всѣхъ недуговъ. Произнесите то утѣшительное слово, которое проникнетъ и наполнитъ радостію душу въ ея онѣмѣніи при невозвратной утратѣ блага, только и признаннаго ею здѣсь благомъ ея. На этотъ случай равносильнаго, точнаго слова покамѣстъ нѣтъ въ языкѣ.

Истинно-великой современный писатель, для насъ, призванныхъ съ нимъ въ одинъ періодъ умственной дѣятельности. является представителемъ того, что мы любимъ, къ чему стремимся и чего надѣемся. Онъ получилъ счастливый даръ воплотить и въ возможномъ совершенствѣ показать силы духовной производительности своего времени. Будучи индивидуаленъ, какъ всякое лице, онъ вмѣстѣ выражаетъ и общность вѣка, потому что дѣйствуетъ подъ современнымъ вліяніемъ. Умирая, онъ несравненно болѣе уноситъ съ собою отъ насъ, нежели отъ потомства, для котораго всегда останется живъ. Въ потомствѣ изъ его твореній составится какая-то цѣлость; ихъ недвижность дастъ имъ видъ полноты; по нимъ опредѣлятъ типъ вѣка. Но мы, разъединенные съ тѣмъ, кто дѣйствовалъ для насъ, и въ комъ наслаждались мы собственною жизнію, какъ въ ровномъ и звонкомъ пульсѣ движеніемъ нашей крови, мы съ его утратою лишаемся навсегда собственныхъ восторговъ сердца. Навсегда... Другой та-

лантъ, посланный въ замѣну современника нашего, не принадлежитъ намъ. Онъ будетъ отрадою и славою другаго поколѣнія, если судьба и ему также не откажетъ въ томъ, чѣмъ наградила насъ. Въ созданіяхъ новой жизни, въ движеніяхъ новой души, даже въ гармоніи обновленнаго языка уже нѣтъ для насъ того очарованія, подъ которымъ мы выросли, и въ которое облеклись для насъ всѣ лучшія мгновенія жизни. Мы будемъ участвовать въ новыхъ радостяхъ только умомъ, а не сердцемъ. Лучшія явленія духа вполнѣ и достойно оцѣниваются сочувствіемъ, а не размышленіемъ. Для сочувствія необходимо сліяніе всѣхъ звуковъ жизни, изъ которыхъ въ новомъ поколѣніи многія намъ чужды. За покинувшимъ насъ современникомъ мы обращаемся скорѣе къ прошедшему, и съ грустію привыкаемъ къ той мысли, что полный періодъ нашъ уже совершился. Такимъ образомъ смерть однаго человѣка заставляетъ насъ убѣдиться, что лучшая жизнь наша кончилась.

Если такъ трудно душѣ привыкнуть къ новой дѣятельности, не измѣняя почти сферы, съ одною уступкою прежняго, полнаго ея участія; то еще труднѣе для нея низойти къ чему нибудь несогласному съ ея благородными потребностями.

Изображая могущественное вліяніе на современниковъ писателя, одареннаго истиннымъ талантомъ, мы еще не касались обстоятельства, можетъ быть, не

столь важнаго, но конечно ближайшаго къ той и другой сторонѣ. Мы представляли поприще литератора въ общихъ чертахъ. Но пусть воображеніе ваше подведетъ васъ прямо къ тому пути, по которому вы такъ любили слѣдовать за избраннымъ существомъ. Представьте яснѣе то мѣсто и то время, которое оживотворено было явленіемъ его огненной души, всѣ подробности этихъ сценъ, неизглаживающихся никогда, всѣ мелкія соприкосновенія къ тѣмъ эпохамъ, которыя онъ своимъ волшебствомъ воздвигалъ на стезѣ вашей жизни. Тогда онъ не будетъ для васъ лице съ чертами неопредѣленными. Возвращаясь къ опустѣвшему поприщу его дѣятельности, вы сильнѣе поражены будете его отсутствіемъ.

Вообразимъ, что современнику суждено пережить вдохновеннаго витію, котораго зоркое око видѣло всю внутренность сердца и, проходя по изгибамъ его, выносило на свѣтъ тайныя помышленія, витію, котораго священный голосъ умилялъ своего слушателя, приводилъ въ ужасъ и сладостный трепетъ его душу, передъ которымъ каждый разъ сладостно было утопать въ слезахъ и возноситься къ чистымъ небесамъ, витію, которому въ понятномъ восторгѣ говоритъ поэтъ:

Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ,
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.

Твоимъ огнемъ душа палима,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

Съ утратою подобнаго провозвѣстника святыхъ истинъ, могучаго и вѣрнаго цѣлителя сердецъ нашихъ, какимъ холоднымъ умствованіемъ оградимъ себя отъ сокрушенія и скорби? Его каждая бесѣда была для насъ вѣрною ступенію къ нравственному совершенству; часы утѣшительной рѣчи его были торжественнымъ праздникомъ, котораго нетерпѣливо ожидала душа; храмъ, гдѣ мы встрѣчали его, еще благовѣстомъ своимъ приводитъ насъ въ неизъяснимо-сладкое трепетаніе. Чѣмъ замѣнить эту утѣшительную вѣру въ каждое слово его, полное жизни, внезапности и убѣжденія? Въ его трогательно-глубокихъ созданіяхъ мы привыкли обрѣтать отвѣты на всѣ искусительные вопросы и свѣта и страстей. Онъ очистилъ думы поколѣнія и разлилъ живительную теплоту въ цѣломъ обществѣ. Онъ шелъ впереди всѣхъ, какъ вожатай, и держалъ передъ нами свѣтильникъ, безъ котораго мгновенно очутились мы во тмѣ.

Если съ этаго высокаго поприща мы перейдемъ на другое, менѣе духовное, но также усладительное для человѣческой природы нашей; если мы остановимся у позорища, на которое талантъ выводитъ сильныя страсти и заманчивую игру сердечныхъ покушеній: безъ сомнѣнія и тамъ почувствуемъ его вла-

дычество надъ собою. Зрѣлище драмы, которой всѣ части представляютъ жизнь и совершенство, истину и разнообразіе, даетъ намъ новое бытіе съ новыми чувствованіями радости и печали. Талантъ можетъ образовать для насъ изъ театра училище свѣта и гражданскихъ доблестей. Самая многолюдная и самая пестрая толпа, можетъ быть, нигдѣ такъ легко и такъ единодушно не электризуется однимъ и равнымъ энтузіазмомъ, какъ при этихъ зрѣлищахъ, которыя со всѣмъ своимъ волшебствомъ такъ чудно устроиваются по движенію летучей мысли. Съ какимъ любопытствомъ, съ какимъ нетерпѣніемъ спѣшите вы присутствовать тамъ, гдѣ ожидаетъ васъ этотъ умъ, неистощимый въ созданіяхъ! Каждое новое зрѣлище открываетъ вамъ повидимому другой міръ. Первоначально вы были счастливы какъ удовлетворенный наблюдатель. Но чѣмъ болѣе наслаждаетесь, тѣмъ становитесь зависимѣе отъ могущества незримаго властителя. Онъ посвятилъ васъ въ глубокія таинства искуства. Къ нимъ вы прилѣпились вполнѣ. Подъ ихъ неизмѣнными знаменіями осуществляются для васъ всѣ образы, всѣ группы тѣхъ созданій, съ которыми вы всегда блаженствуете. Гармонія этаго міра уже проникнула душу зрителей. Утрата ощущенія, составляющаго необходимость мыслящей нашей системы, повергаетъ насъ въ какое-то неестественное состояніе. Мы чувствуемъ что-то похожее на паденіе, съ которымъ соединяется не только потеря животворной сферы, но и нравственная боль. Какъ примете вы обмѣнъ стройнаго

и вѣчно обновлявшагося жизнію міра на холодныя, бездушныя явленія, въ которыхъ ничего нѣтъ съ вами совмѣстнаго? Не затворитесь ли вы съ нѣмою печалію въ самихъ себѣ, чтобы избавить сердце отъ ничтожества сценъ, задушающихъ прежнія ваши наслажденія?

И не столь важныя эпохи, къ которымъ насильно приковывается воспоминаніе о талантѣ, человѣкъ, нелишенный чувства, сохраняетъ мысленно какъ бы нѣкоторую святыню. Талантъ гибкой, вѣрной, разнообразный можетъ такъ неожиданно, такъ часто мелькать передъ нами всегда въ новомъ блескѣ, какъ вырывающійся изъ-подъ земли фонтанъ, котораго каждая нить, каждая капля восхищаетъ зрителя. Трогая поперемѣнно то одну, то другую струну, этотъ счастливецъ вездѣ находитъ лучшій тонъ и отзывается на голосъ всякаго сердца, въ какой бы груди оно ни билось. Для него нѣтъ избраннаго рода, нѣтъ недоступной красоты и отверженнаго предмета. Не принадлежа исключительно какому нибудь одному классу читателей, онъ обходитъ ихъ круги, и его жизнь становится всеобщимъ источникомъ наслажденій. Въ эфемерномъ ли періодическомъ изданіи, или въ летучей брошюрѣ, на полновѣсной ли книгѣ, или подъ коротенькими строчками встрѣчается его магическое имя, повсюду блеститъ оно яркой звѣздочкой, и появленіе этой алмазной точки на небосклонѣ литературномъ есть уже эпоха для всѣхъ и каждаго. Намъ радостно при этомъ только

свѣтилѣ. Одинъ блестящій умъ мгновеннымъ лучемъ своимъ болѣе озаряетъ передъ нами истинъ жизни, нежели всѣ собиратели чужихъ сужденій. Его средства такъ легки и просты, но въ тоже время такъ вѣрны, что мы часто не поминаемъ, чѣмъ онъ дѣйствуетъ на насъ. Уже ли эта сказка, въ которой ни однаго нѣтъ восторженнаго слова, ни однаго гигантскаго характера, ни однаго трагическаго или идеально-каррикатурнаго положенія, лучше той повѣсти, блещущей новизною языка, избыткомъ удивительныхъ событій, сцѣпленіемъ внезапностей и поразительною развязкою? А неподкупное чувство, эта совѣсть ума, настойчиво насъ увлекаетъ къ первой, опять въ тотъ счастливый міръ простоты и истины, гдѣ намъ все такъ близко, гдѣ всему такъ вѣрится. И вотъ почти безсознательно, по какому-то моральному инстинкту, цѣлое поколѣніе молча оживляется при одномъ только голосѣ, окружаетъ себя созданіями разнообразными, но возникнувшими по одному призванію; все поколѣніе, съ непонятною ревностію, похожею на жадность корыстолюбца, собираетъ эти сокровища и не можетъ насытиться пріобрѣтеніями. Душа, какъ необъятная бездна, принимаетъ всѣ сіи дани. И если судьба на столько требованій внезапно возвѣщаетъ роковой отказъ — потрясеніе бываетъ всеобщее: оно такъ естественно, какъ при разрывѣ напряженныхъ силъ.

Сколь торжественно и выразительно обнаруживается при подобныхъ случахъ глубокое чувство го-

ресги, когда современники, пораженные утратою лучшаго для нихъ сокровища, вдругъ отъ своихъ частныхъ думъ патріотически переходятъ къ созерцанію общественной потери! Въ славѣ народной есть что-то для каждаго изъ насъ столь близко-радостное, столь сильно-животворное, что никто не въ состояніи отдѣлиться отъ нея безъ участія. Народная слава чудесно связываетъ огромную массу разнородныхъ существъ. Изъ ея лучей образуется пламя народнаго энтузіазма. Набѣгающее на нее облако всѣхъ покрываетъ мракомъ унынія. И нація чѣмъ образованнѣе, тѣмъ замѣтнѣе сіи явленія. Безъ славы нѣтъ исторіи, а народъ безъ исторіи ничтожнѣе и жалче кочующаго безыменнаго племени. Частному лицу позволено еще не искать мѣста въ исторіи; но на цѣломъ народѣ это стремленіе лежитъ какъ отвѣтственность, какъ долгъ. Слава даетъ народу нравственную силу, источникъ его политическаго благосостоянія. Потеря историческаго лица отнимаетъ часть нашихъ правъ на то всеобщее уваженіе, безъ котораго непріятно жить. Въ этомъ чувствѣ внезапнаго упадка для каждаго есть личная утрата.

Въ прошедшее десятилѣтіе мы, Русскіе, испытали подобное чувство. Смерть Карамзина была такою общественною потерею, которая коснулась каждаго сердца, принимающаго участіе въ славѣ отечества. Какъ писатель и какъ гражданинъ, онъ былъ украшеніемъ и своего вѣка и своей націи. Болѣе

тридцати пяти лѣтъ своей жизни онъ посвятилъ литературѣ. Онъ къ благороднымъ ея удовольствіямъ привлекъ всѣ классы народа, и тѣмъ привилъ къ жизни столько прекрасныхъ истинъ. Онъ сдѣлался отчасти причиною, что къ невѣжеству почувствовали стыдъ; и просвѣщеніе перестало быть ремесломъ нѣсколькихъ должностныхъ лицъ. Его талантъ открылъ ему потребности человѣческаго сердца, и указалъ средства, какъ на него дѣйствовать. Его дѣятельность ввела въ число ежедневныхъ удовольствій нашихъ такіе предметы, о которыхъ мы прежде и не думали. Трудясь постоянно на своемъ поприщѣ, Карамзинъ успѣхами своими привлекалъ къ себѣ возникавшіе таланты. Онъ представлялъ наконецъ средоточіе, около котораго обращалось все лучшее въ нашей литературѣ. Благородство его мыслей столько же служило къ разширенію этой прекрасной сферы, какъ и его талантъ. Дѣлить образъ его сужденія, дорожить его литературнымъ приговоромъ, дѣйствовать по направленію его вкуса было и поучительно и лестно, потому что умственное его превосходство опиралось на достоинство нравственное. Онъ не только образовалъ лучшее поколѣніе писателей, но и утвердилъ въ немъ этотъ возвышенный характеръ, который въ обществѣ даетъ ему столь почетное мѣсто. Карамзинъ любилъ свое искуство, а не извѣстность свою. Онъ писалъ такъ, какъ убѣжденъ былъ въ сердцѣ. Успѣхи ему драгоцѣнны были по одной пользѣ. Лучшаго судію онъ видѣлъ въ своей

совѣсти. Вотъ почему ни онъ, ни дѣйствующіе въ его правилахъ никогда не предпочитали вліянія на массу прямымъ успѣхамъ искуства. Карамзинъ заключилъ свое поприще трудомъ, безцѣннымъ и для славы Россіи и для пользы всѣхъ Русскихъ литераторовъ безъ исключенія. Его исторія показала національное наше достоинство и сообщила краски всѣмъ отраслямъ отечественной словесности.

Сдѣлавъ такъ много для Россіи, Карамзинъ не успѣлъ привести къ окончанію того, на что современники довѣрчиво смотрѣли, какъ на принадлежащее имъ. Судьба остановила его на такомъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ для насъ необходимѣе всякаго. Человѣкъ высшей образованности, принадлежавшій къ тому классу общества, котораго члены большею частію лично соприкосновенны къ великимъ государственнымъ событіямъ, мыслитель многообъемлющій и безпристрастный, какъ ясно и независимо разрѣшилъ бы онъ для насъ важнѣйшіе вопросы въ важнѣйшей эпохѣ Русской исторіи! Мысль всегда свѣтлая и точная, объемъ событій полный и согрѣтый участіемъ, изображеніе стройное, отчетистое и блестящее жизнію, знаніе дѣла, почерпнутое въ лучшихъ источникахъ со всею осмотрительностію ума зоркаго и опытнаго, эти черты его таланта не только не ослабѣвали съ лѣтами, но повидимому принимали выраженіе болѣе сильное и болѣе достойное предмета. Въ послѣднихъ трудахъ его ни на одной страницѣ не обнаружилось старости, или охлажденія душевнаго.

Въ шестдесятъ лѣтъ онъ еще былъ неизмѣнно увлекательнымъ и вдохновеннымъ. Все это ручалось современникамъ его за будущее. Они такъ убѣждены были въ окончаніи великаго труда его, который столько лѣтъ составлялъ необходимое условіе ихъ счастія, что смерть Карамзина оплакиваема была, какъ внезапная утрата человѣка въ цвѣтущемъ возрастѣ.

Дмитріевъ, товарищъ и другъ Карамзина въ литературѣ и жизни, пережилъ его десятилѣтіемъ. Извѣстіе о кончинѣ Дмитріева произвело въ насъ другое чувство, хотя не менѣе горестное. Уже нѣсколько лѣтъ онъ почти не являлся какъ писатель. Но онъ былъ еще между нами живой памятникъ прекраснаго вѣка, съ котораго мы начинаемъ новую нашу литературу. Въ его присутствіи была потребность сердечная, подобная той, какую чувствуютъ дѣти въ долголѣтіи родителей. Не охладѣвъ душею до конца жизни своей къ умственнымъ занятіямъ, которыя озарили славою лучшіе годы его, онъ былъ совѣтникомъ, другомъ и судіею нашимъ въ литературѣ. И сколько на это неотъемлемыхъ правъ судьба ему послала! Три четверти столѣтія онъ былъ свидѣтелемъ усилій, успѣховъ и перемѣнъ въ Русской словесности. Онъ видѣлъ Державина еще въ полномъ блескѣ. Онъ слушалъ первые стихи Жуковскаго. Онъ даже успѣлъ прочитать и неконченные стихи на Лицейскую годовщину. Избравъ себѣ мѣсто на поприщѣ,

гдѣ эти люди дѣйствовали передъ нимъ и послѣ него, сохранивъ къ нимъ чистую любовь и уваженіе, онъ сохранилъ и свое мѣсто со всею своею славою.

Нѣтъ, никогда ничтожный прахъ забвенья
Его струнамъ коснуться не дерзнетъ:
Невидимо, ихъ геній вдохновенья,
Всегда крылатый, стережетъ.

Въ Державинскій вѣкъ труднѣе всего было защититься молодому поэту отъ вліянія всеувлекающаго генія пѣвца Фелицы. Но таково свойство истиннаго таланта, что онъ, и наслаждаясь изумительными явленіями искуства, самъ творитъ въ независимой области. Нѣтъ сомнѣнія, что это бываетъ безъ предварительнаго сознанія; тѣмъ не менѣе послѣдствія прекрасны и благотворны: духовная дѣятельность расширяется, мысли стремятся по свѣжему пути, новыя стороны предметовъ обогащаютъ умъ новыми истинами. Дмитріеву, съ его талантомъ, не столь могущественнымъ и оригинальнымъ, каковъ былъ талантъ Державина, суждено было произвести великое преобразованіе въ современной литературѣ. Разнообразный въ своихъ стихотвореніяхъ, доступный всякаго рода читателямъ, обработанный, но не до утраты обольстительной простоты, остроумный и вмѣстѣ добродушный, счастливый въ вымыслахъ, столь дружныхъ съ непреложными законами вѣчно нравящейся истины, онъ началъ эпоху поэзіи свѣтлой и оживленной вѣрными красками. Онъ далъ искуству движеніе и сообщительность. При жизни

Дмитріева вышло шесть изданій его стихотвореній, тогда, какъ Державинъ, уже по смерти своей, во второй разъ изданъ вполнѣ.

Каждый изъ современныхъ намъ писателей говоритъ съ любовію, что Дмитріевъ былъ первымъ его учителемъ. Счастливо обработанные стихи поэта, живыя мысли его, такое множество предметовъ, драгоцѣнныхъ для Русскаго сердца, шутки острыя и благородныя, картины разнообразныя и свѣтлыя, все это вмѣстѣ воспитывало наше дѣтство, обогащало память, давало хорошее направленіе вкусу и поддерживало привязанность къ литературѣ. При каждомъ необыкновенномъ явленіи въ словесности, мы обращались къ наставнику своему въ воспоминаніе тѣхъ уроковъ, за которыми выросли. Домъ его, для писателей, пріѣзжавшихъ въ Москву, былъ первымъ мѣстомъ посѣщенія. Что-то родственое отзывалось въ сердцѣ при вступленіи въ это жилище. Мысли, сверкавшія въ разговорахъ его, уносили насъ къ лучшему времени литературной жизни. Какъ семейнаго праздника ожидали мы пріѣздовъ его въ Петербургъ. Около него толпилось все, что чувствуетъ цѣну таланта. Онъ являлся какъ бы патріархомъ воспитаннаго имъ многочисленнаго семейства. Къ этимъ движеніямъ благодарности и вѣрованія присоединялось еще одно обстоятельство, по которому жизнь его и въ послѣдніе годы была для насъ столь драгоцѣнна. Сошедъ съ открытаго поприща литературы, Дмитріевъ въ кабинетѣ не

покидалъ еще пера своего. Онъ вносилъ въ Записки свои замѣчательныя черты Русскаго ума и Русской жизни, о которой, при наблюдательномъ духѣ и на такомъ выгодномъ протяженіи, онъ могъ сказать мно́го и любопытнаго и наставительнаго, болѣе, нежели кто-нибудь. Близкія къ нему особы знали цѣну этаго уединеннаго и безкорыстнаго труда. Мы слишкомъ бѣдны произведеніями такаго рода, безъ котораго біографія и даже исторія суха и безжизненна. Одна лишняя страница, принявшая на себя обдуманныя строки человѣка съ талантомъ, могла разрѣшить важное недоумѣніе, опровергнуть вредную мысль и бросить въ сокровищницу знаній новую благотворную истину. Дмитріевъ, подобно Карамзину, и въ преклонныхъ своихъ лѣтахъ не зналъ ни дряхлости, ни ссабленія душевныхъ силъ. Его утрата снова возбудила живое сожалѣніе о его другѣ, какъ будто въ немъ мы лишились его въ другой разъ, какъ будто теперь уже несомнѣннѣе стала потеря Карамзина.

Между этими двумя мужами, полными лѣтъ и трудовъ, въ прошломъ году положили мы безвременно юношу, съ которымъ, по законамъ природы, должны были вмѣстѣ окончить земное странствованіе. Онъ былъ любимый поэтъ современниковъ. Рано и быстро взошелъ онъ на завидную чреду свою, какъ будто потому, что слишкомъ рано и слишкомъ быстро ему суждено было покинуть ее. Много даровъ послала ему природа—и въ недолгіе годы свои онъ

совершилъ многое. Безъ опытовъ, безъ усилій, проницательнымъ умомъ своимъ онъ глубоко взглянулъ въ человѣческое сердце и разсказалъ намъ про его тайны. Онъ весь былъ изъ ощущенія. Природа и жизнь не теряли для него ни минуты: все ему было въ нихъ неизгладимымъ и плодотворнымъ впечатлѣніемъ. Его двигалъ безпрерывный трудъ. Въ уединеніи, въ обществѣ, въ занятіи, въ покоѣ, въ разсѣянности, въ размышленіи, въ прогулкѣ, онъ все былъ обладаемъ неотвязчивою жизнію своего духа. Невольникъ всѣхъ своихъ чувствъ, онъ принужденъ былъ ежеминутно работать для ненасытимой ихъ жажды. Душа его, какъ мелькающее пламя, блистала въ безостановочномъ напряженіи: то, самовластно возникнувъ, вѣяла въ нее память какими нибудь давними звуками; то встревоженный умъ возлагалъ на ея свѣтлую точку свои любимыя идеи, колебля ея ѳеирное существо; то окружала ее чудно созданными образами фантазія — и все въ этой душѣ должно было разрѣшиться, найти свое мѣсто и принять независимое, прочное существованіе.

И такъ можно сказать, что онъ жилъ долго и разнообразно. О немъ нельзя не повторить:

Съ природой—одною онъ жизнью дышалъ.

Онъ оставилъ намъ подробную исторію необыкновенной своей жизни. Событія изображены въ ней такъ

правдоподобно, такъ ясно, такъ убѣдительно, что самые странные случаи носятъ всѣ признаки дѣйствительности; по крайней мѣрѣ сердце никогда въ нихъ не сомнѣвается. Но вотъ, на чемъ остановишься: герой этихъ сказаній является въ нихъ безпрестанно лицемъ новымъ, такъ, что въ немъ попеременно отражалось, кажется, все, что мы называемъ міромъ. Можно ли назвать иначе, какъ не исторіею жизни самаго поэта, разнообразныя эти произведенія, въ которыхъ каждый моментъ такъ вѣренъ природѣ вещей? Въ самомъ дѣлѣ, прежде, нежели проносились страсти, вызываемыя имъ для оживленія картинъ, воображеніе не заставляло ли его колебаться отъ внутреннихъ бурь, и живописца не превращало ли въ натурщика? Безъ этаго предположенія, невозможно изъяснить ни его удивительнаго сближенія съ предметами посторонними, ни ихъ обильной видоизмѣняемости при столь неизмѣнномъ совершенствѣ. Слѣдуя внимательно за дѣйствующими лицами въ его поэмахъ, драмахъ, повѣстяхъ, сказкахъ, балладахъ, чувствуешь, что поэтъ не вложилъ имъ въ сердце ни однаго движенія, въ мысли ни одной думы, въ уста ни однаго слова, которыя бы дѣйствительно не были собственностію ихъ сердца, мыслей и устъ. Говоритъ ли онъ какъ историкъ, путешественникъ, критикъ: все, кажется, на его глазахъ жило и совершалось. Въ его душѣ нашлось мѣсто и легкимъ, мгновенно улетающимъ призракамъ задумчивости, въ которую когда-то погружался пѣвецъ древней Греціи, или пламеннаго

Востока. Онъ изучилъ и всѣ наши неисчислимые оттѣнки причудъ, желаній, страстей, съ такою прелестью изобразивъ ихъ въ гармоническихъ, прозрачныхъ и вѣрныхъ памяти стихотвореніяхъ, для которыхъ и названія не придумать наукѣ. Если бы все это, какъ фантастической сонъ, только пронеслось надъ его душей, не слившись съ нею, она бы не въ состояніи была мечтательной жизни такъ ярко запечатлѣть истиною, а еще менѣе изгладила бы слѣды постепеннаго сближенія предметовъ, этой лѣстницы идей, по которой душа подъемлется, вымышляя собственный міръ? Нѣтъ, чувствуешь и вѣришь, что она только преобразила въ безконечный концертъ дивную природу, которая глубоко тѣснилась въ нее и въ ней совмѣщалась—безъ плана, безъ симметріи, безъ очереди, но въ полнотѣ жизненныхъ силъ своихъ.

Удѣлъ такаго дарованія, неизъяснимаго и столь рѣдко ниспосылаемаго, есть нескончаемая производительность. Величайшій навыкъ изобрѣтать и обработывать предметы литературныхъ трудовъ, навыкъ, поддерживаемый всѣми усиліями ума, наконецъ истощается, или теряетъ даръ обновлять свѣжестью свои созданія. Но никогда не оскудѣетъ міръ для души, предызбранной быть его чистымъ отраженіемъ. Никакое долголѣтіе, никакая плодотворность не могутъ исчерпать сего источника. Въ страдательномъ состояніи своемъ, такой поэтъ не властенъ опредѣлить напередъ ни роду сочиненій своихъ, ни формы, ни ихъ

красокъ. У него все зависитъ отъ перваго, тайно его ждущаго, вдохновительнаго впечатлѣнія. Одинъ признакъ измѣняемости, неизбѣжной въ дѣлахъ человѣка, замѣчаешь въ произведеніяхъ этаго таланта: чѣмъ болѣе представляетъ онъ своихъ опытовъ, тѣмъ замѣтнѣе упрощается его искуство. Въ юношескомъ одушевленіи, у него еще не достаетъ силы отрѣшить себя и волнующихся въ душѣ любимыхъ своихъ идеаловъ отъ лицъ и страстей ихъ, на обновленіе ввѣряемыхъ ему природою и жизнію. Неминуемо сближаяся съ законами истины по мѣрѣ своихъ занятій, онъ становится строже къ самому себѣ, устраняетъ всякое личное участіе въ чуждомъ дѣлѣ, и превращается въ то вѣрное *Эхо*, котораго судьбою нашъ поэтъ изобразилъ собственную судьбу.

Реветъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ—
На всякой звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.

Эпоха, въ которую начинаетъ онъ дѣйствовать такъ безлично, показываетъ полную зрѣлость таланта. Литература обогащается тогда произведеніями, которыя будутъ ея лучшимъ достояніемъ при всѣхъ перемѣнахъ вкуса; потому что ихъ достоинства основаны на образцѣ, вѣчно восхищающемъ человѣчество.

Утраченный Россіею поэтъ, котораго характеристику, равно какъ и его произведенія, долго будутъ изучать поклонники искуства, прошелъ всѣ степени, назначаемыя природою для подобныхъ ему талантовъ. Въ исторіи нашей литературы нѣтъ примѣра, кто бы возмужалъ независимѣе его и быстрѣе. Нѣтъ примѣра, кто бы сдѣлался болѣе властительнымъ во всѣхъ классахъ читателей, не низводя достоинства призванія своего. Имя его, какъ поэта, произносилось во всѣхъ концахъ обширной Россіи. Явленіе каждаго новаго его сочиненія, пробуждало любопытство и участіе людей самыхъ незаботливыхъ о словесности. Даже иностранцы, для которыхъ Русскіе звуки еще невнятны, внесли его имя въ списокъ знаменитыхъ людей. Они могли судить о немъ только по переводамъ. Но кто передастъ на другомъ языкѣ эти стихи и эту прозу, не измѣнивъ ихъ физіономіи? Для насъ въ немъ было все полно жизни и сочувствія. Литература наша съ его именемъ соединяла всѣ свои блестящія надежды.

Трудъ, за которымъ его застала смерть, былъ выше всего, что мы отъ него получили. Онъ готовилъ намъ исторію Петра Великаго. Эта мысль, овладѣвшая его душею, занимала его преимущественно въ послѣдніе годы. Чувствуя живо величіе предпріятія, онъ желалъ совершить его достойнымъ образомъ. Заготовленные имъ матеріалы свидѣтельствуютъ, въ какой полнотѣ хотѣлъ онъ обнять предметъ свой.

Силы его таланта уже достаточно ручались за успѣхъ. Исполненіе блистательное было всегда его удѣломъ. За трудъ, который требуетъ не только знаній, терпѣнія, проницательности, но еще сочувствія въ величіи, непосредственнаго соприкосновенія къ идеямъ и силамъ исполинскимъ, оригинальной, широкой кисти, чтобъ ожила въ подлинныхъ краскахъ вся эта чудесная эпоха—для такаго труда одинъ великой талантъ и предызбранъ. Въ этомъ дѣлѣ какой бы голосъ ни подалъ человѣкъ обыкновеннаго ума, его судъ не будетъ принятъ, потому что въ его судѣ не будетъ художнической правды.

Мы потеряли поэта въ его лучшіе годы. Смерть его произвела не жалость, но какое-то оцѣпенѣніе. Странно было слышать, но мучительнѣе увѣрить себя въ утратѣ, къ которой ничто не приготовляло. О немъ можно сказать, что смерть не похитила его, но оторвала отъ насъ. Чувство, испытанное современниками въ эту минуту, не принимало обыкновенныхъ оттѣнковъ, смотря по различію характеровъ и отношеній: оно выразилось ровнымъ болѣзненнымъ содроганіемъ. Теперь время и размышленіе привели душу въ другое состояніе: она измѣряетъ пространство, отдѣлявшее великаго поэта отъ его послѣдователей, и задумчиво смотритъ на на судьбу благороднаго искуства, въ которомъ такъ много народной славы.

Можетъ быть, и долго намъ суждено переноситься мыслію къ тихому пристанищу, гдѣ онъ почіетъ, совлекшійся житейскихъ помышленій, а мы сѣтуемъ, не умѣя разстаться съ несбывшимся ожиданіемъ. Во всякомъ случаѣ, мѣсто вѣчнаго его успокоенія умилительно для насъ. Оно приняло въ нѣдра маленькаго своего пространства скудную дань персти; но душа не перестанетъ чувствовать тамъ присутствія создательныхъ идей, даже и тогда, когда въ нѣдрахъ земли ничего не останется отъ принятой ею дани. По дорогѣ отъ Новоржева (Псковск. г.), верстъ за тридцать-пять до Опочки, изъ-за холмовъ показывается скромный, тонкій шпицъ колокольни Святогорскаго монастыря, не обширнаго, но картинно расположеннаго на горѣ. Высшая точка ея въ древности носила наименованіе Синичьей горы. Тутъ стоитъ каменная церковь Успенія Божіей Матери. Два всхода устроены, чтобы изъ монастыря подняться до церкви. Одинъ состоитъ изъ большихъ булыжныхъ кругляковъ, красиво складенныхъ. Изъ нихъ даже образованы стѣны, коихъ верхняя часть достроена изъ досокъ. Надъ этимъ всходомъ не такъ давно поставлена крыша. По стѣнамъ продѣланы окна, которыя, какъ развѣшенные пейзажи, представляютъ проходящему прелестные виды на обѣ стороны. Другой всходъ, подобный первому, осѣненъ не искуственнымъ навѣсомъ, но древесными вѣтьвями. Старинная небольшая церковь красива своею простотой. Ея иконостасъ поднимается до самаго купола. За церковью, передъ алта-

ремъ, представляется площадка шаговъ въ двадцать-пять по одному направленію и около десяти по другому. Она похожа на крутой обрывъ. Вокругъ этаго мѣста растутъ старыя липы и другія деревья, закрывая собою видъ на окрестности. Передъ жертвенникомъ есть небольшая насыпь земли, возвышающаяся надъ уровнемъ съ четверть аршина. Она укладена дерномъ. Посрединѣ водруженъ черный Крестъ, на которомъ изъ бѣлыхъ буквъ складывается имя: Пушкинъ.

ПРАЗДНИКЪ ВЪ ЧЕСТЬ КРЫЛОВА.

2-го Февраля нынѣшняго года совершилось 70 лѣтъ отъ рожденія И. А. Крылову, и 50 лѣтъ съ появленія первыхъ его стиховъ. Между знаменитыми писателями нашими немногіе дожили до старости, столь почтенной, и едва ли хоть одинъ цѣлое полустолѣтіе постоянно оставался на поприщѣ словесности. Ломоносовъ умеръ 54 лѣтъ, Фонвизинъ 47, Карамзинъ 61, Озеровъ 46, а Пушкину не исполнилось и 37 лѣтъ. Только Державинъ и Дмитріевъ перешли за семидесятилѣтіе: первый умеръ 73, а другой 77. Но никому еще въ Россіи судьба не посылала такаго счастливаго удѣла въ литературѣ, какой достался Крылову. Въ немъ равныя совершенства, разсматривать ли его какъ поэта, какъ баснописца и какъ Русскаго писателя.

Поэтъ, по назначенію своему, обязанъ все, доступное обработыванію душевныхъ силъ, лучшими орудіями языка пересоздать въ ясные, полные и живые образы, которые бы изъ области его искуства представляли намъ еще природу со всѣми вѣчными ея законами. Люди и самъ поэтъ могутъ изъяснять это назначеніе разнообразно до безконечности, примѣнять его къ своимъ нуждамъ и устремлять ко множеству цѣлей. Это и неизбѣжно, когда всѣ высшія явленія мы изъясняемъ съ нашей низменности. Между тѣмъ никто не признаетъ истиннымъ поэтомъ того человѣка, у котораго или нѣтъ силъ соперничествовать съ природою, или выказывается какое нибудь отстраненіе отъ ея условій. Поэтъ, приводя только въ дѣятельность свои счастливыя дарованія, уже достигаетъ главной своей цѣли, или назначенія. Кто во зло употребляетъ такъ благодатно ниспосланныя ему душевныя силы, тотъ презрителенъ: это ничего не доказываетъ, кромѣ жалкой истины, что небесное можно унизить на землѣ. Могущество прекрасно-настроеннаго дарованія рѣдко бываетъ всеобъемлющимъ, рѣдко съ одинаковымъ успѣхомъ обработываетъ всю массу впечатлѣній, волнующихъ душу. Гораздо чаще поэтъ отдѣляетъ для себя нѣкоторыя только части, или даже одну часть матеріаловъ. Трудно съ точностію опредѣлить, отъ чего останавливается онъ имянно на этихъ предметахъ, а не на другихъ. Причины безъ сомнѣнія заключаются частію въ его собственной душѣ, частію въ томъ, что на нее дѣйствуетъ. Но

такъ какъ все внѣшнее, усвоено будучи душею, образуетъ наконецъ ея же существо; то позволительно изъяснять особенности поэтовъ особенностію ихъ внутренней природы.

Крыловъ, въ точномъ смыслѣ слова, поэтъ. Область его созданій озарена свѣтомъ истинной жизни; всѣ образы движутся, дѣйствуютъ; въ нихъ есть и теплота и одушевленіе. Нѣтъ у насъ поэта, который былъ бы законнѣе его въ художническомъ исполненіи. Онъ строгъ къ себѣ какъ стоикъ. Но это не изсушило цвѣтовъ его поэзіи. На нихъ блестятъ краски; они сочны и роскошны какъ лучшіе первенцы весны. Крыловъ не разнороденъ, но разнообразенъ. Можетъ быть, величайшимъ для него благомъ было то, что онъ вполнѣ и вовремя созналъ себя. Оставивъ другія отрасли безграничнаго искуства, онъ всего себя посвятилъ одной, для которой природа такъ счастливо образовала его душу. Преобладающее направленіе ума его обнаруживается уроками практической, житейской мудрости. Онъ по природѣ своей такъ наклоненъ къ этому предмету, что изслѣдованіями своими обвелъ его со всѣхъ сторонъ. Перечитывайте его сочиненія, разговаривайте съ нимъ, изучайте его мнѣнія, привычки, все, подъ чѣмъ выказывается этотъ сгибъ ума, въ каждомъ человѣкѣ особенный: вы обогатитесь наблюденіями вѣрными, неисчислимыми, тонкими и до невѣроятности новыми. Если бы въ талантѣ Крылова замѣтенъ былъ недостатокъ или

производительныхъ силъ, или живости воображенія и сочувствія съ истинными красотами природы; то, при его направленіи ума, легко можно бы вдаться въ холодность дидактическую, чего не замѣтишь ни въ одномъ его стихотвореніи. Обдумывая изложеніе какой нибудь истины, которая сама по себѣ столько же неоспорима, какъ и нага, онъ поэтическимъ чувствомъ видитъ или слышитъ ее въ душѣ своей раждающуюся такъ согласно съ законами искуства, какъ бы зачалась она прямо съ поэтическаго зародыша—съ формы чувственной и вмѣстѣ одушевленной. Въ такомъ видѣ она возрастаетъ у него и наконецъ входитъ въ свой предѣлъ зрѣлости. Ни одинъ изъ множества тоновъ прекраснаго не затруднилъ его. Онъ каждый выдержалъ вѣрно, перепробовавши всѣ. Обработываніе однаго рода поэзіи не препятствуетъ истинному таланту разнообразитъ его произведенія. Прочитавъ нѣсколько стихотвореній Крылова, нельзя сказать, что уже привыкнулъ къ нему. На всякую новую истину у него готовы и новыя краски, и новое вдохновеніе, и новая жизнь. Остановясь мысленно передъ какою нибудь идеею, вникая ли въ нее долго, или по художническому свойству мгновенно обнимая ее съ неимовѣрною живостію, какъ бы то ни было, только онъ никогда не возвращается къ прежнимъ своимъ картинамъ, не ищетъ пособія въ старыхъ своихъ опытахъ, но сливается вполнѣ съ предметомъ, въ эту минуту его поразившимъ, и все почерпаетъ изъ этой жизни, привязываясь къ ней съ жаромъ первой лю-

бви. Судя потому, что Крыловъ изложилъ уже столько уроковъ практической мудрости, напрасно бы подумали мы, будто онъ истощилъ весь запасъ истинъ, доступныхъ его душѣ: онѣ для него также неистощимы, какъ явленія жизни. Даже старая мысль, можетъ быть, нѣсколько разъ являвшаяся у его предшественниковъ, легко увлечетъ его, а съ нимъ и насъ, если только счастливое мгновеніе укажетъ ему на нее въ новомъ образѣ и въ другой сферѣ, если только она потревожитъ его поэтическое чувство: и мы встрѣтимъ ее какъ созданіе, трепещущее свѣжестію бытія.

Находясь на столь высокой степени какъ поэтъ, Крыловъ еще замѣчательнѣе какъ баснописецъ. Идея поэзіи вообще до такой обширности доведена теперь, и вѣроятно явленіями новыхъ талантовъ такъ еще будетъ распространена, что одному лицу, со всѣмъ разнообразіемъ, со всею неисчерпаемостію творчества, никогда не наполнить собою того представленія, которое душа образовала о поэтѣ вообще. Чѣмъ недостижимѣе являлись геніи, тѣмъ необъятнѣе содѣлались требованія. Баснописецъ, преимущественно предъ другими поэтами, опредѣлительнѣе рисуется въ воображеніи. Хотя и здѣсь никакой нѣтъ возможности исчислить всѣ видоизмѣненія характеровъ, всѣ тоны и оттѣнки произведеній, всѣ пріемы силъ воображенія; покрайней мѣрѣ для наблюдателя виднѣе дорога, по которой долженъ итти баснописецъ. Какъ бы ни были смѣлы шаги его, какъ бы онъ ни раздви-

галъ широко пространство, по которому совершаетъ избранный свой путь, мы знаемъ его направленіе и въ состояніи за нимъ слѣдовать хотя издали, давая себѣ отчетъ о немъ опредѣлительнѣе. На всякую мысль онъ набрасываетъ легкій и прозрачный покровъ аллегоріи. Онъ во всемъ чувствуетъ проявленіе чего-то человѣческаго, подобно жителю Индіи, вѣрующему въ переселеніе душъ. Нѣтъ вещи въ природѣ, которая бы не говорила ему о человѣкѣ, и каждое о немъ помышленіе пріемлетъ какой нибудь одинъ изъ тѣхъ образовъ, которыми такъ богата вселенная. Но какія бы видѣнія ни преслѣдовали душу баснописца, онъ не можетъ освободиться отъ двойственнаго прикосновенія: съ одной стороны человѣка, съ другой аллегорическихъ актёровъ, замѣняющихъ его въ каждомъ апологѣ.

Баснописецъ, приведенный самою сущностію поэзіи своей въ какую-то ограниченную дѣятельность, принужденъ истощать весь талантъ на образы, положенія и другія внѣшнія красоты выводимыхъ имъ существъ, по наслѣдству переходящихъ изъ одной литературы въ другую. До Крылова такъ невелико было число апологическихъ преданій, что многіе критики, какъ бы только изъ снисхожденія къ похвальному труду баснописцевъ, за правило приняли опредѣлять ихъ достоинство умѣньемъ освѣжать обветшалыя картины новизною красокъ. Крыловъ первоначально и самъ не думалъ вытти изъ общаго круга разсказовъ. Можетъ быть, этотъ тѣсный горизонтъ

идей, изъ-за котораго мудрено съ перваго шага предвидѣть обширное поле, нѣкогда породилъ въ немъ то отвращеніе отъ апологической поэзіи, о которомъ не забылъ онъ до сихъ поръ. Любопытно слушать, когда онъ вспоминаетъ, что предшественникъ его, другой знаменитый баснописецъ, Дмитріевъ, началъ первый убѣждать его заниматься сочиненіемъ басень, прочитавъ переведенныя Крыловымъ въ праздное время три басни изъ Лафонтена. Преодолѣвъ отвращеніе свое отъ этаго рода и заглушивъ раннюю страсть къ драматической поэзіи, Крыловъ нѣсколько времени ограничивался то подражаніемъ, то передѣлкою извѣстныхъ басень. Хотя въ первыхъ его опытахъ знатоки увидѣли уже явленіе любопытное въ литературѣ нашей — и Жуковскій въ Вѣстникѣ Европы, котораго онъ былъ тогда издателемъ, произнесъ съ любовію прекрасное свое мнѣніе объ его талантѣ; но нашъ Крыловъ нынѣшній былъ впереди. Тогда еще позволено было, въ похвалу, называть его другимъ Лафонтеномъ. Между тѣмъ, по мѣрѣ новыхъ трудовъ своихъ, онъ видимо становился независимѣе отъ сравненій, и наконецъ дошелъ до совершенной самобытности въ своемъ родѣ. Басня осталась для него только привычною формою поэзіи неистощимой и всеобъемлющей. Человѣкъ въ частной своей жизни, гражданинъ въ общественной дѣятельности, природа въ своемъ вліяніи на духъ нашъ, страсти въ ихъ бореніи, причуды, странности, пороки, благородныя движенія сердца, вѣчные законы мудрости—все перешло

въ его область, все подверглось его изслѣдованію, все, къ общему изумленію, разрѣшено имъ съ такою ясностію, съ такою легкостію, съ такимъ высокимъ поэтическимъ достоинствомъ, что нынѣ Крыловъ, какъ баснописецъ, конечно первый поэтъ въ Европѣ. Самыхъ знаменитыхъ, изъ числа его предшественниковъ, можно сравнить съ дѣтьми; а онъ подлѣ нихъ— мужъ. Они простодушны и увлекательны, а онъ глубокъ и поразителенъ. Поэзія къ нимъ являлась для оживленія всѣмъ извѣстной мысли; а у него передъ глазами полная сокровищница жизни, изъ которой онъ извлекаетъ все новыя мысли, и съ ними новую поэзію.

Неудивительно, что лучшіе Европейскіе поэты заплатили ему достойную дань своего удивленія, переведши его басни на разные языки. Не чувствуя всѣхъ красотъ подлинника, они поражены были созданіями его поэтически-глубокаго ума, и желали обогатить ими каждый свою словесность. Это впрочемъ только начало его славы. Полная слава Крылова еще впереди. Когда языкъ Русской сдѣлается предметомъ изученія Европейцевъ, какъ нынѣ изучаются языки Французскій, Нѣмецкій и Англійскій; тогда баснописецъ нашъ будетъ любопытнѣйшимъ предметомъ всеобщихъ изслѣдованій. Въ немъ столько явленій жизни Русскаго народа, столько рѣзкихъ особенностей нашего ума, нашихъ нравовъ, столько игры народнаго остроумія, тонкости и простодушія,

столько событій изъ современной поэту эпохи, столько неизъяснимой гибкости Русскаго языка всѣхъ тоновъ, что по его сочиненіямъ можно будетъ составить полную картину Россіи. Истинный поэтъ, говоря нефигурально, такой же дѣеписатель, какъ и историкъ, съ тою разницею, что послѣдній сохраняетъ строгую систему въ распредѣленіи событій, а первый набрасываетъ группы, не заботясь о ихъ послѣдовательности. Но поэтъ, для души, способной все понимать въ немъ, глубокомысленнѣе и наставительнѣе историка, точно такъ, какъ созерцаніе самой природы далѣе уводитъ въ естествознаніи, нежели изученіе Бюффона и Линнея. Одинъ успокоиваетъ васъ, снабжая положительными свѣдѣніями; другой, поражая васъ необъятностію и неисчислимостію сторонъ, до которыхъ въ этомъ предметѣ никто еще не коснулся, пробуждаетъ всю дѣятельность вашего ума. Геніальныя идеи нравственности, политики, законодательства, однимъ словомъ, человѣковѣдѣнія, заключены преимущественно въ твореніяхъ великихъ поэтовъ. Но онѣ, какъ драгоцѣнные камни, какъ подземные тайники, какъ силы и законы природы, сокровенны, и требуютъ много умственныхъ пособій, чтобы обрѣсть ихъ и дать имъ примѣненіе. Крыловъ, ограничивъ дѣятельность свою въ самомъ тѣсномъ родѣ поэзіи, вышелъ на эту стезю обилія и величія, гдѣ проходили знаменитѣйшіе наставники человѣчества. Онъ во всемірное книгохранилище положилъ твореніе о своемъ отечествѣ, съ изумительнымъ прагматизмомъ обработанное.

Явленія Русской жизни со всѣми частностями, прикосновенными къ этой идеѣ, можетъ быть, не обозначились бы такъ поэтически - вѣрно, такъ поразительно, такъ неизгладимо, если бы они представляемы были зрителю другимъ художникомъ-писателемъ. Въ Русскомъ языкѣ Крылова есть таинства, еще никѣмъ изъ нашихъ поэтовъ не разоблаченныя: по крайней мѣрѣ никто ими не воспользовался такъ въ своихъ произведеніяхъ, какъ Крыловъ. Онъ какъ будто родился для того, чтобы все Русское облекать въ такіе стихи, отъ которыхъ предметъ заимствуетъ болѣе жизни и цвѣту. Онъ въ такой симпатіи сходится съ идеями, что для обозначенія ихъ выбираетъ съ удивительною разборчивостію и мѣткостію только имъ и свойственныя выраженія, обороты рѣчи, разстановку словъ, даже звуки ихъ. Конечно въ самой сущности дѣла идея уже предполагаетъ бытіе и слова своего; но въ этомъ и состоитъ авторское достоинство, чтобы совокупить въ произведеніи со всею строгостію только такія идеи, которыя вмѣстѣ образуютъ чудную гармонію мыслей, картинъ и событій. Однаго и того же содержанія сцены у разныхъ народовъ, въ разныхъ странахъ, дѣйствуютъ на зрителя неисчислимо разнообразно, въ слѣдствіе того, что стихіи жизни, соотвѣтственно причинамъ, дѣйствующимъ на душу, разнообразно совокупляются, образуя цѣлое. Крыловъ проникнутъ чувствомъ всего Русскаго. Человѣкъ и его дѣйствія, мысль и языкъ, образы и ихъ изложенія, все у него возникаетъ въ

воображеніи подъ неизмѣннымъ типомъ народности нашей. Эта строгая истина въ художествѣ, озаренная прочими высокими совершенствами его таланта, доставляетъ его произведеніямъ величайшіе успѣхи. Кто безъ особеннаго наслажденія можетъ читать Крылова? Между тѣмъ не употребляетъ онъ усилій, чтобы примѣняться къ понятіямъ разныхъ классовъ людей, не впадаетъ съ умысломъ въ особенный простонародный языкъ: все у него идетъ естественно, свободно и прямо къ цѣли. Онъ независимый художникъ, съ любовію преданный совершенствованію своего искуства. И онъ счастливый художникъ, возбуждающій всеобщій восторгъ своими созданіями. Повинуясь только голосу души своей, онъ всѣмъ угождаетъ. Ученые, полуграмотные, дѣти, старики, вельможи, простолюдье, насмѣшники, добряки, каждый изъ нихъ убѣжденъ внутренно, что Крыловъ, сочиняя басни свои, о томъ только и думалъ, какъ бы попасть на его вкусъ, какъ бы сблизиться съ его міромъ, какъ бы угодить и предупредить его нужды. Въ умѣ баснописца всѣ нашли себѣ поживу; всѣ имъ не нахвалятся. Есть множество людей, которые не любятъ вообще басень; еше больше такихъ, для которыхъ нестерпима насмѣшка; есть читатели, которымъ становится дурно отъ просторѣчія; сколько строгихъ судей, которые презираютъ стихи; иные зѣваютъ отъ всякаго вымысла, другіе засыпаютъ отъ нравоученія: но всѣ прихоти пропадаютъ при одномъ имени Крылова. Онъ читается, перечитывается, помнится, по-

вторяется наизусть, передается письменно, печатно, покупается, хранится, дарится и для уроковъ, и напамять, и въ услугу, и въ награду имянинникамъ, невѣстамъ, сироткамъ, провинціаламъ, иностранцамъ.

Можно вообразить по этому, какой кругъ почитателей составился около нашего баснописца въ теченіе пятидесятилѣтней литературной его жизни! Доступный всѣмъ возрастамъ, удовлетворившій всѣмъ вкусамъ, онъ сдѣлался любимцемъ стольких лицъ, сколько есть смысловъ. Его юбилей могъ быть всеобщимъ Русскимъ праздникомъ. Петербургскіе литераторы воспользовались счастливыми своими правами, какъ товарищи Крылова и по своимъ занятіямъ и по мѣсту его пребыванія. Они присвоили сословію своему два его праздника, и торжественно выразили то, что чувствуютъ всѣ. Прекрасное зрѣлище представлялось отъ этаго соединенія, въ которомъ не было и не могло быть другихъ побужденій, кромѣ чувства любви и сознанія превосходства. Умилительно было видѣть этаго гостя, растроганнаго и смущеннаго новостію его положенія посреди друзей, знакомыхъ и чужихъ, гдѣ для всѣхъ онъ былъ единственнымъ предметомъ радости и вниманія. Торжество таланта всегда восхитительно. Оно свидѣтельствуетъ о чудесномъ могуществѣ мысли. Мирное владычество ея поселяетъ въ сердцѣ какое-то благоговѣніе. Душа человѣка вступаетъ въ права свои. Все суетное смиряется передъ безсмертнымъ. Но съ

торжествомъ таланта, роднаго намъ по языку, сливается чувство, отъ котораго сердце трепещетъ радостнѣе и сильнѣе. Языкъ есть драгоцѣннѣйшее сокровище наше; языкъ есть лучшее выраженіе необъятнаго нашего духа; языкъ есть нетлѣнная лѣтопись всей жизни народа. Кто внесъ въ нашъ языкъ вѣчныя истины, тотъ оправдалъ насъ предъ потомствомъ, возвысилъ насъ въ глазахъ человѣчества и озарилъ вожделѣнною славою.

Зачѣмъ не сознаться искренно? Кто изъ насъ не завидуетъ счастливцамъ, которыхъ языкъ такъ свободно распространился по лицу всего образованнаго міра? Имъ вездѣ отзывъ. Нѣтъ прекрасной мысли, нѣтъ благодатнаго вымысла, родившихся подъ небомъ ихъ отечества, съ которыми бы они не встрѣтились повсюду. Имъ весело, легко живется. Для нихъ нѣтъ чужбины, опечаливающей сердце странника, когда звуки, лелѣявшіе его младенчество, надолго покидаютъ слухъ его. Права ихъ на внимательность и предпочтеніе нигдѣ не теряютъ своей дѣйствительности. Кому же обязаны они своими завидными преимуществами? Людямъ, которыхъ таланты всякое въ языкѣ ихъ слово ознаменовали неизмѣнною значительностію и облекли его въ красоты жизни. Крыловъ, окруженный многочисленными почитателями своими, безъ сомнѣнія въ эти минуты каждаго занималъ, какъ первый изъ сихъ талантовъ, которые созидаютъ неисчезающее величіе націй. Но что вы-

ражало его полувеселое и полузадумчивое лице? О, къ его душѣ вѣрно тѣснилось все прошедшее, одно, что не измѣняется никогда въ своей прелести. Онъ вѣрно проходилъ мыслію по этому чудному пути, который указало ему тайное Провидѣніе, чтобы темное, заботамъ и трудамъ обреченное дитя увѣнчано было въ старости по единодушному отзыву всего отечества.

КРИТИКА.

ИСТОРІЯ РОССІИ

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

«Исторія питаетъ нравственное чувство», сказалъ исторіографъ нашъ. И такъ лучшая дань, какую только можно принести въ сокровищницу литературы, есть историческое сочиненіе. Еще драгоцѣннѣе становится приношеніе, когда оно питаетъ нравственное чувство поколѣнія возникающаго — чистаго, но неопытнаго — готоваго принять всѣ прекрасныя впечатлѣнія, но легко увлекаемаго приманками ложныхъ умствованій. По этому книга, заключающая въ себѣ исторію Россіи въ разсказахъ для дѣтей, есть явленіе, по преимуществу достойное вниманія современной критики.

До сихъ поръ вышло этаго сочиненія четыре части. Первая обнимаетъ происшествія съ основанія государства до 1304 года, т. е. до смерти В. К. Андрея Александровича, сына Невскаго. Вторая до кончины Анастасіи, супруги Грознаго, въ 1560 г. Въ третьей событія Русской исторіи доведены до рожденія Петра Великаго, или до 1670 г. Четвертая оканчивается принятіемъ регентства надъ Россіею Принцессой Анной Леопольдовной, матерію малолѣтнаго Императора Іоанна Антоновича, въ 1740 г.

Книга начинается слѣдующимъ посвященіемъ Е. И. В. Государынѣ Великой Княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ: «Начало этой *Исторіи* было только опытомъ. Я желала написать нѣсколько разсказовъ, которые бы могли занимать маленькихъ читателей Русской Исторіи. Но опытъ былъ такъ счастливъ, что удостоился лестнаго одобренія Вашего Императорскаго Высочества. Тогда я принялась за трудъ мой съ тѣми чувствованіями признательности и усердія, съ которыми теперь осмѣливаюсь представить его Вашему Императорскому Высочеству, какъ единственной Виновницѣ его исполненія.» *Александра Ишимова.*

Читая и перечитывая эти строки, еще прежде, нежели познакомишься съ самымъ сочиненіемъ, уже наполняешься какимъ-то теплымъ и сладостнымъ чувствомъ. У насъ въ Россіи все прекрасное идетъ отъ

однаго источника. Сколько плѣнительныхъ надеждъ возникаетѣ въ сердцѣ при одной мысли объ Августѣйшемъ Семействѣ, въ которомъ каждое Лице спѣшитъ каждый Свой шагъ ознаменовать пользою и благотворительностію! Въ нашей литературѣ столько времени недоставало книги, необходимѣйшей при воспитаніи дѣтей, книги, которая должна быть первымъ чтеніемъ всякаго ребенка, чтобы онъ могъ сдѣлаться гражданиномъ и, вступая въ общество, уважалъ бы его по убѣжденію внутреннему — и этою книгою, по сознанію самой сочинительницы, мы обязаны одобренію Ея Высочества.

До появленія разсматриваемой исторіи у насъ для дѣтей были только, такъ называемыя, руководства, или учебныя книги, по которымъ преподавалась отечественная исторія. Онѣ могли приносить пользу при условіяхъ довольно затруднительныхъ: «если учитель былъ несравненно выше всѣхъ этихъ руководствъ, если онъ зналъ свою науку непосредственно изъ самыхъ ея источниковъ, если начертаніе ея образовала собственная его душа, однимъ словомъ, если онъ при учебной книгѣ въ состояніи былъ преподавать безъ нея.» Въ противномъ случаѣ, важнѣйшіе уроки при образованіи дѣтей погружали ихъ въ скуку и не доводили до надлежащей цѣли. При томъ же, безъ собственнаго чтенія, которое бы служило не только повтореніемъ предмета, но и показывало бы его съ другой точки, невозможно выучиться ничему. Жизнь

науки, подобно какъ жизнь ума, есть вѣчная дѣятельность, то есть вѣчное движеніе. Дѣти не въ состояніи были съ пользою читать великое твореніе Карамзина. Вотъ почему первоначальные успѣхи въ изученіи этаго важнаго предмета весьма у насъ были несоотвѣтственны успѣхамъ по другимъ частямъ образованія.

Исторія Россіи въ разсказахъ для дѣтей занимаетъ среднюю часть между короткими руководствами и высшими курсами, которыми должно оканчиваться преподаваніе этой науки для юношества. Она даже совсѣмъ выходитъ изъ разряда такъ называемыхъ учебныхъ книгъ, которыя къ сожалѣнію чаще бываютъ сухими и безжизненными выписками, нежели твореніями краткими, но писанными съ сознаніемъ дѣла и одушевленіемъ. Въ ней соединены всѣ лучшія качества сочиненія литературнаго, какъ-то: независимая метода, критически обработанные факты, освобожденный отъ малѣйшей сбивчивости разсказъ, точная и яркая характеристика эпохъ и дѣйствователей, изображеніе всякаго бытія, возбуждающее участіе и врѣзывающееся въ воображеніи, языкъ гибкій и самостоятельный, доказывающій, въ какой степени сочинительница сближалась душою своей съ предметами ея искуства, и потому овладѣвающій всѣмъ вниманіемъ читателя.

Разсматривая большое сочиненіе, и въ особенности исторію, всего легче говорить противъ плана. Онъ

составляется, на одинъ и тотъ же предметъ, очень различно. Авторъ, остановясь на избранной имъ точкѣ, видитъ передъ собою будущее произведеніе соотвѣтственно положенію своему. Онъ въ этомъ обстоятельствѣ подобенъ живописцу. Художника тогда только можно обвинять, когда онъ видимо разрушаетъ все лучшее въ предметѣ, взявъ его съ той стороны, которая отразится на картинѣ. Но требовать, чтобы каждый человѣкъ предпочиталъ одно съ нами, значитъ отнимать средства къ совершенствованію искуства. Обвиненіе должно падать на человѣка, дѣйствующаго безъ удовлетворительной мысли. Въ исторіи для дѣтей періоды образованы изъ событій, представляющихъ полноту. Соединять ихъ по нѣскольку въ одно цѣлое, и характеризовать высшею идеею длинный рядъ происшествій—несовмѣстно съ понятіями тѣхъ, для кого назначается книга. Самый естественный ходъ ума, когда онъ мужаетъ воззрѣніями на частности. Таково дѣйствіе его въ ежедневныхъ опытахъ изученія языковъ. Онъ не съ этимологіи развѣтвляетъ знаніе свое, а подъемлется до нея съ отдѣльныхъ пріобрѣтеній. Такимъ образомъ и галлерея событій, въ которой каждое изъ нихъ представлено отдѣльно, даетъ вѣрный, необходимый, можно сказать единственно-возможный запасъ для будущаго, высшаго изученія исторіи.

Гораздо важнѣе вопросъ: выразился ли въ каждой картинѣ ея истинный характеръ? Тутъ надобно

подвергнуть строгому разбору постановку дѣйствующихъ лицъ, освѣщеніе ближайшихъ къ читателю частей ихъ, естественность красокъ, основанную на сущности вещей и художническихъ требованіяхъ, выразительность того, чѣмъ переходитъ въ душу нашу душа разсматриваемыхъ фигуръ, отношенія ихъ между собою, самый даже размѣръ въ изобрѣтеніи картины. По нашему мнѣнію, въ исполненіи этихъ требованій заключается все достоинство произведеній литературы, какъ и другихъ изящныхъ искуствъ. Быть убѣждену въ душѣ, что на сочинителѣ лежитъ долгъ все это исполнить, и стремиться къ тому — значитъ уже вытти изъ мелкаго, ничтожнаго круга писателей, дѣйствующихъ и безъ призванія и безъ сознанія своихъ обязанностей. Человѣкъ, получившій отъ природы великій талантъ, не можетъ и дѣйствовать иначе. Люди, глубоко проникнувшіе въ искуство размышленіемъ и сочувствіемъ, выходятъ на ту же дорогу, хотя представляютъ и не столь блистательные опыты.

Повѣрять присутствіе истинныхъ достоинствъ въ произведеніи можно живымъ участіемъ, которое оно возбуждаетъ въ душѣ наблюдателя. Приводимъ отрывокъ изъ самаго сочиненія, чтобы читатели могли сами примѣнить къ дѣлу наши замѣчанія. «1613 годъ. Московскіе послы нашли молодаго Михаила въ совершенной безопасности у родительницы его, въ монастырѣ Ипатьевскомъ. Весело приблизились они

къ этимъ священнымъ стѣнамъ, заранѣе радуясь счастію показать усердіе своему новому Царю прежде всѣхъ другихъ подданныхъ. Въ грамотѣ, которую они везли къ нему, народъ такъ трогательно умолялъ его принять корону Русскую; эта корона была такъ знаменита; блескъ, окружающій престолъ, такъ пышенъ и пріятенъ, что никто изъ пословъ никакъ не воображалъ, чтобы молодой бояринъ могъ одну минуту помедлить своимъ согласіемъ на такое счастіе! Но какъ же обманулись эти добрые люди! Они не знали, какая скромность отличала семейство будущихъ Царей ихъ. И Михаилъ и кроткая мать Его, не только не обрадовались, но даже испугались высокой чести, имъ предложенной. Первый, не смотря на молодость, обыкновенно гордую и высоко о себѣ думающую, совсѣмъ не считалъ себя способнымъ быть Государемъ обширнаго Царства Русскаго; вторая, воспитавъ въ смиреніи милое дитя свое, совсѣмъ не приготовивъ его къ величію, еще болѣе трудному по причинѣ чрезвычайной молодости Михаила, и зная, какія опасности окружали въ это бурное время престолъ Русской, видѣла одни бѣдствія въ неожиданной перемѣнѣ судьбы Сына Своего и, проливая слезы, никакъ не соглашалась благословить Его на царство. Напрасно умоляли ихъ послы и всѣ знатнѣйшіе бояре и духовенство: они съ твердостію отказывались и согласно говорили, что почитаютъ дерзостію думать о такомъ предложеніи, и никогда не примутъ его. Всѣ поражены были неожиданною горестію, лишаясь

Царя, съ такимъ восторгомъ всѣми избраннаго, Царя, котораго скромность и добродѣтели уже въ шестнадцати-лѣтнемъ возрастѣ такъ много обѣщали народу. Не зная, что дѣлать въ этомъ затруднительномъ положеніи, добрые предки наши прибѣгли къ обыкновенному Помощнику своему, Богу, и усердно помолясь Ему въ соборной церкви Богородицы, пошли съ крестами и образами еще разъ убѣждать Государя. Михаилъ и набожная Родительница Его вышли на встрѣчу священнаго шествія, приложились къ образамъ, и вмѣстѣ съ ними вошли въ церковь. Здѣсь начались новыя просьбы, полились новыя слезы; но уже плакала не одна смиренная Марѳа, плакалъ весь народъ, умоляя ее о согласіи. Главный изъ пословъ, Рязанскій Архіепископъ Ѳеодоритъ, представлялъ ей разстроенное состояніе Россіи и всѣ несчастія, какія терзали ее съ тѣхъ поръ, какъ, сиротѣя безъ Царя, она лишилась могущественнаго защитника своего и сдѣлалась игралищемъ сосѣднихъ Государей и собственныхъ злодѣевъ, говорилъ все, что сердце, любящее отечество, можетъ придумать самаго убѣдительнаго; но видя, что всѣ слова его имѣютъ мало успѣха, сказалъ наконецъ, что Богъ, въ день страшнаго суда, спроситъ у сына ея отчетъ въ счастіи народа, который отъ Него однаго ожидалъ окончанія своихъ бѣдствій—и былъ отвергнутъ Имъ. Эта мысль о судѣ Божіемъ, о несчастіяхъ соотечественниковъ, и о томъ, что Богъ, ниспосылая Михаилу высокую судьбу Царя, безъ сомнѣнія ниспошлетъ Ему и силы

къ исполненію всѣхъ трудныхъ обязанностей Его, заставила ее рѣшиться. Со всѣмъ смиреніемъ Христіанки, подняла она кроткіе, полные слезъ взоры, и, приведя Его къ образу Богородицы, сказала: Великъ Господь и чудны дѣла Его. Волѣ Его никто не можетъ противиться. Тебѣ, о Матерь Божія, предаю дитя мое, устрой ему и всему православному христіанству полезное!»

Остановясь предъ этою умилительной картиною, такъ отчетисто обработанною, кто не чувствуетъ, что она, явившись разъ передъ глазами, сливается съ нашею душею? Этотъ характеръ простодушія, смиренномудрія, набожности, преданности въ волю Божію, не переноситъ ли онъ читателя въ ту жизнь, которая принадлежитъ эпохѣ событія? Какая строгая соразмѣрность въ частяхъ! Сколько искуства въ начертаніи цѣлаго! Ни одинъ предметъ не оставленъ безъ особеннаго, ему принадлежащаго выраженія, и все это высказано тѣмъ точнымъ, художническимъ языкомъ, который болѣе всего свидѣтельствуетъ о силѣ воображенія, о ясности представленія вещей въ душѣ сочинительницы. Невольно вспомнишь здѣсь слова Пушкина: «вотъ какъ надобно писать*.» Между тѣмъ высшія литературныя достоинства не развели ея съ главною цѣлію—овладѣть дѣтскимъ вниманіемъ и вызвать полное участіе юной души. Тутъ ничего нѣтъ

* VIII т. Современника, 76 стран.

свыше ихъ понятій и нѣтъ ничего ребяческаго, что такъ противорѣчитъ успѣху.

Есть требованіе, въ отношеніи къ сочиненіямъ подобнаго рода, еще многозначительнѣе. Въ исторіи, приготовляемой для чтенія дѣтей, столько же необходимы совершенства, общія произведеніямъ изящныхъ искуствъ, какъ и во всѣхъ сочиненіяхъ. Умъ дѣтей нельзя питать чѣмъ нибудь отрицательнымъ, т. е. лишеннымъ прямыхъ красотъ. Ихъ нравственная природа, подобно природѣ физической, удовлетворяется пищею доброю. Книга, неознаменованная присутствіемъ таланта, столько же не по вкусу имъ, какъ дурно приготовленная пища. Они или не примутъ ея, или она обратится имъ во вредъ. Но, сверхъ совершенствъ художническихъ, сочиненіе должно быть проникнуто чистотою нравственною, присутствіемъ совѣсти, стремленіемъ ко всему доброму—благоухающей святынею души. Для опредѣленія этаго качества употребляютъ выраженіе: хорошій духъ книги. Онъ въ ней тоже, что около насъ воздухъ, вещество неосязаемое, невидимое, но чувствуемое. Мы его не готовимъ въ пищу, но отъ него только здоровы, когда онъ хорошъ, и умираемъ, когда его нѣтъ. Никакими правилами не наведешь автора на водвореніе въ книгѣ хорошаго духа, если онъ естественно, собственнымъ присутствіемъ, не освящаетъ творенія. По духу своему разбираемая нами книга можетъ назваться сокровищемъ для юныхъ ея читателей. Въ каж-

домъ разсказѣ онъ ихъ окружаетъ и даетъ благотворное направленіе ихъ собственнымъ размышленіямъ. Если бы, по какому нибудь обстоятельству, по причинѣ разсѣянности, или по недостатку способностей, чтеніе книги и не обогатило ихъ вполнѣ столь драгоцѣнными сокровищами, какія заключаются въ исторіи отечества, оно уже тѣмъ однимъ благотворно, что прекрасно настроитъ ихъ душу и воспитаетъ въ нихъ лучшее качество—благонравіе.

Исторія принадлежитъ къ разряду тѣхъ сочиненій, въ которыхъ ничто не изобрѣтается. Въ ней надобно обработывать матеріалы, заготовляемые предшественниками на этомъ поприщѣ. Русская исторія, въ истинномъ значеніи этаго слова, у насъ создана, какъ извѣстно, Карамзинымъ. Его сочиненіе оканчивается 1611 годомъ. Сочинительница исторіи для дѣтей могла руководствоваться имъ до этаго времени, подобно тому, какъ имъ же пользовались всѣ, занимавшіеся сочиненіемъ Русской исторіи послѣ Карамзина. Но ея книга требовала изложенія событій опредѣлительнаго, свободнаго отъ гадательныхъ предположеній, окончательнаго, однимъ словомъ, она требовала твердаго основанія для будущихъ обширныхъ соображеній юношества. Сочинительница такъ исполнила эту обязанность, что въ ея разсказахъ исчезли запутанныя времена междоусобій: все ясно, въ своемъ мѣстѣ и въ свое время. Освобожденная долголѣтними и благотворными усиліями руководителя

своего отъ множества предварительныхъ работъ при началѣ своего труда, наконецъ сочинительница принуждена была подвергнуться въ свою очередь и двойственнному занятію, т. е., обработыванію матеріаловъ (трудъ, многосложнѣйшій, приводящій въ страхъ самаго привычнаго къ ученымъ изысканіямъ человѣка) и начертанію событій въ художническомъ образѣ. Но, къ удовольствію многочисленныхъ ея читателей и почитателей, ничто не останавливаетъ и даже не замедляетъ ея сочиненія. Половина 3-й и вся 4-я часть никакаго не представляютъ измѣненія ни въ полнотѣ матеріаловъ, ни въ критическомъ ихъ выборѣ, ни въ сохраненіи красокъ времени, ни въ томъ общемъ характерѣ, который такъ уже давно выразилъ самобытность ея прекраснаго труда.

РАЗБОРЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

1. Словарь Русскихъ свѣтскихъ писателей, *Митрополита Евгенія. Изданіе И. Снегирева. Т. I, отъ А до Г. Въ 8, стран. XXVIII и 367.*
2. Сказанія Русскаго народа *о семейной жизни его предковъ, собранныя И. Сахаровымъ. Ч. III. Въ 8, стран. 184 и 168.*
3. Записки о Москвѣ *и о заграничныхъ происшествіяхъ отъ исхода 1812 до половины 1815 г. Сочиненіе Сергѣя Глинки. Въ 8, стран. XXIII и 370.*
4. Переписка и разсказы *Русскаго инвалида. Въ 8, стран. XIV и 306.*

Отдѣленіе историческихъ сочиненій по-справедливости пользуется преимущественнымъ вниманіемъ современниковъ. Оно для наблюденія объемлетъ любопытнѣйшую сторону въ человѣкѣ. Рѣдко являются въ этомъ родѣ произведенія, о которыхъ бы можно было сказать, что они удовлетворительны во всѣхъ

отношеніяхъ. Здѣсь многосложны слишкомъ требованія. Въ одно и тоже время авторъ долженъ быть и хладнокровнымъ зрителемъ и полнымъ участія современникомъ событій изображаемой имъ эпохи. Его трудъ въ величайшей зависимости отъ предшествовавшихъ ему писателей, безъ которыхъ онъ ничего не совершитъ при самомъ блестящемъ своемъ талантѣ. Такимъ образомъ самое заготовленіе матеріаловъ историческихъ, когда оно производится добросовѣстно, усердно и съ знаніемъ дѣла, принимается уже за подвигъ особенной важности. Означенныя сочиненія всѣ принадлежатъ къ этому разряду. Труды м. Евгенія и г. Сахарова вносятъ въ литературу такія пособія для исторіи, которыхъ сборъ и классификація требовали много знаній и еще больше терпѣнія. Но изданіе Словаря небрежно. Несправедливо было бы слишкомъ взыскивать за пропуски или излишества въ новомъ почти предпріятіи. Но ошибки, бросающіяся въ глаза съ перваго взгляду, не должны встрѣчаться въ подобныхъ сочиненіяхъ, на прим. будто Гнѣдичь посвятилъ переводъ Иліады Императору Александру I, а Веневитиновъ скончался 1837 года. Словарь есть всеобщая книга для справокъ. Нельзя впрочемъ не пожелать, чтобы онъ скорѣе доведенъ былъ до конца. Онъ содержитъ необходимые матеріалы для исторіи Русской литературы. Г. Сахаровъ избранную имъ часть обработываетъ неутомимо и съ большимъ успѣхомъ. Словарь дастъ историку однѣ цыфры и имена, а Сказанія всѣ краски, безъ которыхъ нѣтъ

жизни въ исторіи. Книга г. Глинки совершенно въ противоположности съ предыдущими. Тамъ годы терпѣнія, а здѣсь какъ будто царство вдохновительныхъ минутъ. Все является на мгновеніе, но исполненное силы, занимательности, одушевленія, которое невольно сообщается читателю—и вдругъ новое явленіе, столько же властительное, сколько и неожиданное. Если слогъ есть самъ авторъ; то можно сказать, что нѣтъ писателя, менѣе озабоченнаго исполненіемъ огромнаго труда и болѣе чувствующаго присутствіе налетѣвшей на него идеи, какъ г. Глинка. Онъ и зритель чудныхъ событій, и дѣйствователь этой эпохи, и лѣтописецъ, и—если угодно—поэтъ. Но изъ этаго страннаго смѣшенія терпѣливому и полному сочувствія человѣку сколько можно извлечь блестящихъ страницъ для обдуманнаго и прагматическаго сочиненія! Такой же цѣны Переписка и Разсказы Русскаго инвалида. Они больше объемлютъ направленіе и силу національнаго духа, нежели исключительно одно время. Изъ этихъ бѣглыхъ разнородныхъ разсказовъ образуется полная мысль. Чувствуешь, что ею проникнуто цѣлое воинство, дѣйствующее неутомимо, но весело и доблестно. Если сочинитель приведетъ когда нибудь въ цѣлость и нѣкоторую систему сокровище свое, оно будетъ драгоцѣнностію въ литературѣ.

5. Альманахъ *на* 1838 *годъ, составленный изъ литературныхъ трудовъ* разныхъ сочинителей (поименовано 24). *Въ* 12, *стран.* 349.

6. Сборникъ *на* 1838 *годъ, составленный изъ ли-*

тературныхъ трудовъ разныхъ сочинителей (числомъ 28). *Въ 8, стран.* 320.

Изданія этаго рода книгъ можно сравнить съ выставками, которыя бываютъ въ академіяхъ художествъ. Труды литераторовъ, также какъ художниковъ, и безъ экспозиціи получили бы принадлежащее имъ назначеніе, то есть, вошли бы въ общій итогъ произведеній національныхъ талантовъ, и дѣйствовали бы, каждый въ своемъ мѣстѣ и собственною силою, на совершенствованіе ума и вкуса народнаго. Но соединеніе ихъ подъ одинъ взглядъ приноситъ особенную пользу. На ихъ общности можно утвердить выводъ о современномъ направленіи, вкусѣ, языкѣ и о другихъ предметахъ, весьма любопытныхъ въ исторіи словесности. Одна книга превращается въ энциклопедическое эхо своего времени. Такъ съ 1825 года, въ теченіе осьми лѣтъ, издавались *Сѣверные Цвѣты*, и для молодыхъ нынѣшнихъ литераторовъ служатъ они поучительнымъ памятникомъ тогдашней нашей литературы. Альманахъ нынѣшняго года замѣчателенъ не только въ литературномъ отношеніи, но и роскошью изданія. Онъ украшенъ портретомъ Е. И. В. Государыни Великой Княжны Маріи Николаевны и множествомъ гравюръ. Статьи въ прозѣ почти всѣ состоятъ изъ повѣстей, которымъ знаніе общества, знаніе сердца человѣческаго и мастерство разсказа даютъ почетное мѣсто между новѣйшими произведеніями нашей словесности. Особенно повѣсть, названная: *Записки Гробовщика*, пора-

жаетъ читателя неподражаемою простотою изложенія, истиною и новостію сценъ, глубокою и важною мыслію, обнимающею всѣ части сочиненія. Въ стихотвореніяхъ еще болѣе занимательности и разнообразія. Но изъ нихъ пьесы А. Пушкина и Кн. Вяземскаго отдѣляются красотами высокаго достоинства. Душа настраивается ими въ расположеніе столь новое и обаятельное, что представляешь въ эту минуту, будто поэзія только и даетъ ей жизнь. Сборникъ, уступая Альманаху первенство по стихотворной части, превосходитъ его обиліемъ и разнообразіемъ статей въ прозѣ. Съ удовольствіемъ переходишь здѣсь отъ важнаго къ сатирическому и отъ легкаго къ наставительному.

7. Стихотворенія *Владиміра Бенедиктова. Книга вторая. Въ 8, стран.* 107.

8. Елена. *Поэма Е. Бернета. Въ 8, стран.* 120.

Есть мнѣніе, будто успѣхи прозы уменьшаютъ цѣну поэзіи. Вѣроятно мысль эта родилась тогда, когда между литераторами не было истиннаго поэта. Живыя созданія чувства и воображенія, сколько бы холодный умъ ни произвелъ въ области наукъ изумительныхъ открытій, всегда будутъ властвовать надъ сердцемъ человѣческимъ; потому что въ поэзіи всякое произведеніе есть своего рода открытіе. Душа наша и природа неистощимы въ созданіи идей и образовъ. Если бы нѣсколько вѣковъ всѣ поэты мыслили объ одномъ и томъ же предметѣ, и тогда ихъ произведенія поражали бы насъ совершенною новостію. Въ представленіи каждаго человѣка съ душею, само-

бытно дѣйствующею, образуется напостижимо собственный міръ, котораго явленія, вызванныя на внѣшнее бытіе, неминуемо привлекутъ общее вниманіе и сочувствіе. Въ Русской литературѣ болѣе прочихъ родовъ обработываемъ былъ лирическій. Не смотря на то, каждый изъ великихъ поэтовъ нашихъ въ этомъ родѣ столько же выразилъ самообразности, сколько возбудилъ и участія къ своей поэзіи, которой особенность заключается не въ теоретическомъ названіи, но въ духѣ автора. Между Ломоносовымъ и Державинымъ, между Жуковскимъ и Пушкинымъ сходство исчезаетъ съ той минуты, какъ только начинаютъ они чувствовать одушевленіе, хотя бы зависѣло оно совершенно отъ однаго и того же предмета или мысли. Бенедиктовъ, издавшій нынѣ вторую часть своихъ стихотвореній, ни сколько не возвращаетъ насъ къ прежнимъ ощущеніямъ, которыя внушали его предшественники: онъ не повторяетъ ихъ лиризма, но въ области искуства дополняетъ явленія духа, которыя безконечны, какъ все, возникающее въ безсмертной душѣ человѣка. На каждую мысль, на каждый предметъ у него образуется собственное построеніе, которое не мечталось ни въ одномъ помыслѣ другому поэту. Всѣ части его созданія размѣщаются соотвѣтственно объему и положенію цѣлаго. На каждомъ планѣ, то слабѣе, то ярче, горитъ животворящее освѣщеніе и подъ нимъ играютъ краски. Для самаго скользкаго взгляда все это найдется и у другаго писателя, только найдется *по-имени;* а

то, что выражается имъ, что переходитъ въ душу и наполняетъ ее, ощущаемое, но неуловимое для отчета, вездѣ царствуетъ самобытно—и нѣтъ словъ для изображенія его видоизмѣненій. Въ мастерствѣ художника-поэта можно всегда напасть на какую нибудь сторону, гдѣ совѣтъ критика покажется не безъ основанія. Можетъ быть, и дѣйствительно Бенедиктовъ изысканъ въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ, недовольно строго обсуживаетъ цѣнность быстро приходящихъ къ нему идей, не устраняетъ тѣснящейся въ его языкѣ игры словъ: но эти странности не сила ли природа съ хатактеромъ его таланта? не показываетъ ли она ему сквозь эту призму своихъ явленій? Существеннѣйшее въ своемъ искуствѣ онъ живѣе почувствовалъ, нежели мы, его судьи. Сравнивая вторую книгу его стихотвореній съ первою, ясно видишь, какъ у него зрѣлѣе и крѣпче становится мысль, какъ обставляется она отчетливѣе, какъ вольнѣе и строже онъ высказываетъ то, чѣмъ воспламеняется душа его. Хотя онъ на прежнемъ еще поприщѣ, но идетъ уже далеко, твердо и ровно. Въ поэмѣ г. Бернета, къ удивленію своему, мы не встрѣтили той художнической отдѣлки, до которой онъ достигнулъ въ стихотвореніи своемъ: *Прощаніе*, напечатанномъ въ Альманахѣ на 1838 годъ. Въ изящныхъ искуствахъ болѣе всего изумительны шаги назадъ. Они обнаруживаютъ какъ будто не-любовь къ тому, что должно составлять постоянную страсть души. Ясность и сила стиха есть вмѣстѣ ясность и сила мысли. Успѣхъ въ искуствѣ

невѣренъ, если будемъ ждать его отъ удачи. Онъ есть плодъ постояннаго труда, постояннаго вниманія и болѣе всего возвышенной любви къ искуству.

«О, ежели полночнымъ крикамъ птицы,
Иль реву водъ, или бури грозовой
Внимаешь ты въ безлюдіи темницы —
Открой окно, послушай голосъ мой.
Что грустный мракъ и громы небосвода?
Что бури вой и шумъ кипящихъ рѣкъ?
Нѣтъ, никогда скорбящая природа
Не плакала, какъ плачетъ человѣкъ!»

Ежели приведенные здѣсь стихи, въ которыхъ столько силы и свѣжести, поэтъ написалъ съ полнымъ сознаніемъ ихъ совершенства; то какъ могъ онъ оставить въ той же поэмѣ безъ всякой отдѣлки мѣста, подобныя слѣдующему?

«Когда по кладбищу вы ходите порою,
Задумчивый вашъ взоръ остановленъ
На обелискахъ, на рядахъ колонъ,
Поставленныхъ въ дань мудрецу, герою.
Ихъ славу гордую, ихъ бранныя дѣла
(Быть можетъ, плодъ обмана и насилья),

Разскажетъ вамъ гранитная молва;
Ихъ призракъ темныя прострѣтъ надъ вами крылья,
Желѣзною рукой васъ схватитъ, обойметъ
И за собою въ путь превратный уведетъ.»

9. Повѣсти и разсказы *Владиміра Владиславлева. Ч. III и IV. Въ 12, стран.* 283 *и* 275.

10. Повѣсти *и Путешествіе въ Маймайченъ, А. II.*

Степанова, автора романа Постоялый Дворъ. Двѣ части. Въ 12, стран. 224 и 171.

11. Сердце и Думка, *приключеніе. Сочиненіе А. Вельтмана. Четыре части. Въ 12, стран. 192, 174, 177 и 172.*

12. Виргинія, *или Поѣздка въ Россію. А. Вельтмана. Двѣ части. Въ 12, стран. 137 и 163.*

Произведеніе поэта, облеченное формою романа, повѣсти, или разсказа, привлекаетъ самое большое число читателей. Жизнь, частная и общественная, страсти, характеры, странности, мѣстность, историческая эпоха, однимъ словомъ: человѣкъ и природа нигдѣ такъ легко, свободно, занимательно и такъ доступно всякому не представляются, какъ въ этихъ видахъ сочиненій. Покидая музыкальную форму поэзіи, вызывающую высшія требованія искуства, нисходя ко всеобщему способу изображенія поэтическихъ истинъ, они обходятъ разнородные классы современнаго поколѣнія и дѣйствуютъ на всю массу общества. Но истинная поэзія, въ какой бы формѣ ни являлась, не перестаетъ быть искуствомъ, требующимъ дѣйствительнаго таланта. Въ этихъ сочиненіяхъ, можетъ быть, еще труднѣе достигнуть совершенства; потому что обманчивая безыскуственность непримѣтно можетъ завлечь писателя въ прозаическую говорливость, или въ ложную разрисовку. Великихъ произведеній этаго рода очень мало во всѣхъ литературахъ, какъ и вообще всего истинно-прекраснаго въ поэзіи. Послѣ повѣстей Пушкина (для исторіи важно

не количество произведеній, а качество), въ которыхъ поэтическая природа изумительно обнажена такъ отъ малѣйшихъ прихотей искуственности, въ новѣйшей литературѣ нашей безспорно замѣчательнѣйшія въ этомъ родѣ сочиненія принадлежатъ Гоголю. Въ концѣ прошедшаго года явилась небольшая книжка повѣстей Гребенки, подъ названіемъ: *Разсказы Пирятинца.* Тутъ нельзя было не почувствовать присутствія таланта неподдѣльнаго, который выразился въ каждой картинѣ, въ каждой сценѣ. Сочиненія, о которыхъ здѣсь говорится, заслуживаютъ вниманіе только по относительнымъ достоинствамъ. Г. Владиславлевъ издалъ первыя двѣ части своихъ Повѣстей и Разсказовъ еще въ 1835 г. Подобно нынѣшнимъ, носятъ они отпечатокъ дарованія пріятнаго, вкуса чистаго и соображенія вѣрнаго. Его наблюдательный умъ хорошо познакомилъ его съ жизнію, съ обществомъ, а талантъ обрисовалъ сцены ихъ правильно и игриво. Успѣхъ его сочиненій преимущественно зависитъ отъ того, что не отвлеченныя идеи олицетворяются въ его повѣствованіяхъ, а явленія жизни наводятъ его на отдѣлку мысли, господствующей въ каждомъ разсказѣ. Талантъ г. Степанова одинъ изъ замѣчательныхъ. Въ произведеніяхъ его высказываются два качества, очень уважаемыя въ литературѣ: онъ способенъ созданію своему дать движеніе жизни, правильное, но разнообразное, и что еще важнѣе, у него лица и характеры ихъ блестятъ вѣрными красками,

безъ приторнаго щегольства и безъ томительной сухости. Г. Вельтманъ принадлежитъ къ числу разнообразныхъ и оригинальныхъ писателей нашего времени. У него много запасу и въ способности къ соображеніямъ и въ свѣдѣніяхъ вспомогательныхъ, которыя такъ драгоцѣнны для этаго рода сочиненій. Но замѣтная страсть быть новымъ во всемъ, до чего онъ только касается, заставляетъ его жертвовать первымъ условіемъ изящнаго искуства—естественностію и простотою изысканнымъ и неправдоподобнымъ вымысламъ, положеніямъ, выходящимъ изъ картинъ жизни, языку рѣзкому и сильному, но пестрому и невяжущемуся съ представляемыми предметами. Все это еще можно было бы слить съ живымъ и независимымъ характеромъ его таланта, если бы онъ показалъ болѣе власти надъ мелкими прихотями своего воображенія. Основаніемъ его сочиненія всегда бываетъ идея, достойная искуства. Но, изображая ее, онъ не хочетъ остановиться на одномъ существенномъ, что только и достойно поэтическаго труда: онъ плодитъ свою главную мысль и обставляетъ ее или незанимательными подробностями, или неудачными украшеніями, такъ что можно сказать: трудно не читать его, а читать еще труднѣе. Наконецъ, сколько видно, у г. Вельтмана, есть при явномъ талантѣ, ошибочный взглядъ на искуство: онъ усиливается проявлять въ немъ теоретическія задачи, тогда, какъ искуство, на всей высотѣ своей, есть только отраженіе свѣтлыхъ, рѣзко выдающихся сторонъ природы и жизни.

13. Опытъ *философіи природы. Сочиненіе И. Кедрова. Въ 8, стран.* 176.

Содержаніе книги слѣдующее. Во *введеніи* излагается: историческое происхожденіе философіи природы и потребность ея въ духѣ человѣческомъ; различіе филисофіи природы отъ естественныхъ наукъ и ближайшее отношеніе ея къ нимъ; нынѣшнее состояніе метафизическаго ученія о природѣ; духъ времени; коренная задача философіи природы; характеристическія черты этой задачи; части, входящія въ составъ философіи природы. Сочиненіе раздѣлено на три отдѣленія, изъ которыхъ въ каждомъ по двѣ главы. Въ *I отдѣленіи* (о природѣ въ самой себѣ) глава *первая:* о сущности природы; *вторая:* объ условіяхъ, подъ которыми существуетъ внутреннее начало природы. Во *II отдѣленіи* (о природѣ въ отношеніи къ Богу) глава *первая:* о сотвореніи міра; *вторая:* о Промыслѣ. Въ *III отдѣленіи* (о природѣ въ отношеніи къ разумнымъ тварямъ) глава *первая:* о средствахъ, которыми природа способствуетъ разумнымъ тварямъ къ достиженію ихъ послѣдняго предназначенія; *вторая:* о душевныхъ болѣзняхъ.

Наука изложена соотвѣтственно ея состоянію въ нынѣшнее время. Наша литература еще бѣдна сочиненіями, которыя бы обнимали великой этотъ предметъ съ такой высоты, и потому разсматриваемый нами Опытъ достоинъ всего вниманія людей, посвятившихъ себя философіи. Система его, какъ показываетъ содержаніе, столько же проста, сколько и пол-

на. Изложеніе предметовъ не многословно, но удовлетворительно. Конечно, кто совсѣмъ незнакомъ съ сущностію новѣйшей философіи, тотъ встрѣтитъ въ этомъ сочиненіи термины еще не обрусѣвшіе; но такое затрудненіе неразлучно съ усвоеніемъ всякаго новаго знанія. За трудъ, котораго потребуетъ ясное уразумѣніе книги, читатель вознагражденъ будетъ стройнымъ и отраднымъ воззрѣніемъ на предметы, которыми не переставали заниматься высочайшіе умы всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ.

14. Энциклопедическій *Лексиконъ. Т. XI, ВЛА-ВОН. Въ 8, стран.* 478.

Полезное, даже необходимое въ нынѣшнее время, сочиненіе, котораго огромнымъ предпріятіемъ обязаны мы г. Плюшару, продолжается съ тѣмъ же успѣхомъ, съ какимъ началось оно въ 1835 году. Въ этомъ томѣ помѣщены статьи, которыя обработывались шестидесятью авторами и переводчиками. Со стороны Редакціи все употреблено, чтобы этому изданію сообщить возможное единство воззрѣній и языка. Будучи первымъ предпринятіемъ въ нашей литературѣ, изданіе Энцикл. Лекс. представляетъ величайшія затрудненія. Все, относящееся непосредственно къ Россіи, слѣдственно важнѣйшее для насъ, требуетъ новаго плана, новой обработки и особенной обширности статей, соотвѣтственно общему въ нихъ участію и строгому суду, по причинѣ близости къ намъ предметовъ. Это обстоятельство выводитъ Русскій Энцикл. Лекс.

изъ разряда однородныхъ съ нимъ иностранныхъ сочиненій. Въ немъ большая часть изслѣдованій принимаетъ видъ полнаго курса и, удовлетворяя разборчивости и ожиданіямъ знатоковъ дѣла, приводитъ въ нетерпѣливость людей, довольствующихся одною наружностію.

*

Представляя разборъ новыхъ сочиненій, мы желаемъ осуществить первую мысль основателя Современника. Въ отдѣленіи, подъ названіемъ *Новыя книги*, онъ сводилъ въ одинъ итогъ современныя произведенія нашей словесности, предоставляя себѣ впослѣдствіи разсматривать изъ нихъ тѣ, которыя были достойны разбора. Такимъ образомъ и здѣсь читатели встрѣтятъ подобный итогъ, но, для ихъ облегченія, разгруппированный. До сихъ поръ мы говорили о такихъ книгахъ, которыя и по содержанію своему и по внутреннему достоинству могутъ занять мѣсто въ библіотекѣ всякаго образованнаго человѣка. Между тѣмъ въ это же время явилось нѣсколько сочиненій, которыя должны привлечь вниманіе людей, посвятившихъ себя отдѣльному изученію какой нибудь науки. Вотъ они.

15. Курсъ Сельскаго Хозяйства, *составленный профессоромъ Михайломъ Павловымъ. Два тома. Въ 8, стран. X и 500, 408 и IV.*

16. Геодезія, *или Руководство къ изслѣдованію общаго вида земли, построенію картъ и проч. Составилъ А. Болотовъ. Ч. II. Въ 8, стран. IX и 445.*

17. **Теорія равновѣсія тѣлъ твердыхъ и жидкихъ,** *или статика и гидростатика. Сочиненіе Н. Брашмана. Въ 8, стран.* 350.

Есть еще нѣсколько книгъ, написанныхъ съ цѣлію исключительно педагогическою.

18. *Учебныя руководства для военно-учебныхъ заведеній.* **Географія.** *Часть I. Составилъ Н. Соколовскій. Въ 8, стран. IV и* 188.

19. **Новый и самый легкій способъ** *въ короткое время научить дѣтей читать по-Русски. Въ* 24 *урокахъ. Въ 8, стран.* 72.

Географія г. Соколовскаго принадлежитъ къ числу тѣхъ руководствъ, которыя приготовляются для военно-учебныхъ заведеній по всѣмъ наукамъ, въ нихъ преподаваемымъ. Она содержитъ математическую и физическую географію, съ краткимъ обзоромъ всѣхъ частей свѣта въ физическомъ отношеніи. Хорошая метода, полнота обозрѣнія и ясность изложенія составляютъ ея отличительныя качества. Другая книга, какъ учить дѣтей чтенію, не представляетъ особеннаго облегченія.

Для дѣтей издано нѣсколько книгъ, которыя должны составлять запасъ ихъ собственной библіотеки. Ничего нѣтъ полезнѣе подобныхъ предпріятій. По этой части у насъ неоцѣненное сокровище книги, въ разное время изданныя г-жею Зонтагъ и дѣвицею Ишимовой. Въ нынѣшнемъ году напечаталъ еще значительное количество трудовъ своихъ въ этомъ родѣ г. Бурьяновъ. Мы только желали бы видѣть

въ его сочиненіяхъ болѣе вѣрности въ дѣлѣ и болѣе отдѣлки въ изложеніи. Нельзя присовѣтовать писать съ талантомъ, но съ усердіемъ и отчетливостію можно. Названія сочиненій г. Бурьянова слѣдующія.

20. Новая Энциклопедическая Русская азбука *и общеполезная дѣтская книга чтенія. Составилъ по иностраннымъ образцамъ, съ приноровленьемъ къ отечественному воспитанію, В. Бурьяновъ. Въ* 12, *стран.* XII *и* 359.

21. Библіотека *дѣтскихъ повѣстей и разсказовъ. Сочиненіе В. Бурьянова. Четыре части. Въ* 12, *стран.* 202, 169, 170 *и* 174.

22. Прогулка съ дѣтьми по С. Петербургу *и его окрестностямъ. Сочиненіе В. Бурьянова. Три части. Въ* 12, *стран.* 286, 381, 249 *и* 19.

Мы желали бы исчисленіе сочиненій Русскихъ, явившихся въ настоящую эпоху, дополнить взглядомъ на литературу драматическую. Но она ограничивается нѣсколькими водевилями, которыхъ занимательность зависитъ единственно отъ хорошаго представленія.

Книги, по другимъ частямъ, незамѣчательныя какими нибудь достоинствами, также едва ли могутъ возбудить любопытство читателей, во всемъ ищущихъ, если не положительной пользы, по крайней мѣрѣ пріятнаго развлеченія.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

1. Всеобщая историческая Библіотека. *Исторія Пруссіи, соч. Пелица. Изданіе будетъ состоять изъ 20 книжекъ. Иждивеніемъ проф. Погодина. Вышло двѣ брошюры въ 8, стран.* 316.

Всякое предпріятіе для распространенія историческихъ свѣдѣній должно считаться дѣломъ полезнымъ и заслуживающимъ вниманіе. Еще болѣе оно становится важнымъ, когда отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ принимаетъ на себя человѣкъ, столько любящій науку, столько свѣдущій въ ней, какъ профессоръ Погодинъ. Его трудолюбію и таланту историческое отдѣленіе Русской литературы обязано многими отличными произведеніями. Въ отпечатанныхъ двухъ брошюрахъ происшествія доведены отъ начала Прусскаго государства до 1763 года. Какъ руководство, эта книга будетъ очень хорошимъ пособіемъ для преподавателей. Даже, какъ книга для чтенія, она занимательна.

2. Французская Литература *въ теченіе XVIII столѣтія. Сочиненіе барона де Баранта, Пера Франціи. Перевелъ съ Французс. пятаго изданія Молдинскій. Въ 8, стран.* 174.

Между современными намъ Французскими писателями немногіе защитились отъ вліянія страннаго тона и вкуса, господствующихъ нынѣ во Франціи. Барантъ попреимуществу долженъ быть отнесенъ къ этому числу. Его сужденія, духъ мыслей, самое изложеніе, все представляетъ въ немъ писателя глубокомысленнаго и строгаго къ самому себѣ. Онъ дорожитъ истиною и совершенствомъ искуства, а не ищетъ шумнаго, но минутнаго успѣха. Вотъ почему переводъ этой книги, написанной имъ еще въ молодости, мы считаемъ полезнымъ пріобрѣтеніемъ для литературы нашей. Каковы бы ни были теперешнія идеи того же автора объ этомъ предметѣ; но выраженное имъ нѣкогда по убѣжденію всегда будетъ поучительно и драгоцѣнно, какъ все, ознаменованное талантомъ.

3. Изложеніе Астрономіи *Дж. Гершеля. Съ Англійскаго перевелъ П. Крузенштернъ. Ч. I. Съ* 51 *чертежемъ, стран. XI и* 274.

Нѣтъ науки, болѣе увлекательной и въ тоже время менѣе доступной для людей, непосвященныхъ въ таинства математики, какъ астрономія. Авторъ желалъ сдѣлать опытъ : упростить ея истины до того, чтобы всякой образованный человѣкъ могъ находиться хотя въ преддверіи этаго великолѣпнаго храма. Онъ достигнулъ своей цѣли блистательно. Тѣмъ

пріятнѣе появленіе этаго сочиненія на Русскомъ языкѣ, что переводчикъ, по любви къ дѣлу, далъ труду своему окончательное совершенство.

4. Введеніе къ изученію Ботаники, *или начальный курсъ этой науки, соч. Декандоля. Перевелъ И. Шиховскій. Т. I. Въ 8, стран. XXIII и 541, съ рисунками.*

Сочиненіе, заслуживающее полное вниманіе людей, занимающихся ботаникою. Профессоръ Шиховскій этимъ переводомъ оказалъ истинную услугу ученой литературѣ нашей, которая такъ небогата подобными произведеніями.

5. Древняя исторія для юношества, *сочиненіе Ламе-Флери. Переводъ съ Французскаго. Въ* 12, *стран.* X *и* 136.

6. Зимніе вечера, *или бесѣды отца съ дѣтьми объ умственныхъ способностяхъ, нравахъ, обычаяхъ, образѣ жизни, обрядахъ и промышленности всѣхъ народовъ земнаго шара. Соч. Деппинга, перевелъ В. Бурьяновъ. Двѣ части. Въ* 8, *стран. VI, VIII и* 375; *V и* 340.

7. Совѣты для дѣтей, *или Разсказы занимательныхъ анекдотовъ, повѣстей, происшествій и другихъ назидательныхъ примѣровъ, посвященныхъ сыновьямъ и дочерямъ. Новое соч. Бульи. Перев. В. Бурьяновъ. Въ* 12, *стран.* 340.

Нельзя не радоваться, что сдѣлано очень хорошее начало переводу Флери. Для дѣтей онъ писатель неподражаемый. По его книгѣ такъ пріятно

учиться. Все сочиненіе издано будетъ въ десяти книжкахъ, изъ коихъ каждая по содержанію есть цѣлое. Оно обнимаетъ не только среднюю и новую исторію, но отдѣльно и миѳологію древнихъ. Если бы въ переводахъ г. Бурьянова поболѣе обращаемо было вниманія на пріятное и правильное изложеніе—и они были бы столько же полезны, сколько занимательны для дѣтей.

Въ дополненіе взгляда на современные переводы назовемъ двѣ книги, изъ которыхъ каждая въ своемъ родѣ заслуживаетъ вниманіе по достоинству внутреннему и по совершенству перевода. Одна изъ нихъ написана для простонароднаго чтенія—дѣло, едва ли не труднѣйшее въ словесности. Другая, посреди страннаго направленія нынѣшней драмы, отрадно займетъ всякаго любителя театра—такъ все въ ней прекрасно обдумано и схвачено не въ мечтательномъ или небываломъ обществѣ людей, а въ жизни дѣйствительной, сколько входитъ она въ поэзію.

8. Дядя Симонъ, *торговецъ по ярмаркамъ, или умъ хорошо, а два лучше того. Съ Французскаго. Въ* 12, *стран.* 319.

9. Новый Нѣмецкій театръ. *Ч. I. Въ* 8, *стран.* 222.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

Наблюденіе надъ новыми изданіями книгъ даетъ возможность заготовить нѣсколько удовлетворительныхъ отвѣтовъ на вопросы, часто занимающіе любознательный умъ. Авторъ какаго нибудь сочиненія угадалъ ли потребность современниковъ своихъ? Какой классъ читателей многочисленнѣе въ обществѣ? Какой взглядъ, ежели ихъ нѣсколько устремлено на одинъ и тотъ же предметъ, согласнѣе со вкусомъ настоящей эпохи? Чѣмъ держится въ потомствѣ авторъ-предокъ, являющійся безъ подпоръ личности и странно остановившійся вопреки измѣненіямъ, которыя надъ всѣмъ господствуютъ? Какую отрасль знаній предпочитаютъ въ наше время? Сколько можно сдѣлать вопросовъ, на которые приблизительно позволено отвѣчать указаніями на новыя изданія! Исчисленіе, которое теперь предлагается, положительно рѣшитъ послѣдній вопросъ. Цѣлая половина книгъ, явившихся новымъ изданіемъ, принадлежитъ исторіи. Предоставляемъ читателямъ поискать другихъ выводовъ на основаніи приводимыхъ здѣсь заглавій.

1. Дѣянія Петра Великаго, *мудраго преобразователя Россіи. Соч. Голикова. Изданіе второе. Т. II и III. Въ* 8, *стран.* 540 *и XV;* 434.

2. Сказанія современниковъ *о Димитріи Самозванцѣ. Изданіе второе. Пять частей. Въ* 8, *стран. XVIII и* 284; *XI и* 216; *XVI и* 241; *VI и* 242; *VII и* 235.

3. Русская Исторія *Н. Устрялова. Изданіе второе. Двѣ части. Въ* 8, *стран. VI и* 355; 378.

4. Жизнь Наполеона Бонапарте, *императора Французовъ. Соч. Вальтера-Скотта. Перевелъ С. де Шаплетъ. Второе изд. Ч. II, III и IV. Въ* 8, *стран.* 371, 417 *и* 449.

5. Записки морскаго офицера. *Соч. В. Броневскаго. Изд. второе. Четыре ч. Въ* 8, *стран.* 329, 259, 262 *и* 332.

6. Курсъ философіи. *Соч. Жерюзе. Пер. съ Фр. Изд. второе. Въ* 8, *стран.* 328.

7. Чтенія о Словесности, *профес. Давыдова. Курсъ первый. Второе изд. Въ* 8, *стран. XXX и* 259.

8. Русскіе повѣсти и разсказы, *А. Марлинскаго. Втор. изд. Ч. VII и VIII. Въ* 8, *стран.* 306 *и* 339.

9. Полное собраніе сочиненій *Д. Фонвизина. Втор. изд. Въ* 4, *стран.* 229.

10 Сочиненія А. Пушкина. *Т. I, II и III. Въ* 8, *стран.* 439, 376 *и* 242.

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ХРОНИКА РУССКАГО ВЪ ПАРИЖѢ.

$\frac{6}{18}$ Декабря, 1837. Съ террасы близъ Риволи видѣлъ я пріѣздъ короля и фамиліи къ крыльцу камеры. Vive le roi и пушки оглашали воздухъ. Я получилъ билетъ для входа въ камеру, когда уже нельзя было войти въ нее. Тамъ было болѣе дамъ, нежели мущинъ: жены и дочери новыхъ депутатовъ хотѣли видѣть вступленіе на политическое поприще мужей и отцевъ своихъ. Публичныя трибуны наполнились въ одну секунду. Уже наканунѣ, свечера и въ полночь длинный рядъ мущинъ тянулся у входа въ камеру, ожидая открытія дверей на другой день въ 10 часовъ утра! Когда-то и я покупалъ мѣста въ

этомъ ряду за 5 фр. и болѣе. Рѣчь короля уже во всѣхъ вечернихъ журналахъ была напечатана, и во всѣхъ салонахъ о ней только и говорили.

23 Дек. 1837. / 4 Ген. 1838. Въ нравственно-политической академіи было годичное собраніе. Посылаю программу, что въ немъ происходило. Біографія Редерера, читанная Mignet, напечатана въ первой книжкѣ сего года de la Revue des deux mondes. Росси, познакомившій насъ съ главными недостатками гражданскаго Французскаго кодекса и съ требованіями вѣка, въ отношеніи къ сему праву, сказалъ мнѣ, что, такъ какъ читанное имъ разсужденіе представлено было имъ самой академіи и будетъ ею напечатано въ актахъ, то особаго изданія и не печаталось, и въ журналы оно поступить не можетъ. Въ немъ олицетворился истинный академикъ XIX вѣка, который обязанъ обращать ученость свою на пользу общества, приноравливать ее къ требованіямъ, къ нуждамъ сего общества. Онъ умѣлъ сухіе предметы гражданскаго уложенія оживить такъ, что даже дамы слушали со вниманіемъ критическія замѣчанія его на недостатки нѣкоторыхъ политическихъ постановленій въ семъ правѣ, недостатки, несовмѣстные съ успѣхами Французскаго просвѣщенія, нравственности, даже самой промышленности. Профессоръ-академикъ сдѣлался законодателемъ, или наставникомъ законодателей. Если противники министерства Бргліо и Гизо возставали на нихъ за то, что они не коренному Французу ввѣрили каѳедру

политическаго права во Франціи; то онъ устыдилъ враговъ своихъ такимъ живымъ участіемъ и полезнымъ изслѣдованіемъ въ предметахъ существенно отечественныхъ и народныхъ и такимъ убѣдительнымъ доказательствомъ пользы занимаемой имъ каѳедры.

Mignet читалъ похвальное слово графу Редереру съ чувствомъ. Онъ хвалилъ въ немъ администратора, патріота, автора; слегка коснулся недостатка въ книгѣ Редерера: Louis XII et François I, ou mémoires pour servir à une nouvelle histoire de leur règne, съ перепискою Редерера и Дарю. Но похвала книжки Sur la société polie едва ли не лучшее въ панегирикѣ Минье. Редереръ не продавалъ книгопродавцамъ, но раздавалъ пріятелямъ книги свои.

Кстати о книгахъ. Сальванди, министръ просвѣщенія, прислалъ мнѣ вчера 9 квартантовъ съ приложеніями однаго атласа и трехъ тетрадей съ Французскими древностями, печатаемыхъ на счетъ правительства. За два года передъ симъ получилъ я отъ Гизо чрезъ Тьерса 4 квартанта Mignet и хроники Норманскія. Новый даръ есть пополненіе стараго. Между ними:

1. Histoire de la croisade contre les hérétiques albigeois écrite en vers provençaux par un poëte contemporain, переведенная и изданная Форіэлемъ.

2. Ouvrages inédits d'Abélard pour servir à l'histoire de la philosophie scholastique en France, par V. Cousin. Въ предисловіи Cousin показываетъ вліяніе Парижскаго университета на схоластику среднихъ вѣковъ и участіе Абельара въ семъ вліяніи. «Et il ne brilla pas seulement dans l'école; il émut l'église et l'état; il occupa deux grands conciles; il eut pour adversaire st Bernard, et un de ses disciples et de ses amis fut Arnold de Brescia. Enfin, pour que rien ne manquât à la singularité de sa vie et à la popularité de son nom, ce dialecticien, qui avait éclipsé Guillaume de Champeaux, ce théologien contre le quel se leva le Bossuet du XII siècle, était beau, poète et musicien; il faisait en langue vulgaire des chansons qui amusaient les écoliers et les dames; et, chanoine de la cathêdrale, professeur du cloître, il fut aimé jusqu'au plus absolu dévouement par cette noble créature, ecrivit quelquefois comme Senèque , et dont la grâce devait être irrésistible puisqu'elle charma st Bernard lui-même. Héros de roman, bel-esprit dans un temps barbare, chêf-d'école et presque martyr d'une opinion, tout concourut à faire d'Abélard un personnage extraordinaire.» Сочиненіе Абельара, изданное Кузенемъ, называется: Sic et non. Это любопытный памятникъ ума философскаго и слѣдовательно независимаго въ XII вѣкѣ. Къ каѳедрѣ Абельара стекалось столько слушателей, не только изъ Франціи, но изъ всей Европы, что въ Парижѣ недоставало квартиръ для нихъ, ни гостинницъ! Абельаръ, можно сказать, создалъ Французскую схоластику, которую Декартъ разрушилъ въ XVII столѣтіи.

3. Mémoires militaires relatifs à la succession d'Espagne sous Louis XIV, par de Vault et Pelet, général. 2 квартанта съ картами всего театра войны за Испанское наслѣдство. Эта книга служитъ дополненіемъ исторіи негоціацій о Испанскомъ наслѣдствѣ, Минье, коей два тома уже прежде вышли. Въ нихъ депеши Катина, Буфлера, Вобана, Вилларса, и проч. «élèves de Turenne, et qui, par lui, se rattachaient à l'illustre école des Nassau et des Gustave.» Въ ихъ перепискѣ «la guerre devient un art sublime dans ses hautes parties.» Карты, къ сей исторіи войны принадлежащія, по мнѣнію знатоковъ, не такъ удачны, да и едва ли не безполезны: ибо кому, во всей подробности, не извѣстны тѣ земли, кои были театромъ сей войны? Многіе жалѣютъ объ издержкахъ, на сей атласъ употребленныхъ.

4. Paris sous Philippe-le-bel d'après des documens originaux, en 1292, publ. par Gérard. Рукопись, служившая основаніемъ описанію Парижа въ сей книгѣ, содержитъ «paroisse par paroisse et rue par rue, la liste de tous les Parisiens qui étaient soumis à la taille l'an 1292.» Ce manuscrit «rend facile à suivre le tracé des murailles dont la capitale était alors environnée.» Названіе старинныхъ улицъ, площадей, воротъ городскихъ, церквей приходскихъ, монастырей—все здѣсь означено. Какая находка будетъ этотъ квартантъ въ 2838 году для Французскихъ или Американскихъ археологовъ, когда они придутъ искать въ Парижскихъ

урочищахъ столицы Наполеона, заваленной развалинами его колонны и обломками Магдалины. Первый приходъ въ реэстрѣ 1292 года «Saint-Germain-L'aucerrais.» Храмъ сей недавно возвращенъ богослуженію. Такія хроники заставляютъ любить старину. родину, отечество, но въ годину искушеній не отвращаютъ сокрушительныхъ ударовъ и не спасаютъ отъ преждевременнаго разрушенія: St. Germain-L'aucerrais въ 1830 г. былъ жертвой народнаго изступленія.

5. Réglemens sur les arts et métiers de Paris, rédigés au XIII siècle, et connus sous le nom des métiers d'Etienne Boileau; publ. par Depping. Реэстры ремеслъ и товаровъ Парижскихъ составлены при Лудовикѣ IX, не правительствомъ, но самыми корпораціями, въ XIII столѣтіи. Они даютъ довольно полное понятіе о состояніи промышленности и торговли въ Парижѣ въ сіе время. Авторъ сдѣлалъ прежде картину самаго Парижа; на всей Сенѣ было только два моста! Въ послѣдствіи въ составъ Парижа вошли цѣлыя предмѣстья, городища (bourgs) и деревни, и приблизились почти полукружіемъ къ Сенѣ и къ богатымъ нѣкогда аббатствамъ, и къ древней столицѣ Кесарей: le palais des Thermes, котораго основанія не изгладились еще съ лица земли, и я видѣлъ ихъ. Около аббатствъ составились новыя городища, Парижемъ также поглощенныя. Торговля процвѣтала по Сенѣ; граждане завладѣли ею и утѣсняли деревенскихъ окрестныхъ жителей. Въ Парижѣ завелись «marchands

de l'eaue de Paris»; опи торговали не водою, какъ нынѣ, mais «faisaient leur trafic par le moyen de l'eau qui traverse cette ville», хотя общество или компанія, а не товаръ ихъ, и называлась только: marchandise de l'eau. «Cette marchandise était le corps même des marchands.» Законнымъ образомъ возникло оно уже при Лудовикѣ XI. Въ пространномъ предисловіи къ регламенту Парижскаго профоса, prévôt de Paris, Буало, изложена исторія торговли и промышленности, и можно сказать, старинная статистика Парижа. Она очень любопытна и знакомитъ съ городскою внутреннею жизнію, съ житьемъ-бытьемъ стараго Парижа. Эта книга богата матеріалами и для лексикографовъ.

6. Chronique des ducs de Normandie par Benoit trouvère Anglo-Normand du XII siècle; publ. par Francisque Michel. Tome I. Мишель, молодой, но неутомимой изыскатель отечественныхъ древностей во Французскихъ и въ Англійскихъ архивахъ и библіотекахъ, переплываетъ безпрерывно каналъ, раздѣляющій земли, кои были театромъ подвиговъ Норманскихъ, и слѣдитъ кровавые пути ихъ повсюду. Недавно снова возвратился онъ съ богатою историческою добычею изъ Англіи, и, угаданный по таланту прежнимъ министромъ Гизо, представилъ и ему и его преемнику Сальванди свои сокровища, имъ собранныя, при любопытномъ отчетѣ въ трудахъ своихъ. Нормандія, прежде называвшаяся Нейстріею, богата исторически-

ми воспоминаніями. Скандинавы, или Варяги, *урядники* земли Русской, названные здѣсь Норманами, вторглись и сюда почти въ тоже время, какъ и въ Россію, и воспользовавшись здѣсь внутренними раздорами, положили основаніе внутреннему устройству и новымъ набѣгамъ своимъ: они забыли прежнее отечество, полюбили мало-по-малу гражданственность, но не совсѣмъ отстали отъ морскихъ похожденій своихъ, въ коихъ находили особенную прелесть, добычу и славу. Оригинально описываетъ Мишель первое появленіе ихъ во Франціи. Le vaste empire de Charlemagne tombe comme un colosse frappé soudain d'un mal caché, et les enfans du grand empereur se disputent ses dépouilles les armes à la main. Cependant attirés par l'espoir du carnage et du butin, les Normands, semblables aux ours de leur pays, descendent du pôle, et veulent prendre part à la curée; ils s'élancent sur le moribond, le déchirent, s'enivrent de son sang; puis, bien repus, ils s'endorment sur le sein qu'ils ont laceré. A leur reveil ils se trouvèrent muselés. Cette tâche glorieuse, Hrolf (или по нашему Раулъ) se l'était imposée. Alors une nouvelle ère commença pour la Neustrie. Les successeurs de Hrolf continuèrent son oeuvre de civilisation. Ce qu'ils ne perdirent point, ce fut l'esprit de conquête qu'ils tenaient du nord; l'un d'eux, le plus grand de sa race, enjamba un jour un bras de l'océan; et pendant un siècle et demi le Normand peut contempler, nouveau colosse de Rhodes, les navires passant à pleines voiles sous ses peids. A de si grandes

choses, on peut croire que les chroniques n'ont pas manqué. Одну изъ сихъ лѣтописей отыскалъ и публикуетъ нынѣ издатель (Мишель). Эту рукопись, съ прекрасными виньетами, отыскалъ и списалъ онъ въ Лондонѣ, по порученію Гизо, въ библіотекѣ Британскаго музея. Къ ней приложенъ вѣрный снимокъ первой страницы оригинала, для исторіи какъ и для лингвистики драгоцѣннаго. Слѣдующіе томы еще не вышли. Мишель сказывалъ мнѣ третьяго года, что въ одно время занимается онъ здѣсь, и въ Англіи, и въ Шотландіи изданіемъ 12 или 14 рукописей!

7. Procès-verbaux des séances du conseil de régense du roi Charles VIII, pendant les mois d'août 1484 à janvier 1485. Publ. par A. Bernier. Записки сіи объясняютъ la haute administration de la France après le règne de Louis XI.

8. Statistique monumentale. Rapport à mr le ministre de l'instruction publique sur les monumens historiques des arrondissemens de Nancy et de Toul, accompagné de cartes, plans et dessins (въ трехъ большихъ тетрадяхъ, къ квартанту приложенныхъ). Publ. par Grille de Beuzelin. Путешествіе его по нѣкоторымъ департаментамъ Франціи было въ родѣ Строева по Россіи. Къ описанію не весьма любопытныхъ древностей Нанси и Туля и ихъ окрестностей приложены старинныя заунывныя (airs langueneux, langoureux) пѣсни съ текстомъ и нотами. Мецъ гораздо древнѣе

Напсп и трактовалъ послѣдній городъ всегда en parvenue. Не знаю, стоятъ ли ихъ памятники и развалины такой траты.

На будущей недѣлѣ ѣду обѣдать къ Сальванди и благодарить его. Но богатый подарокъ его врядъ ли такъ обрадовалъ меня, какъ находка на мосту нѣсколькихъ Русскихъ книгъ, кои обрадовали меня даже Московскимъ переплетомъ своимъ. Одна изъ нихъ «Политическая Географія, 1758 года» принадлежала Михайлѣ Попову, автору многихъ сочиненій. Другая книжка «Свитокъ музъ», почти вся наполнена стихотвореніями Востокова и Попугаева. Третья «Всеобщій чертежъ наукъ и свободныхъ художествъ, Россійское сочиненіе 1792 г.» Я оставилъ на мосту еще нѣсколько старинныхъ Русскихъ книгъ *для проходящихъ!* Въ концѣ этаго мѣсяца будетъ продаваться съ аукціона вмѣстѣ съ любопытными книгами и рукописями нѣсколько Русскихъ аутографовъ, коихъ еще не успѣлъ видѣть, но послѣзавтра увижу. Въ каталогѣ четыре NN, подъ статьею писемъ. 1. Pierre-le-grand, empereur de Russie, au prince Romadanofsky, 2 mai 1710, 2 pages. Les lettres de ce prince célèbre sont rarissimes. Celle-ci est en russe et signée Piter. On y a joint la transcription de la lettre en caractères russes plus modernes. 2. Pierre-le-grand au major (вѣроятно не разобрали имени), 26 nov. 1708. En russe. 3. Alexis Petrovitch à Alexis Alexandrovitch Kourbatoff. Smolensk. 31 août 1707.

C'est le fils de Pierre-le-grand. 4. Anne, impératrice de Russie (alors duchesse de Courlande) à la tsarevna Prascovie Ivanovna, sa soeur. 20 novem. 1725. Belle pièce, fort rare. La même: diplome original donné et signé par l'impératrice Anne de Russie, en 1736, à S. P. bourg, orné des armes impériales et de celles des principautés, avec toutes les marges décorées d'arabesques en couleur et rehaussées d'or. Sur 4 feuilles de velin in fol. Если не дорого будутъ продаваться, то куплю, но прежде просмотрю содержаніе каждой рукописи. Но всѣ сіи пріобрѣтенія не стоятъ того, что я пріобрѣлъ на сихъ дняхъ, хотя и весьма дорогою цѣною. Я еще не успѣлъ и обозрѣть порядочно моего новаго сокровища, историческаго и дипломатическаго: оно состоитъ въ оригинальныхъ бумагахъ Французскихъ министровъ о Россіи съ 1775 до 1792 года, изъ коихъ большая часть черновыя депеши, весьма четко писанныя, изъ С. Петербурга, Москвы, Гамбурга, Копенгагена и изъ Парижа. Всѣ важныя происшествія того времени, всѣ переговоры Дворовъ Петербургскаго и здѣшняго, характеристика министровъ, дипломатовъ, государственныхъ людей въ Россіи — все это въ бумагахъ моихъ. Вмѣстѣ съ симъ всѣ черновыя депеши министра Французской республики въ Берлинѣ, также оригинальныя, и, по обычаю того времени, трехцвѣтнымъ шелкомъ сшитыя, 1791 — 1798 годовъ. Сверхъ того много другихъ оригинальныхъ бумагъ и писемъ о Россіи; уже отчасти напечатанная оригинальная переписка Вержена съ

Французскимъ посломъ въ Россіи, по случаю военнаго неутралитета, Панинымъ придуманнаго, и по случаю пріѣзда въ Парижъ Великаго Князя Павла Петровича съ Супругою.

Всѣ сіи бумаги чрезвычайно любопытны и содержатъ многое не всѣмъ доселѣ извѣстное. Почитавъ ихъ, я отправился въ Русскую церковь. Сегодня у насъ (6 Генваря н. с.) праздникъ Р. Х. Тамъ нашелъ я блестящую толпу Московскихъ и С. Петербургскихъ дамъ и Греческаго министра Колетти въ Албанскомъ костюмѣ (т. е. въ бѣлой полотняной юбкѣ); къ молебну онъ не остался. Оттуда отправился я въ Collège de France на лекцію Лерминье. И что же? Тамъ слышу о завоеваніи Константинополя Русскими! По поводу Нормановъ, онъ коснулся основанія Россійскаго государства въ IX столѣтіи, и искалъ ихъ у вратъ Царяграда вмѣстѣ съ Норманнами-Варягами; но эту *быль*, актами обоихъ государствъ подтвержденную, называлъ почему-то *преданіемъ*. Основателей Россіи: Рюрика, Синеуса и Трувора, или ихъ преемниковъ, коихъ онъ исковеркалъ по своему, «ces initiateurs de la Russie, la tradition les jette devant Constantinople. Il était de la destinée de l'histoire (de Russie) que le commencement annonça le denouement,» т. е. что Россія покоритъ Царьградъ. Все утро провелъ я въ сихъ идеяхъ. Лерминье былъ очень забавенъ сегодня своимъ искуственнымъ жаромъ и мнимымъ краснорѣчіемъ. Но фразы его сдѣ-

лались правильнѣе, и хотя онъ говорилъ не о томъ предметѣ, который избралъ для своего курса, но слушаешь его съ удовольствіемъ, и въ критикѣ своей онъ иногда правъ. Напримѣръ сегодня онъ нападалъ на гр. Мейстера за Грековъ, древнихъ и новыхъ, коихъ Мейстеръ, въ книгѣ своей: *о Папѣ*, поставляетъ ниже Римлянъ, даже въ философіи! Онъ прочелъ намъ нѣсколько страницъ изъ Мейстера съ критическими бѣглыми замѣчаніями. Мейстеръ, назвавъ немногихъ славныхъ Греческихъ полководцевъ, далъ право Лерминье замѣтить: «mr de Maistre n'oublie qu'Alexandre!» Пристрастіе его къ Римлянамъ подало поводъ Лерминье сдѣлать великолѣпный панегирикъ древнимъ Грекамъ, просвѣтителямъ Рима и міра. Эпиграммы его не всегда удачны. Онѣ недостойны исторіи, особливо съ каѳедры. Я замѣтилъ, что Лерминье, хотя все еще иногда сенсимонствуетъ, но уже начинаетъ съ почтеніемъ отзываться и о Римской церкви: «sans l'église que serait devenu le monde!» вскричалъ онъ громогласно и ударивъ крѣпко рукою по каѳедрѣ. Нападая на Фотія, онъ почти превозносилъ папство. Характеризуя IX и X столѣтія, онъ видитъ нѣкоторое устройство только въ одной церкви: «le chaos est partout et l'église domine.» При всемъ томъ лекціи его составлены изъ какихъ-то темныхъ намековъ, кои Карамзинъ назвалъ бы *полумыслями*. Онъ слишкомъ гоняется за эфектомъ, за блестящими фразами, коими облекаетъ самыя пошлыя идеи или свѣдѣнія. «Charles a disparu (Карлъ вел.)!

Nous trouvons le commencement de la France, de l'Allemagne, de l'Angleterre, de la Russie, de la puissance spirituelle de Rome; nous y trouvons les principia rerum!» И вдругъ послѣ Латинскаго изреченія начинаетъ разсказъ объ Англіи такъ: «César alla une fois voir l'Angleterre; c'est le génie romain qui la visita. Il fallait l'attirer à l'histoire.» Цезаря не поняли; даже Луканъ въ своей Фарсаліи критиковалъ его за то, что онъ безъ пользы былъ два раза въ Англіи! «Alfred introduit l'Angleterre dans la grande nationalité de l'Europe. Il reproduit Charlemagne; il traduit Boëce (De consolatione): voilà comment s'ourdit la trame de la solidarité humaine.» Въ этой послѣдней фразѣ есть что-то похожее на мысль; но въ чемъ состояла тогда, при Альфредѣ великомъ, *великая народность* Европы? Описывая состояніе Саксонцевъ-завоевателей, до появленія Альфреда, Лерминье съ важностію и протяжно произнесъ: «ils attendaient quelque chose!...» Я усмѣхнулся, но не безъ удовольствія дослушалъ лекцію, на которую пригласилъ меня землякъ. Аудиторія его всегда полна; бываютъ и дамы; вдова Бенжаменъ-Констана не пропускаетъ ни однай лекціи. Онъ ея баловень. Когда ему, для пріобрѣтенія права на депутатство, понадобился закономъ опредѣленный доходъ съ недвижимаго имѣнія; то она снабдила его такимъ имѣніемъ — но выборъ не удался, и Лерминье не въ камерѣ! Слушая его сказки о Русскихъ предъ Цареградомъ, мнѣ хотѣлось познакомить его съ былью (фактомъ), состоящей

въ народномъ повѣрьѣ или преданіи, у Турокъ издавна на востокѣ извѣстномъ, что Русскіе овладѣютъ Константинополемъ. Лерминье, упомянувъ о Несторѣ, могъ бы вспомнить и его историческую басню, что Олегъ прибилъ щитъ свой ко вратамъ Царяграда. «Слава была колыбелію народа Русскаго, сказалъ исторіографъ, и побѣда вѣстницею бытія его» — и для Грековъ.

Вчера, во второй пріемный день въ Тюльери, былъ и я въ числѣ двухъ тысячь представлявшихся королю и фамиліи (3 Генваря представлялось болѣе 3 т.). Въ началѣ 9 часа я нашелъ уже всѣ залы дворца наполненными; вдоль стѣнъ сидѣли дамы по первенству пріѣзда. Первая была герцогиня Брогліо съ милою своею дочерью. Толпы Англичанъ, депутатовъ, перовъ, въ мундирахъ, фракахъ, шитыхъ и простыхъ, и во Французскихъ кафтанахъ съ кошельками — бродили изъ одной залы въ другую, въ виду грозныхъ Наполеоновыхъ маршаловъ и адмираловъ, коихъ портреты въ ростъ висятъ въ залахъ дворца. Группы депутатовъ образовались и расходились. Академики въ шитыхъ зеленымъ шелкомъ кафтанахъ мѣшались съ національною гвардіею; но Англичане превосходили числомъ Французовъ и всѣхъ иностранцевъ; островитянки сіяли алмазами и нѣкоторыя красотою. Король съ фамиліей вышелъ въ 8 часовъ изъ внутреннихъ апартаментовъ и поговорилъ съ каждою дамою — такъ какъ и всѣ члены королевской фамиліи съ Англи-

чанками по-Англійски. Въ продолженіе $2\frac{1}{2}$ часовъ король съ фамиліею обошелъ всѣхъ дамъ и возвратился отвести духъ во внутренніе апартаменты. Черезъ $\frac{1}{4}$ часа стали впускать къ нему кавалеровъ. Мнѣ досталось первому подойти къ нему. Я нашелъ уже короля и всю фамилію въ ожиданіи представлявшихся. Адъютантъ назвалъ меня королю, но онъ уже зналъ меня и опять спросилъ о моихъ занятіяхъ и долго ли я здѣсь пробыть намѣренъ? Я успѣлъ сказать слова два о надеждѣ снова быть допущену въ архивъ. Герцогини Орлеанской не было, но герцогъ скалалъ мнѣ, что недавно принцесса Августа еще разъ писала ей обо мнѣ, и что онъ надѣется видѣть меня иногда у себя. Съ Аделаидой опять—и довольно подробно, хотя и налету—о моихъ историческихъ занятіяхъ. За мною шли генералы, дипломаты и толпы Англичанъ. Я вырвался изъ Тюльери въ 11 часовъ, представившись прежде всѣхъ, и попалъ въ другую веревку, которая тянулась на балъ къ Англійскому послу, моему сосѣду. Я пе поѣхалъ къ нему: было уже за-полночь. когда я разоблачился и напился чаю. Передо мною лежали рукописи, въ тотъ день пріобрѣтенныя. Я предпочелъ общество Французскихъ дипломатовъ временъ Екатерины II салону Англійскаго посла въ Парижѣ, и крѣпко заснулъ надъ одной интересной депешей.

Неандеръ на сихъ дняхъ прислалъ мнѣ изъ Берлина новый полный экземпляръ своего сочиненія:

Жизнь I. X. Domestica facta отвлекаютъ меня отъ многаго. Я еще не успѣлъ видѣть пьесы: Калигула. Знаю ее только по журналамъ и разсказамъ m-me Ancelot, когда она возвратилась съ перваго представленія на свою вторичную вечеринку и передала намъ, во всей свѣжести и со всею тонкостію несовсѣмъ безпристрастной критики, первыя впечатлѣнія, полученныя ею при первомъ представленіи трагедіи. Она привезла намъ изъ театра и медаль, которую Дюма (или его пріятели) выбилъ на это важное въ лѣтописяхъ Французскаго театра событіе! Она продавалась у входа. Весь театръ былъ полонъ пріятелями и пріятельницами. Дворъ и министерство рукоплескали. Декораціи необыкновенныя. Лошадей на сцену не пустили, и авторъ едва не взялъ назадъ пьесы. Ему доказали, что ветхость театра не выдержала бы кавалеріи.

26 Декабря, 1837. / 7 Генваря, 1838. Воскресенье. На сихъ дняхъ былъ я у Сальванди съ экземпляромъ Актовъ археографической коммиссіи, подареннымъ здѣшней королевской библіотекѣ Государемъ Императоромъ. Мы разговорились о новой организаціи, которую онъ намѣренъ дать Французскому университету, гдѣ онъ великій магистръ (grand-maître de l'université). Я распросилъ его о составѣ его управленія и объ отношеніяхъ министра къ великому магистру. Сальванди подробно и ясно обозначилъ границы каждаго вѣдомства, права

и обязанности министра и магистра. Вся часть собственно педагогическая подвѣдома университету и слѣдовательно великому магистру, или совѣту университета, коего онъ предсѣдатель. Доклады королю восходятъ (говоря дѣловымъ слогомъ) посредствомъ министра, и отвѣтственность передъ закономъ лежитъ на немъ же. Сальванди намѣревается дать новое устройство своему министерству и университету и сообразоваться въ главныхъ началахъ съ планомъ, начертаннымъ для университета Наполеономъ. Вотъ фраза его: «J'appliquerai la pensée du grand homme aux besoins du siècle.» Опредѣляя сущность двухъ главныхъ раздѣленій, двухъ элементовъ его министерства, онъ сказалъ между прочимъ, что если бы, напримѣръ, правительство нашло нужнымъ «créer pour mr Guizot une grande position, il le nommera: grand-maître de l'université,» и тогда магистру университета пришлось бы только раза два или три въ годъ сноситься съ министромъ; всѣ прочія и существеннѣйшія занятія начальника университета, т. е. всей учебной и педагогической части во всей Франціи, ограничивались бы для великаго магистра сношеніями съ совѣтомъ университета (гдѣ засѣдаютъ, независимые по мѣстамъ, а часто и по мнѣніямъ своимъ, члены совѣта, какъ напр. вице-президентъ Вильмень, Кузенъ) и съ подчиненными совѣту и магистру мѣстами и лицами въ департаментахъ Франціи. Изъ этаго намека на Гизо мнѣ показалось, что, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ была уже рѣчь о наимено-

ваніи его великимъ магистромъ университета; но врядъ ли это состоится такъ скоро; онъ мѣтитъ или въ первые министры, или въ предсѣдатели камеры. Дѣятельность Гизо болѣе уже политическая, нежели административная. Онъ когда-то отказался и отъ посольства въ Неаполь, и вы помните отвѣтъ его Талейрану на это предложеніе въ присутствіи короля: «vous oubliez, mon prince, que je suis pauvre.» Разговоръ мой съ Сальванди продолжался болѣе получаса. Онъ сообщилъ мнѣ недавно составленный имъ регламентъ для его министерства и уставъ центральнаго управленія всего университетскаго вѣдомства. Если нынѣшнее министерство устоитъ, то Сальванди не замедлитъ представить новый планъ по ученой и учебной части, въ духѣ Наполеона начертанный. Но приметъ ли его Франція, т. е. камера и духъ вѣка? Наполеону нужны были однѣ точныя науки, изъ коихъ извлекалъ онъ *единое* ему *на потребу*; а теперь возникаетъ уже снова и сорбона съ ея вѣчными догматами, и право во всей его святости и неприкосновенности, и любомудріе въ не для всѣхъ приступномъ свѣтѣ своемъ; политика въ лицѣ Росси дружится на каѳедрѣ съ философіею права; Лакордеръ философствуетъ въ соборѣ, и Лерминье въ collège de France коверкаетъ имена Гегеля, Шлегеля и Канта: словомъ, во всей богословской и интелектуальной Франціи novus ab integro nascitur ordo.

Я былъ на Англійскихъ обѣдахъ и вечеринкахъ,

гдѣ встрѣтилъ множество любопытныхъ лицъ. У одного Шотландца обѣдалъ я съ знаменитымъ адмираломъ sir Sydney Smith, постояннымъ жильцемъ Франціи. Во весь обѣдъ слушалъ я его разсказы о его Египетскихъ похожденіяхъ и о подвигахъ при Жанъ д'Акръ, о тамошнихъ неудачахъ Наполеона, о переговорахъ его съ генераломъ Desaix. Тотъ же Сидней Смитъ былъ уже волонтеромъ и въ Шведской войнѣ съ нами при Екатеринѣ II, знавалъ короля въ Финляндіи, описалъ мнѣ его, принялъ отъ него порученіе къ тогдашнему королю Прусскому, имѣлъ съ нимъ свиданіе исторически любопытное въ Потсдамѣ. Шведскій король, заключивъ миръ съ Россіею, писалъ къ королю Прусскому, что всегда готовъ возобновить войну съ Россіей, если не улучшатъ системы границъ его. Смитъ читалъ письмо Екатерины II къ королю Шведскому съ предложеніемъ мира, въ коемъ *яко бы* Императрица писала къ нему: «les folies les plus courtes sont les meilleurs. Въ Англіи у короля Лудвига XVIII видалъ и Густавсона. Съ Императоромъ Александромъ видѣлся и долго разговаривалъ на Вѣнскомъ конгрессѣ; съ Питтомъ ссорился за Египетъ; помнитъ нашего П. И. Полетику при Сенявинѣ и распрашивалъ меня о немъ: а теперь Смитъ — per varios casus, per tot discrimina rerum — изобрѣтаетъ новаго рода кареты и веселится съ своими соотечественниками на литературныхъ пирушкахъ. Я встрѣтилъ тутъ же и другую знаменитость, лорда Эльгина, коего давно воображалъ я въ поляхъ элисейскихъ съ тѣми

героями и богами, коихъ статуи перевезъ онъ изъ языческой Греціи въ Англію. Статуи его давно уже въ Британскомъ музеѣ, а въ слѣпкахъ во всѣхъ музеяхъ Европы и въ нашей академіи художествъ. Обломки сіи восхищаютъ знатоковъ и воспламеняютъ художниковъ и поэтовъ. Напрасно Байронъ въ негодованіи своемъ заклеймилъ похитителя мраморовъ безсмертною своею эпиграммою. Лордъ Эльгинъ былъ нѣкогда посломъ въ Константинополѣ, а въ Египтѣ смѣнилъ сира Сиднея Смита. Здѣсь же нашелъ я стараго моего знакомца, адвоката Ледрю. Онъ подалъ мнѣ вечерній журналъ, гдѣ напечатано письмо его къ *пресловутому Видоку* объ условіяхъ, на коихъ соглашается онъ защищать его передъ судомъ. Вы конечно уже читали въ журналахъ объ арестѣ Видока и о преданіи суду. Ледрю, согласившись быть его адвокатомъ за 1,000 франковъ въ пользу бѣдныхъ (кои Видокъ уже внесъ и представилъ росписку), успѣлъ уже разсмотрѣть нѣкоторые документы, Видокомъ представленные, и увѣряетъ, что онъ спасетъ его; будто Видокъ имѣетъ неоспоримыя доказательства, что онъ спасъ жизнь короля въ какомъ-то заговорѣ; будто въ рукахъ его честь и стыдъ многихъ сановниковъ, и проч., и проч. Relata refero — и за Видока не ручаюсь. Уже болѣе 3,000 дѣлъ или документовъ (dossiers) разобрано; разосланы справки въ разные департаменты. Производство суда надъ Видокомъ займетъ дня на три салоны Парижа.

27 Декаб. 1837. / 8 Генв. 1838. Городъ занятъ адресомъ камеры депутатовъ. Редакторомъ избранъ Marc-Gerardin, одинъ изъ редакторовъ Дебатовъ. Здѣшніе грамотѣи находятъ въ проектѣ недостатки въ слогѣ, то есть въ обороротахъ и выраженіяхъ. Увѣряютъ, будто Моле объявилъ, что если статья объ Испанской войнѣ пройдетъ такъ, какъ она изложена въ проектѣ, то онъ выйдетъ изъ министерства. Тогда Тьерсъ можетъ опять завладѣть кормиломъ правленія; но королю, какъ слышно, этаго не хочется. Другая важная статья въ адресѣ есть уменьшеніе процентовъ по государственному долгу. Правительство опасается нарушить интересы многочисленнаго класса частныхъ людей, кои ввѣрили ему капиталы свои. Такихъ капиталистовъ тьма въ Парижѣ, и особенно въ національной гвардіи. Вчера встрѣтилъ я у m-me Récamier Вильменя, Пера Франціи, который теперь въ полуоппозиціи: онъ также за уменьшеніе процентовъ и, кажется, за дѣятельную защиту королевы Испанской противъ Карлистовъ. Къ счастію въ салонѣ милой Рекамье было только насъ трое: Вильмень, Баланшъ и я. Вильмень спросилъ меня о Гизо, гдѣ онъ прежде часто встрѣчалъ меня, и началъ анализировать его политической характеръ. Мало по малу онъ такъ ожпвился, что отъ характеристики Гизо онъ перешелъ ко всѣмъ главнымъ вопросамъ Французской политики, упрекалъ Гизо въ какой-то нерѣшимости, превозносилъ его какъ писателя и оратора, но въ министрѣ видѣлъ какую-то уклончивость, препятствую-

щую ему, вопреки вліянію *свыше*, рѣшить вопросы, отъ коихъ зависитъ роль, которую Франція должна играть въ Европейской системѣ, и степень, которая поправу принадлежитъ ей и теперь ею не занята. Онъ перебралъ всѣхъ знаменитыхъ министровъ старой и нынѣшней Франціи, и спросилъ, такъ ли бы они дѣйствовали въ настоящихъ обстоятельствахъ государства? Но съ интересомъ Франціи, можетъ быть, связанъ интересъ династическій: это завело въ область высшей и личной политики. Со временъ салона герцогини Дино, или Талейрана, я не слыхалъ Вильменя съ такимъ жаромъ говорящаго. Тогда политика менѣе занимала его. Перейдемъ и мы къ литературѣ. Вильмень печатаетъ два тома своихъ лекцій, снова имъ пересмотрѣнныхъ и распространенныхъ. Этотъ курсъ литературы не былъ еще напечатанъ, и публика знала его только по его лекціямъ въ сорбонѣ, кои и я слушалъ въ 1828–1829 г. Книга его выйдетъ на будущей недѣлѣ, и въ слѣдъ за ея изданіемъ онъ начнетъ печатать своего *Григорія VII*. Я обратилъ его вниманіе на книгу Берлинскаго профессора Ранке о папахъ, на сихъ дняхъ здѣсь въ 4 частяхъ вышедшую. Хотя онъ и не найдетъ въ ней Григорія VII; но въ общихъ идеяхъ Ранке объ исторіи папъ Вильмень увидитъ много оригинальнаго, Германскаго, и слѣдственно новаго для Французскаго писателя о папствѣ. Ранке писалъ не по старымъ книгамъ, и почерпалъ факты и соображенія свои не изъ извѣстныхъ источниковъ, давно напечатанныхъ, но изъ ар-

хивовъ Италіи, Австріи и Испаніи. Баланшъ подкрѣпилъ совѣтъ мой, ибо самъ читаетъ теперь Ранке. Тутъ же узналъ я, что Шатобріанъ скоро издастъ 4 тома Записокъ своихъ объ Испаніи; а m-me Ламартинъ сказывала мнѣ, что мужъ ея готовитъ новую поэму въ двухъ томахъ: отрывокъ, обширнѣйшій прежняго, du grand poëme humanitaire. M-me Récamier все еще шепчетъ, а не говоритъ, но милой, ей одной свойственной улыбкой награждаетъ говоруновъ ея салона, подобныхъ Вильменю. Я вышелъ съ нимъ вмѣстѣ уже въ 6 часу вечера и продолжалъ слушать его и на улицѣ, не думая объ устрицахъ, кои ожидали меня. Кстати о Ламартинѣ. Субботы его начались, но въ салонѣ его толпятся депутаты, и политика заглушаетъ литературу. На столѣ попрежнему разбросаны брошюры, журналы и всѣ произведенія новѣйшей словесности во всѣхъ родахъ. Не смотря на исключительное господство политики въ разговорахъ, иногда удается и литературѣ, а особливо поэзіи, обратить на себя минутное вниманіе хозяина. На сихъ дняхъ былъ представленъ хозяину пріятель мой Американецъ Тикноръ. Такъ какъ за океаномъ онъ нѣкогда былъ профессоромъ литературы; то учтивость требовала завести разговоръ и объ Англійской словесности. Тикноръ и въ Англіи знавалъ главнѣйшихъ ея представителей, и былъ въ тѣсной связи со многими: съ Байрономъ, В. Скоттомъ, Кампбелемъ, Вортсвортомъ, и проч. Къ удивленію своему мы нашли Французскаго пѣвца Чайльдъ Гарольда, Ламар-

тина, весьма несвѣдущимъ въ Англійской изящной новѣйшей словесности, не смотря на то, что жена его Англичанка — милая, умная, начитанная (и съ рѣдкимъ талантомъ въ живописи). Какъ-то рѣчь дошла до Макинтоша, соперника Борка въ состязаніи за Французскую революцію, знаменитаго оратора въ парламентѣ, историка Англіи; Ламартинъ не зналъ его! Мы познакомили его и съ двумя біографіями Макинтоша, изъ коихъ одна даже перепечатана въ Парижѣ, а за первую, составленную по запискамъ фамиліи Макинтоша, сынъ его дрался на дуэли съ издателемъ. Ламартину неизвѣстны были также Вортсвортъ (коего талантъ впрочемъ сродни его таланту) и даже Кампбель! Тикноръ разсказалъ намъ случай изъ жизни Кампбеля и В. Скотта, который сохранилъ Англійской литературѣ лучшую пьесу Кампбеля на побѣду при Гогенлинденѣ. Однажды В. Скоттъ и Кампбель на пути изъ Лондона куда-то на дачу читали другъ другу стихи свои. Когда очередь опять пришла Кампбелю, то онъ сказалъ В. Скотту, что давно уже написалъ стихи на Гогенлинденскую битву, но что они кажутся ему недостойными печати, и онъ никому еще ихъ не показывалъ. В. Скоттъ, выслушавъ ихъ, сказалъ Кампбелю: «это лучшіе стихи твои, это твой chef-d'oeuvre!» и съ тѣхъ поръ Гогенлинденъ—перлъ Англійской поэзіи — занялъ первое мѣсто въ собраніи стихотвореній Кампбеля. Публика подтвердила приговоръ В. Скотта. Вотъ анекдотъ, Тикноромъ же намъ разсказанный, служащій къ пополненію характери-

стики Байрона. Въ 1815 г., когда еще Байронъ былъ владахъ съ женою, но уже несовсѣмъ съ самимъ собой, Тикноръ сидѣлъ въ его кабинетѣ, въ самую ту минуту, когда Буржесъ, поэтъ и пріятель Байрона, вбѣжалъ къ нему съ извѣстіемъ о побѣдѣ при Ватерло, о которой онъ самъ слышалъ отъ пріѣхавшаго курьеромъ адъютанта Велингтона. «J'en suis diablement faché», пробормоталъ Байронъ, прибавивъ à peu près такъ: «j'espérais que la téte de Castlereagh serait mise à une pique; à présent, à ce qu'il parait, cela n'arrivera pas». Буржесъ ушелъ съ досады отъ Байрона. Многіе, въ Англіи, опасались, что, съ низложеніемъ Наполеона и съ торжествомъ партіи тори, ослабѣютъ виги и возникавшіе тогда радикалы. Духъ партій бодрствовалъ въ главныхъ своихъ представителяхъ и ожидалъ развязки отъ рѣшительной битвы на поляхъ Белгійскихъ. Вотъ еще анекдотъ, любопытный для характеристики партій и ихъ журнальной тактики. Макинтошъ былъ въ то время однимъ изъ издателей Edinb. Review вмѣстѣ съ Jeffry, нынѣ *великимъ судьею* Шотландіи, и Sidney Smith, остроумнѣйшимъ священникомъ-журналистомъ, и въ надеждѣ, что Велингтонъ будетъ разбитъ Наполеономъ, заготовилъ сильную статью противъ тори и особенно противъ Велингтона и тогдашней антигаликанской партіи. Книжка Edinb. Review съ этой статьею была уже напечатана, но вмѣстѣ съ нею, на случай неудачи, то есть побѣды Велингтона, было заготовлено и другое изданіе тогоже N. E. R. Велинг-

тонъ побѣдитель — и E. R. вышелъ со статьею о системѣ Галя и Шпурцгейма. Тикноръ самъ видѣлъ изданіе E. R. со статьею Макинтоша, уничтоженною вмѣстѣ съ книжкой. Исторія журнализма въ Англіи составляетъ теперь любопытнѣйшую и существенную часть внутренней и политической исторіи Англіи, ея литературы, особенно успѣховъ литературной промышленности. Я жалѣю, что не купилъ въ свое время въ Лондонѣ статистики журналовъ, въ коей показанъ духъ, направленіе каждаго журнала, число подписчиковъ, и слѣдовательно раздѣляющихъ его мнѣнія, возвышеніе и упадокъ каждаго журнала и вліяніе его на общественное мнѣніе, на ходъ внѣшней и внутренней политики Англіи, и пр. Эта книжка принадлежитъ къ примѣчательнымъ явленіямъ новѣйшей Европейской жизни, и какъ ни доказывай Леклеръ и другіе, что и у Римлянъ бывали журналы, въ этомъ отношеніи «мы не Греки и не Римляне», и Римскіе дневники могли походить развѣ на С. Петербургскія вѣдомости царствованія блаженной памяти Елисаветы Петровны. Упомянувъ о Ламартинѣ, мнѣ пришло на память, что я еще не сказалъ вамъ ни слова о примѣчательной критикѣ, вышедшей сначала на его Жоселеня въ протестантскомъ журналѣ Le Sémeur, а нынѣ перепечатанной и, кажется, пополненной въ новой книгѣ Vinet: Essais de philosophie morale et de morale religieuse, suivis de quelques essais de critique littéraire (Paris. 1837). Первая половина сей книги существенно и преимущественно философическая и объемлетъ

почти всѣ главныя начала Этики, или науки о нравственныхъ началахъ въ религіи и философіи, изъ нея истекающей. Но во второй части авторъ примѣняетъ свои начала къ разнымъ системамъ или доктринамъ (ученію) философскимъ, наприм: къ нравственнымъ началамъ Монтаня, къ утилитаризму, къ maximes de la Rochefoucault , къ mélanges philosophiques de Jouffroy, къ книгѣ своего критика-панегириста Сен-Бёва: de la volupté dans son influence sur les individus, et sur la société, къ Агасверусу, Кинэ, и проч., и наконецъ въ двухъ статьяхъ Vinet разсматриваетъ въ философскомъ и христіанскомъ отношеніи сперва одно предисловіе Ламартина къ Жоселеню, а потомъ и всю поэму, или пантеизмъ оной. Статья о предисловіи къ Жоселеню названа: «Du rôle de l'individualité dans l'oeuvre d'une réforme sociale (à l'occasion de la préface de Jocelyn).» Вине разбираетъ сущность системы, въ которую, волею или неволею, завлеченъ поэтъ-Ламартинъ. Я былъ гораженъ важностію, въ отношеніи нравственно-христіанскомъ, замѣчаній критика. Кто изъ филантроповъ, мечтая о человѣчествѣ вообще и забывая человѣка, не попадалъ въ заблужденія, подобныя Ламартиновымъ, «qui renversent tout ce qu'on a tenu jusqu'ici pour inébranlable?» Вотъ какимъ образомъ выражаетъ Вине всю сущность началъ *гюманитарной* поэмы: «L'homme n'existe plus pour lui-même, mais pour tous; son existence n'est que relative: il n'a été créé qu'en vu de la société, laquelle n'existait point encore; le premier homme et le dernier n'ont ainsi aucune valeur

intrinsèque; c'est envain que l'individu se rend individu, envain que les élémens dont il est formé font de lui une unité, un tout, un monde: tout cela était davance annulé; envain qu'il porte une conscience, qui n'est que la révélation d'une responsabilité personnelle: l'unité seule est solidaire, et tous repondent de tous; envain qu'il se flattait d'être vû de Dieu, et cette pensée faisait à ses yeux la dignité et la moralité de son être; il n'est qu'une pensée imperceptible de l'immensité; Dieu, sans doute, peut le voir, mais Dieu ne le regarde pas: Dieu ne regarde que la société, seule personnalité réelle, seul homme complet et veritable, seul digne par conséquent d'obtenir et de fixer les regards divins. En un mot, l'homme, dans le système que nous étudions, ne conserve pas plus d'individualité que n'en a la goutte d'eau dans l'océan; il n'est pas plus distinct que la molécule qui, dans une masse de matière, ne compte que comme substance et comme poids; il est aussi saisissable qu'un dégré dans la lumière, dans la chaleur et dans le son. Tel est l'homme de mr de Lamartine.» «Une telle doctrine . . . n'ayant point été révélée par la conscience, il faut qu'elle le soit par une voix plus haute. Au lien de cela, on nous apprend que «des religions et des philosophies ont élargi l'oeil humain, et ont enseigné à l'homme etc.» Quelles sont ces religions et ces philosophies? Là dessus silence complet. Derriére ces paroles sacramentelles quels noms trouvons nous? Henri de St. Simon et le curé de Volneige.» Я не считаю нужнымъ выписывать всего развитія сей системы, но только укажу на

нѣкоторыя послѣдствія оной, выведенныя мыслящимъ критикомъ. «Aussi longtems en effet que l'homme est immortel, il vaut plus que l'humanité qui ne l'est pas. Aussi longtems que l'individu attend un jugement audelà de ce monde, il est plus grand que la société, qui, n'en attend point. Il ne peut admettre d'égalité entre lui-même, qui est un être, et la société, qui n'est pas un être, mais un arrangement entre les êtres. Il sent que la substance l'emporte sur la forme, et ce qui doit durer sur ce qui ne dure pas. L'immortalité de l'âme détrone la société, et la met aux pieds, non de l'individu sans doute, mais de l'individualité.» «La société par conséquent n'a aucun rapport direct avec Dieu, et elle ne lui correspond que dans chacun de ses membres.» Эта индивидуальная отвѣтственность единицы за себя, а не за все цѣлое, т. е. не за все человѣчество, гораздо страшнѣе и сильнѣе дѣйствуетъ на совѣсть человѣка-грѣшника. Но вотъ гдѣ Вине встрѣчается съ другимъ христіаниномъ-авторомъ, и эта симпатія, эта аналогія въ ихъ началахъ, весьма утѣшительна, ибо они встрѣтились, не зная другъ друга, и идучи, хотя въ одну и туже сторону, но разными путями (Неандеръ). Эта неожиданная встрѣча доказываетъ тождество началъ ихъ и истину оныхъ, коей источникъ вѣра. «Faut-il rappeler à mr de Lamartine que les précepts et les promesses évangéliques s'adressent immediatement à l'individu, et ne vont qu'à travers l'individu à la sosiété, dont l'Évangile, il faut bien en convenir, ne fait aucune mention expresse, et

qu'il a, pour ainsi dire, ignorée? Je le dis, parceque cela est vrai, au risque de scandaliser les inventeurs de la religion humanitaire, à qui pourtant il ne faudrait qu'un peu d'attention pour retirer de ce fait autant d'édification qu'ils en reçoivent de scandale. Pourtant dans l'Évangile la société, même spirituelle, est présentée comme le moyen de perfectionnement individuel, bien entendu que ce perfectionnement se résume dans la charité, qui est la sociabilité par excellence.» Надобно прочесть всѣ строки, кои за симъ слѣдуютъ, но я выпишу только то, что выражаетъ всю сущность оныхъ. «N'y eut-il qu'un chrétien sur la terre, il fixerait, de préférence à tout le reste du genre humain, les regards de l'Éternel; et si l'on veut savoir de quel prix est aux yeux du Maître la possession d'une seule âme, qu' on se rappele qu' il y a plus de joie parmi les anges du ciel pour un seul pécheur qui s' amende que pour 99 justes qui n'ont point failli. L'Évangile est rempli de passages dans le même sens. — — — Je ne puis me défendre ici d'une triste réflexion: pourquoi les grands esprits n'ont pas autant de courage que de grandeur? Pourquoi font-ils aussi bon-marché de leur individualité, que les esprits de médiocre valeur? Pourquoi le torrent du siècle, en rongeant ses rives, emporte-t-il le chène aussi bien que l'arbrisseau? Pourquoi Chateaubriand, Lamenais, Lamartine sont-ils devenus les vassaux de l'esprit du siècle? Quelle pitié de les voir marcher sous les bannières qu'ils auraient dû arracher? Quelle pitié surtout qu' ils s'imaginent commander là où ils obéissent, faire la

leçon quand ils la répètent, qu'ils ne s'aperçoivent pas que le sourire se mêle aux applaudissemens, et que leur empire est nne servitude? Nobles génies, dans vos voies individuelles, la gloire vous eut-elle manqué? Quel besoin aviez vous de prêter à des noms obscurs l'éclat de votre nom, et vos sublimes talens aux Pierre l'hermite de la nouvelle croisade? Quoi! Chateaubriand, chevalier du christianisme social! Lamenais, hiérophante del' émeute! Lamartine, lauréat de l'humanitarisme! Quelles méprises! quelle douleur! On peut donc avoir tous les courages et n'avoir pas celui de l'esprit! — — Combien, en considérant la profondeur du moi en chaque homme, combien en admettant le dogme de sa perpétuité, n'est-il pas naturel d'admettre que la société a été créée pour l'homme, plutôt que l'homme pour la société? Il importe seulement de se bien expliquer et de montrer sous le mot homme tous les hommes pris individuellement. Dieu par amour pour tous les hommes a voulû qu'ils formassent une société. Il a ordonné pour ces êtres l'arrangement qui leur convenait le mieux, mais il n'a pas créé les êtres pour l'arrangement. Il a vu, ce Dieu tout sage, et il a déclaré, qu'il n'est pas bon que l'homme fût seul. Il a, en conséquence, coordonné l'homme à l'homme; il a voulû que l'homme ne put devenir homme que par ce contact; il a attaché à l'état social le développement de toutes nos facultés de l'ame et de l'esprit; il a rendu la société aussi essentielle à l'homme que son coeur et son cerveau; il ne l'a voulû, il ne l'a conçu qu'associé; et de même qu'il l'a fait essentielle-

ment être mixte par l'indissolable union du corps et de l'âme, il l'a fait essentiellement social, faisant dépendre son caractère d'homme de celui de sociétaire. On voit que l'importance de la société est grande; mais cette importance etant toute relative à l'individu n'est, sous un autre nom, que l'importance de ce dernier, en sorte que des faits que nous venons de reconnaître, il y a tout un abyme jusqu'à se représenter la société comme un être; la société n'existe point hors de l'individu; elle est dans l'individu lui-même; comme une inclination, un besoin, un attribut, la société c'est l'homme cherchant du semblable. Adorable et touchant mystère, que nos passions ont recouvert d'un voile de sang et sur le quel maintenant nous étendons le brouillard de nos systèmes!»

Не зная, удастся ли послать скоро книгу Vinet, я выписалъ изъ нея все, что успѣлъ, но не все, что бы хотѣлось сообщить вамъ. Вотъ еще нѣсколько прекрасныхъ мѣстъ изъ той же статьи, гдѣ Вине приводитъ Шиллера, поэта, угадавшаго чувство Христіанское безсмертною душею своею въ безсмертномъ дитирамбѣ. «Le bonheur moral, fondé sur la pacification intérieure de l'âme sur le rétablissement de ses rapports avec Dieu, ce bonheur a d'autres effets. Tout ce qui s'est passé dans cette âme, et tout ce qui s'y passe, la porte à aimer. Son bonheur lui vient d'être aimée: qu'est ce qui pourrait davantage disposer à l'amour? Une félicité assurée, une éternité

mise à l'abri ne sont elles pas faites pour épanouir le coeur? et dans la joie dont on le sent inondé, ne voudrait-on pas donner un baiser à tout l'univers, comme le disait ce grand poète à qui souvent arriva, des rives de l'autre monde, comme au navigateur égaré sur les mers, un doux parfum de la verité (L'hymne célèbre de Schiller à la joie repose sur l'idée que le bonheur ouvre le coeur à la bienveillance)?»

Продолжая изслѣдовать Христіанскую теорію счастія, Вине говоритъ: «On n'est heureux qu'autant qu'on peut vivre avec soi-même, qu'autant qu'on se trouve bien à la maison, c. à. d. dans son âme (Поэтъ XVIII вѣка сказалъ то же въ одномъ стихѣ: pour vivre heureux il faut cacher sa vie). Le bonheur, a dit un poète, n'est qu'un malheur plus on moins consolé. Le monde, a dit m-me de Lambert, est plein de fugitifs d'eux-mêmes. Pascal l'avait dit avant elle, et il avait dit pourquoi. Or, qu'est ce que vivre avec soi, si ce n'est vivre avec Dieu? Derrière l'homme de la société (le plus superficiel) vient l'homme de la famille, puis l'homme de la pensée, tête à tête avec ses propres représentations, vrai spectacle intellectuel; puis, dans la dernière profondeur, l'homme intime et vrai, l'homme de la conscience, de l'infini, de Dieu. -- Avoir toujours à s'eviter soi-même, n'est ce pas le plus profond des malheurs? Vivre avec soi-même, ce n'est pas s'absorber dans la contemplation; non, pas plus que vivre dans l'action n'est pas vivre dans le trouble. L'activité est si loin d'exclure la

vie avec soi-même qu'au contraire une telle vie ne se conçoit pas sans l'activité comme conséquence et déploiement. Vivre avec soi-même, c'est autre chose que penser; agir, ce n'est pas essentiellement sortir de soi.» Вотъ главная истина. «L'institution qui peut modifier les âmes et rectifier les volontés, agit sur l'individu; elle ne gagne l'humanité qu'homme à homme.» И далѣе. «Les croyances chrétiennes sont seules capables de dilater les coeurs, d'intéresser l'homme à l'homme, en tant qu'homme, de réaliser la fraternité universelle. En leur promettant ces effets, nous avons pour nous leur nature même et l'expérience: tout coeur chrétien a aimé l'humanité; tout homme qui ne l'a pas aimée n'était pas chrétien; ces deux verités sont à l'abri de toute atteinte. — C'est l'humanitarisme qui est dur à l'individu, c'est le christianisme qui lui est indulgent. L'un dépouille l'individualité pour revétir l'humanité, et n'y parvient pas; l'autre, dans l'intérêt de tous, s'occupe de chacun avec amour, le rassure, le protège, l'enrichit, et fonde le bonheur général sur la multiplication des félicités individuelles. Il ne traine pas l'homme en victime à l'autel du Moloch humanitaire, il ne l'immole pas à l'intérêt transcendant d'un être abstrait, d'une idée sans contact avec son coeur, il n'en exige pas l'impossible, il lui demande son coeur et ne le lui arrache pas; il lui paie magnifiquement ce qu'il en obtient.» Все это для меня теперь такъ ясно съ тѣхъ поръ, какъ я читаю Неандера. Люди, каждый особо, не чрезъ общество, дѣлаются совершен-

ными, но общество совершенствуется улучшеніемъ, нравственнымъ возрожденіемъ каждаго изъ насъ особо. Не человѣкъ для общества—общество для человѣка. Авторъ съ равною силою опровергаетъ одну изъ статей Жуфруа. Желалъ бы также выписать вамъ нѣсколько страницъ изъ рецензіи Вине на книгу Сен-Бёва: De l'influence de la volupté; но я, кажется, говорилъ о Ламартинѣ: и такъ имъ и кончимъ. Вине началъ упреками за погрѣшности, за неисправности въ языкѣ Ламартина. «Mr. de Chateaubriand daigne soigner sa prose: à quel titre mr de Lamartine dédaignerait-il de soigner ses vers? D'ailleurs il faut tout dire: son génie est à lui, mais la langue est à nous.» Иногда, извиняя его, Вине приводитъ классически-прекрасные стихи Ламартина, и поэзіею души его объясняетъ недостатки версификаціи. «Mr. de Lamartine s'est peu préoccupé des systèmes littéraires. Il est Vergniaud de la poèsie, et pourrait dire, comme ce célèbre orateur: je n'ai pas besoin d'art, il suffit de mon âme.» Но я не буду вамъ исчислять критическихъ, хотя и справедливыхъ замѣчаній на поэму Ламартина, а передамъ только превосходную характеристику его Вине. «Catholique dans les vieux temples, panthéiste dans les vieilles forêts, abondant tour à tour dans le sens des rationalistes et dans le sens des orthodoxes, chrétien, parceque sa mère etait chrétienne, philosophe, parceque son siècle est le dixneuvième, acceptant les prophéties et renversant les miracles, sans prendre garde que les prophéties sont aussi des miracles; mais toujours,

il faut l'avouer, ému de la beauté de Dieu, retentissant comme une lyre vivante au contact des merveilles de la création , repondant son coeur avec la simplicité de l'enfance et du génie devant l'Être invisible dont la pensée tout à la fois l'oppresse et le ravit, mr de Lamartine nous avait mieux fait connaître ses sentimens que son système; mais aujourd'hui nous n'en pouvons plus douter, son système est de n'en point avoir.» Прибавимъ къ этой характеристикѣ нѣсколько словъ объ его нынѣшнихъ отношеніяхъ. Нѣкогда пѣвецъ роялизма и законности въ станѣ легитимистовъ, теперь является въ салонѣ Гизо съ доктринерами; но, сохраняя попрежнему благородство и независимость своего характера, ѣздитъ къ нему тогда только, когда онъ не-министръ, превозноситъ Гизо вслухъ и въ его присутствіи, называетъ его корифеемъ, необходимымъ Франціи, но въ тоже время увѣряетъ добросовѣстно самаго Гизо, что черезъ десять лѣтъ онъ займетъ его первенство въ политической гіерархіи.

$\frac{\text{27 Дек. 1837.}}{\text{8 Ген. 1838.}}$ Полночь. Сейчасъ возвратился отъ m-me Lagrange, милой и пригожей сестры Комона. Ея вечеринки, особливо немногочисленныя, очень пріятны. Хотя по связямъ своимъ она принадлежитъ и Сенжерменскому предмѣстью и живетъ тамъ, въ домѣ отца своего; но, по вкусу, придерживается и другихъ партій, особливо съ тѣхъ поръ, какъ мужъ попалъ въ камеру депутатовъ. Поутру, т. е. передъ обѣдомъ, встрѣтилъ я у нея герцогиню Fitz-James, а ввечеру

издателей Reviews, депутатовъ и чету Циркуровъ. Хозяинъ пересказалъ намъ о пренiяхъ въ камерѣ. Редакторъ адреса Marc-Girardin ораторствовалъ хуже и своего адреса, запинался, сбивался съ главной своей мысли, и потерялся въ мнѣнiи камеры, по крайней мѣрѣ на долгое время. Гарнье-Пажесъ говорилъ сильно, убѣдительно, но противъ министерства; а Моле, принявъ на себя всѣ грѣхи и подвиги своихъ предшественниковъ, заслужилъ пагубное для него одобренiе Гизо, который подошелъ къ нему съ доктринерскою важностiю и объявилъ, что, соглашаясь съ нимъ во всемъ, не будетъ занимать камеры своими объясненiями. Я встрѣтилъ у m-me Lagrange барона Экштейна, главнаго издателя de la Revue Française et étrangère, гдѣ участвуютъ Лагранжъ и Циркуръ. Изъ депутатовъ былъ тутъ mr Suleau. Живая энциклопедiя—Циркуръ разсказалъ мнѣ исторiю отца его. Въ кровавую эпоху революцiи онъ попался, вмѣстѣ съ своимъ прiятелемъ Сомбрелемъ, въ руки террористовъ, и оба приговорены были къ казни. Дочь его, молодая и прекрасная, бросалась за отца къ ногамъ судей–палачей, но не могла ихъ умилостивить: они обѣщали ей спасти отца, если она согласится выпить стаканъ крови друга его, Сомбреля. Она выпила и спасла отца, но ненадолго: черезъ нѣсколько дней онъ погибъ на гильотинѣ.

Я получилъ зовъ на балъ къ королю послѣзавтра: «les hommes seront en uniforme ou en habit ha-

billé.» Отъ депутатовъ этаго уже не требуется. Но пора познакомить васъ съ новымъ примѣчательнымъ сочиненіемъ Лакордера: «Lettre sur le saint-siége, 1838.» Письмо это ходило по рукамъ почитателей автора-проповѣдника, который далъ первый экземпляръ рукописи папѣ, и прислалъ другой сюда. По прочтеніи нашли, что эта брошюра лучшее произведеніе Лакордера и ставитъ его наряду съ первоклассными краснорѣчивыми защитниками Римскаго престола

Оно появилось здѣсь нѣсколько дней спустя послѣ новой брошюры Ламене. Характеръ Лакордера благородный и независимый: не смотря на бѣдность свою, онъ съ посохомъ и съ новыми идеями (на старый ладъ) вышелъ изъ Рима и отказался принять мѣсто священника (aumonier) при Французскомъ посольствѣ въ Римѣ. Теперь проповѣдуетъ онъ въ Мецѣ—и со всѣхъ сторонъ Франціи стекаются на его конференціи въ соборномъ храмѣ. Выписываю изъ краткаго предисловія цѣль брошюры. «Cette lettre fut écrite de Rome pendant le séjour que l'auteur vient d'y faire. Elle avait pour but d'expliquer la conduite du st-siége dans ces derniers tems; conduite aussi remarquable que ces tems sont difficiles. Le st-siége a un malheur qui lui est commun avec tous les grands hommes et toutes les grandes oeuvres, c'est qu'il ne peut être équitablement jugé par le siècle

où il agit, et comme il est immortel, il est insulté entre sa gloire passée et sa gloire future.» Талантъ необыкновенный; ученіе еще несозрѣлое и одностороннее. Какъ всѣ сіи человѣческія подпоры католическому Христіанству, или лучше церкви, слабы въ сравненіи съ добросовѣстнымъ убѣжденіемъ и глубокимъ выраженіемъ Неандера! Сначала Лакордеръ теряется въ метафизическомъ сумракѣ и навлекаетъ на себя подозрѣніе даже въ пантеизмѣ; потомъ онъ видитъ промыслъ Божій въ самомъ центральномъ положеніи Италіи, связующемъ ее съ Азіей, Африкой и Европой: «liées entre elles par le bassin de la Méditerranée, qui s'ouvre ensuite à l'occident pour laisser un passage vers l'Amerique aux vaisseaux de toutes les nations.» Топографическое описаніе Рима и его окрестностей вѣрно и прелестно; но и въ немъ отражается для него характеръ Римской религіи. «Que le soleil se lève ou qu'il se couche, que l'hiver ou l'été passent là, que les nuages traversent l'espace ou que l'air y prenne une suave transparence, selon les saisons et les heures, tout change, tout s'anime, tout pâlit; une nouveauté sans fin sort de ce fond immobile, semblable à la réligion, dont l'antiquité s'allie à la jeunesse et qui emprunte au tems je ne sais quel charme dont elle couvre son éternité. La religion est le caractère de cette incroyable nature: les montagnes, les champs, la mer, les ruines, l'air, la terre elle-même, mélange de la cendre des hommes avec la cendre des volcans, tout y est

profond, et celui qui se promenant le long des voies Romaines n'a jamais senti descendre dans son coeur la pensée de l'infini communiquant avec l'homme, ah! celui-là est à plaindre, et Dieu seul est assez grand pour lui donner jamais une idée et une larme.»— — —«Rome le centre naturel du monde.» Этотъ климатъ, это море, эти волканы, qu'est ce que cela prouve? — — — Если бы я не зналъ Лакордера и не вѣрилъ въ благородство его независимаго характера; то я бы болѣе оскорбился или удивился, не нашедъ въ сей брошюрѣ прежней характеристической черты его: онъ вступался съ жаромъ за тружениковъ міра сего; теперь ни одной строки о тѣхъ, кои были такъ близки сердцу его. На высотѣ Ватикана, приближенный къ первосвященнику, уже ли онъ окаменѣетъ, какъ истуканы Римскихъ храмовъ, коимъ воздалъ, можетъ быть минутное, недуховное поклоненіе? Остановимся на его прекрасномъ, глубокомысленномъ заключеніи. «Je me promenais, il y a peu de jours, dans la campagne de Rome, proche des catacombes de st-Laurent; je me dirigeai vers un cimetière nouveau qu'on a creusé dans ce vieux cimetière, et je fus frappé à la porte par une inscription: pleure sur le mort, parcequ'il s'est reposé? J'entrai en la méditant; car que voulait-elle dire? Il ne me fut pas difficile de la comprendre: pleure sur le mort, parcequ'il s'est reposé de bien faire, parceque ses mains ne peuvent plus donner, ni ses pieds aller audevant du malheur, parceque ses entrailles ne sont plus émues par la plainte, et que

son esprit, envolé loin des disputes des hommes, ne leur oppose plus l'acte d'une foi humble et patiente. Pleure sur le mort, parcequ'il s'est reposé, tandis que celui qui le nourrissait sur la terre de la doctrîne et du pain de la vie, son Seigneur et son Maître, est encore sujèt aux contradictions. Pleure sur le mort, parceque le tems de le vertu est fini pour lui, parcequ'il n'ajoutera plus à sa couronne. Pleure sur le mort, parcequ'il ne peut plus mourir pour Dieu. Je roulai longtems dans mon âme les pensées qui étaient encore entretenues par le voisinage des martyrs et par cette douce basilique élevée dans la compagne au diacre st-Laurent. Je regardai les vieux murs de Rome qui étaient devant moi, se tenant debout autour du siége apostolique, comme ils se tenaient autour dcs Césars, et je regagnai lentement ma demeure solitaire, heureux de me sentir un moment loin de mon siècle, mais sans désirer d'être né dans un siècle plus tranquille; ayant entendu près de la tombe des saints et des martyrs cet avertissement sublime: pleure sur le mort, parcequ'il s'est reposé.»

29 Дек. 1837. / 10 Генв. 1838. Вчера былъ я у Ансело. Тамъ надъ всѣмъ господствуетъ литература, особливо драматическая. Хозяйка отдала на Французскій театръ новую пьесу — и опять *три эпохи*, но уже *дѣвичьей* жизни въ большомъ свѣтѣ. Mlle Mars не могла играть семнадцатилѣтней, неопытной дѣвушки, вступающей въ свѣтъ. Роль ея отдана прелестной mlle du Plessy, которой нельзя еще назваться соперницей, но она начи-

наетъ уже ненравиться несравненной, но устарѣлой наставницѣ своими успѣхами и красотою. Mlle Mars, по словамъ m-me Ансело, мѣшаетъ à la mise en scène ея новой пьесы, обѣщающей рукоплесканія ея ученицѣ. Какъ ни упалъ Французской театръ, но и со временъ Тальмы все еще былъ онъ первый, хотя безъ однаго великаго таланта; ибо mlle Dichenois умерла недавно, а mlle Mars еще на сценѣ. Наполеонъ правъ: Французскій театръ слава Франціи. Помните его отвѣтъ Фонтану, который, защищая противъ Наполеона Французскую оперу, сказалъ ему: mais, sire, l'opéra est pourtant une des gloires de la France. «Non, mr, c'est le théatre Français qui est sa gloire; l'opéra n'en est que la vanité,» отвѣчалъ другъ Тальмы, Наполеонъ.

Сейчасъ получаю отъ Сальванди отвѣтъ на письмо мое при посылкѣ къ нему Актовъ археографической коммиссіи; онъ отдарилъ насъ своимъ подаркомъ. «Je profite de cette occasion, mr, pour vous donner avis, que par arreté en date de ce jour, j'ai décidé qu'un exemplaire de la Collection des documens inédits relatifs à l'histoire de France, publiée par ordre du roi, sous les auspices du ministère de l'instruction publique, serait adressé à la bibliothèque Impériale de l'Hermitage.» Министру Просвѣщенія, Академіи Наукъ такіе же экземпляры уже посланы отъ здѣшняго министерства. Форіэль прислалъ мнѣ статью свою о Дантѣ, перепечатанную изъ Revue des deux mondes: зача-

тіе Данта и смерть въ ссылкѣ. «Il savait par expérience ce qu'il devait dire plus tard: combien l'éscalier d'autrui est un sentier rude à monter et à descendre.» Эту же мысль или чувство выразилъ онъ и въ прекрасной Латинской фразѣ. «J'ai pitié de tous les malheureux, mais je réserve ma plus grande pitié pour ceux, qui, se consumant dans l'exil, ne revoient leur patrie qu'en songe.» Какъ часто тоска по отчизнѣ отравляла страническую жизнь изгнанника, и одушевляла поэта! Данте сохранилъ это чувство, эту тоску до конца жизни. Въ Равеннѣ, окруженный семействомъ (т. е. дѣтьми, ибо жена умерла прежде), друзьями, безпрестанно обращалъ грустный взоръ свой на Флоренцію, четыре раза его изгнавшую. «Il y avait dans l'âme de Dante, dans cette âme si fière et si énergique, un côté faible, qui s'emouvait et s'attendrissait, malgré lui, à l'idée de la terre natale. Il avait beau chercher, il ne trouvait rien hors de cette terre chérie, qui pût la lui faire oublier; et ne fut ce que pour y mourir, il désirait vivement y retourner, et n'en avait pas perdu l'espérance. C'est un point sur lequel nous avons son propre témoignage et des aveux qui ont quelquechose de caractéristique et de touchant.» Пусть за себя говоритъ самъ Данте:

«Если священная поэма, которой предметомъ по-
«служили мнѣ земля и небо, и надъ которою блѣд-
«нѣлъ я столько лѣтъ, когда нибудь восторжествуетъ
«надъ жестокосердіемъ, отталкивающимъ меня отъ

«благороднаго стада, гдѣ я нѣкогда, бывъ еще агн-«цемъ, враждовалъ съ волками, нападавшими на насъ, «явлюсь я наконецъ въ это стадо, но съ другимъ го-«лосомъ и покрытый другимъ руномъ: я вступлю въ «него поэтомъ, и надъ тою же купелію, гдѣ принялъ «крещеніе, увѣнчаюсь лаврами.» Изъ многихъ городовъ Италіи и отъ многихъ государей Данте получилъ уже тогда вѣнки лавровые. «Jusqu'à là, la couronne de laurier n'avait été decernée qu'à des poètes érudits, ayant ecrit en latin, et continuateurs supposés des poètes de l'antiquité classique. Dante allait être le premier couronné pour un poëme en langue vulgaire. Son triomphe était donc au fond celui de la langue et de la littérature Italiennes: il commençait, pour l'une et l'autre, une nouvelle ère et de nouvelles destinées.» Но ему хотѣлось получить вѣнокъ безсмертія изъ рукъ милой, неблагодарной Флоренціи. Онъ оканчивалъ послѣднюю часть своей трилогіи: *Рай;* но ни предчувствіе настоящаго для него безсмертія, ни гремѣвшая уже по всей Италіи слава его, ничто не замѣняло ему отчизны. Изгнаніе было для него *Адомъ*, поэзія *Чистилищемъ*, а *Раемъ* берега Арно. Онъ кончилъ поэму и жизнь въ 1321 г.—Флоренція приняла въ нѣдра свои уже поздно и только прахъ великаго согражданина, и какъ бы въ укоризну предкамъ сказала потомству: «Onorato haltisimo poeta (стихъ Данте на его памятникѣ въ храмѣ св. Креста, во Флоренціи).»

30 Дек. 1837. / 11 Генв. 1838. Почти въ два часа я воротился съ Тюльерійскаго бала. Я отправился туда въ 8 ½ часовъ и опоздалъ къ выходу короля и фамиліи: встрѣтилъ многихъ, кои, явившись передъ королемъ, уѣзжали уже изъ дворца; но дамы и кавалеры массами валили еще во дворецъ, гдѣ я нашелъ уже танцы. Залы были освѣщены великолѣпно; танцы были въ двухъ залахъ. Самыя фашіонабельныя и аристократическія пары, хотя и не безъ демократической примѣси, рисовались въ кадриляхъ и кружились въ вальсахъ передъ скамьею, гдѣ сидѣлъ король, королева, дочь ихъ, герцогиня Орлеанская, принцесса Аделаида; Орлеанскій и Немурскій въ генеральскихъ мундирахъ стояли у кадрили. Принцесса Клементина протанцевала одну кадриль съ племянникомъ Австрійскаго посла Апони. Серебряный кованый поясъ спалъ съ его Венгерскаго кафтана и зазвенѣлъ на полу. Герцогиня Орлеанская протанцевала кадриль съ молодымъ бѣлокурымъ сыномъ Англійскаго посла Гранвиля, но въ 10 ¼ часовъ она отправилась въ свои апартаменты. Англійскія красавицы участвовали во всѣхъ кадриляхъ въ обѣихъ залахъ. Орлеанскій протанцевалъ кадриль съ внучкой Талейрана. Въ первой кадрили участвовала и національная гвардія въ мундирѣ рядовыхъ. Король, Орлеанскій безпрестанно то съ тѣмъ, то съ другимъ разговаривали. Одна дама держала короля въ приступѣ около получаса. Генералъ-адъютанты охраняли первую кадриль отъ натиску окружавшихъ ее. Посольши, дамы двора сидѣли подлѣ

королевской фамиліи. Всѣ были въ мундирахъ или во Французскихъ кафтанахъ. Увѣряютъ, что болѣе пяти тысячь было приглашенныхъ, въ томъ числѣ семь сотъ военныхъ и національной гвардіи. Судя по тѣснотѣ въ комнатахъ, было столько же, какъ и третьяго года, то есть около трехъ тысячь. Въ часъ пополуночи, когда уже многіе разъѣхались, давка у входа въ залу, въ коей собирались предварительно дамы къ ужину, сдѣлалась ужасною. Мы выстроились въ два ряда и съ полчаса ожидали шествія короля и фамиліи въ столовую, куда мущинъ впускали понемногу въ ложи, надъ столовой устроенныя. Третьяго года, не дождавшись ужина, я не могъ видѣть и столовой. Вчера я успѣлъ войти изъ первыхъ въ одну изъ ложъ и взглянуть на устройство столовой. Однѣ дамы занимали мѣста и кушали съ большимъ апетитомъ. Король и фамилія стояли на ступеняхъ у входа, обозрѣвая залу, блестящую освѣщеніемъ и туалетами. Но, безъ всякаго пристрастія, ни залы, ни столоваго устройства и великолѣпія нельзя сравнить съ нашимъ Эрмитажнымъ, на балѣ въ день Новаго года: нѣтъ этихъ померанцевыхъ деревьевъ, этой сіяющей старинной посуды, которая разставлена по стѣнамъ великолѣпныхъ и огромныхъ залъ нашихъ. Наши балы Зимняго Дворца болѣе блестящи и очаровательнѣе. Туалеты здѣшніе также скромнѣе нашихъ, не въ упрекъ имъ будь это сказано. Окинувъ нетерпѣливымъ взоромъ пожирающую толпу, освѣживъ силы замороженымъ кофе, я вышелъ изъ

ложи и уѣхалъ домой. На балѣ разговаривалъ я долго у камина съ Кузенемъ, экспрофессоромъ, эксфилософомъ, но все еще писателемъ и Перомъ Франціи. Замѣтивъ, что я читалъ его введеніе къ Абельяру, онъ сказалъ мнѣ, что скоро еще издастъ любопытную рукопись XIII вѣка, найденную въ Douais, Рожера Бекона. Рукопись сію составляютъ письма Бекона къ папѣ (не помню имени его) и объясняютъ первыя начала здравой физики. Открытія въ оной и слава Бекона дадутъ поводъ Кузеню изобразить XIII вѣкъ и знаменитыхъ его представителей какъ во Франціи, такъ и въ другихъ земляхъ Европы. Довольно назвать одного Данта для Италіи. Это эпоха усовершенствованія схоластики, славы древнѣйшихъ университетовъ Европы, дѣятельности, и силы монашескихъ орденовъ. «Cette époque, какъ сказалъ гдѣ-то Кузень, и я напомнилъ ему слова его: forme les beaux jours de la philosophie du moyen âge.» Она произвела Доминиканцевъ: Альберта великаго, святаго Thomas d'Aquin, Vincent de Beauvais, знаменитыхъ Францисканобъ: св. Бонавентуру, Дунса-Скота, Рожеръ-Бекона. Она возвысилась на развалинахъ древней философіи. «Ainsi marche l'humanité; elle n'avance que sur des débris.» Въ XV вѣкѣ древніе снова явились на сценѣ: отыскали всего Аристотеля, Платона. Ихъ читаютъ въ оригиналахъ. «Cest la renaissance de l'antiquité.» Этотъ вѣкъ въ упоеніи отъ философіи древнихъ, до самаго Декарта «qui enfante la philosophie moderne avec ses immenses destinées.» Но XIII вѣкъ,

коего славы Кузень хочетъ быть возстановителемъ, все приготовилъ. Въ одномъ изъ найденныхъ писемъ Рожеръ-Бекона онъ не только физикъ, но и метафизикъ. Одно изъ нихъ было уже напечатано; но Кузень нашелъ оригинальную рукопись его, въ коей много новаго, прибавленнаго самимъ Бекономъ. Отъ XIII ст. мы перешли къ нашему. Я замѣтилъ, что во Франціи такъ мало философіи и занимающихся ею, что академіи надобно было бы одобрять первые опыты молодыхъ метафизиковъ, ихъ труды, подобные книгѣ Ревельяна. Кузень отвѣчалъ мнѣ, что академія нравственныхъ наукъ на 1839 годъ предложила «критическій разборъ Нѣмецкой философіи». Вотъ текстъ программы: «1-о faire connaître, par des analyses étendues les principaux systèmes, qui ont paru en Allemagne, depuis Kant inclusivement jusqu'à nos jours; 2-о s'attacher principalement au système de Kant, qui est le principe de tous les autres; 3-о apprécier cette philosophie, discuter les principes sur les quels elle repose, les méthodes, qu'elle employa, les résultats aux quels elle est parvenu, rechercher la part d'erreur et la part de verité qui s'y rencontrent, et ce qui, en dernière analyse, aux yeux d'une saine critique, peut légitimement subsister sous une forme ou sous une autre, du mouvement philosophique en Allemagne.» И все это за 1500 франковъ! Кантъ въ одно время занималъ философовъ и богослововъ Франціи. Вы слышали вѣроятно о пренін Страсбургскаго епископа съ его

приходскимъ священникомъ аббатомъ Ботенемъ. Казалось, что примиреніе, покорностію Ботеня пастырской власти и пастырскому приговору, должно было воспослѣдовать. Ботень на сихъ дняхъ публиковалъ здѣсь и въ Страсбургѣ: «Lettre à monseigneur Lepappe de Trevern, evêque de Strasbourg, par L. Bautain. Не упоминая о главномъ вопросѣ, т. е. о предметѣ спора: «можетъ ли человѣкъ однимъ разсудкомъ дойти до познанія Бога и безчисленныхъ совершенствъ его (въ словѣ seul, par le raisonnement seul и было все существо спора),» я укажу только въ письмѣ Ботеня къ епископу на упрекъ послѣдняго Ботену за похвалу въ книгѣ его (Philosophie du Christianisme) философіи Канта, и на оправданіе Ботеня. Признавая пользу, принесенную Кантомъ въ главныхъ вопросахъ философіи и религіи доказательствомъ невозможности для раціонализма разрѣшить сіи вопросы, Ботень исповѣдуетъ предъ епископомъ разномысліе свое съ протестантскимъ философомъ слѣдующими словами: «comme philosophe, nous ne sommes point partisan de Kant, nous ne l'avons jamais été, et nous désavouons toute solidarité qu'on voudrait établir entre ses doctrines et les nôtres. Nous sommes convaincus que le système de Kant mène au scepticisme, et c'est pourquoi nous le rejetons.» При появленіи сего покорнаго письма Ботеня, пріятели его разглашали здѣсь, что состязанія его съ епископомъ прекратились. Но теперь слышно, что опять пренія между ними возгорѣлись сильнѣе прежняго. Читая сію схоластическую бро-

шюру, невольно переносишься въ эпоху: «sic et non» Абельара. Въ тоже время, по другую сторону Рейна, не могутъ сладить съ фанатикомъ-епископомъ, за коего аристократія Вестфальская, толпы мрачнаго Мюнстера и фанатизмъ Нѣмецкаго Рима — Кельна. Ботень былъ нѣкогда ученикомъ Кузеня, но отсталъ отъ эклектизма своего наставника и перешелъ на сторону Римскаго мышленія. Я жалѣю, что спросилъ его объ ученикѣ. Разговоръ нашъ у камина перешелъ и къ Нѣмецкой философіи. Кузень знаетъ Ганца, молодаго Фихте, который недавно издалъ прекрасную біографію и переписку отца своего. Я купилъ, читалъ ее и замѣтилъ въ ней тѣ мѣста, кои могли бы служить новыми, любопытными матеріалами для современной исторіи. Фихте былъ не только первымъ мыслителемъ своего времени, но и горячимъ, дѣятельнымъ патріотомъ. Его рѣчи воспламеняли Берлинцевъ и Германію въ ея годину испытанія. Патріотизмъ Фихте обращалъ на него вниманіе Наполеона въ тоже время, какъ панегирикъ Фридриху великому, произнесенный І. Мюллеромъ въ Берлинѣ, въ присутствіи завоевателей. Переписка Фихте съ женою, съ І. Мюлеромъ, съ Гуфландомъ и пр., въ сіе время, весьма любопытна. Кузень, перебирая философическихъ писателей Германіи, не нашелъ между ними первокласныхъ геніевъ-систематиковъ. Я напомнилъ ему о Шлегелѣ. «Исключая его,» отвѣчалъ Кузень.

27 Декаб. 1837. / 8 Генв. 1838. Вчера я отправился на обѣдъ къ

Сальванди въ 6½ ч. Мнѣ довелось ѣхать мимо камеры депутатовъ: она была вся освѣщена, и экипажи депутатовъ не шевелились еще у крыльца камеры. Я нашелъ хозяйку, m-me Salvandy, коей не былъ еще никѣмъ представленъ, и нѣсколькихъ гостей въ салонѣ, но безъ хозяина, министра-депутата. Мало-по-малу съѣхались дамы: m-me Barante, герцогиня Деказъ (урожденная St Aulaire, отъ коей узналъ, что отецъ ея сегодня пріѣхалъ изъ Вѣны), самъ Деказъ; маршалъ Магдональдъ, коего портретомъ любовался я наканунѣ въ Тюльерійскомъ дворцѣ. Въ портретѣ онъ полонъ какой-то отваги; оригиналъ уже дряхлѣетъ и напоминаетъ болѣе бывшаго канцлера de la Légion d'honneur, преемника Ласепеда-академика и Прадта-аббата, нежели гордаго, курносаго маршала Наполеоновскаго. Тутъ же явились: баронъ Монморанси, маркизъ Деказъ, перъ Франціи, двоюродный братъ герцога, нашъ посолъ, папскій интернунцій, поэты, академики, профессоры и библіотекари: Мишель историкъ, Леклеръ академикъ, Вильмень, Патенъ, преемникъ его на каѳедрѣ, Шампольіонъ-Фижакъ, братъ іероглифика, библіотекарь и издатель разныхъ хроникъ, Жанвье, депутатъ-доктринеръ и остроумный разскащикъ, Carné, одинъ изъ редакторовъ Дебатовъ, коего статьи на книгу Ламене недавно вы читали. Ламартинъ пріѣхалъ въ 7 часовъ прямо изъ камеры и разсказалъ намъ все, что въ ней происходило; онъ хвалилъ чрезвычайно рѣчь философа-депутата Жуфруа, объявилъ совершенную симпатію свою съ

высокими началами, кои выразилъ Жуфруа будто въ краснорѣчивой рѣчи, и въ эту минуту вошелъ самъ ораторъ въ салонъ съ хозяиномъ. Скоро сѣли за столъ. Гостей было человѣкъ тридцать, если не болѣе. Мнѣ пришлось сидѣть между папскимъ интернунціемъ и какимъ-то молодымъ, заносчивымъ полуученымъ. Съ первымъ завелъ я рѣчь о папѣ, объ изданной святѣйшимъ отцемъ книгѣ, въ коей изложилъ онъ всю Римскую догматику, добросовѣстно, но ни на шагъ не уступая вѣку. Интернунцій сказалъ мнѣ, что недавно вышло ея третье изданіе въ Венеціи, великолѣпное, для любителей роскоши въ книгопечатаніи. Нѣкоторыя правительства, въ томъ числѣ и здѣшнее, подписались на нѣсколько экземпляровъ этой книги. Я коснулся въ разговорѣ съ представителемъ его во Франціи Кельнскаго архіепископа: онъ говорилъ, какъ слѣдовало духовному дипломату. Я вмѣшался въ разговоръ и другаго моего сосѣда, который декламировалъ передъ профессоромъ Патенемъ о строгомъ наблюденіи надъ методами преподаванія въ школахъ. Отъ школъ перешли мы и къ университетамъ, то есть, ко всѣмъ высшимъ училищамъ, кои входятъ въ составъ здѣшняго университета. Я отдавалъ справедливость Нѣмецкимъ методамъ преподаванія. Французы вступились за свои. Похваливши факультетъ точныхъ и физическихъ наукъ, я доказывалъ почти совершенное *небытіе* другихъ факультетовъ, исключая юридическаго, также весьма неполнаго. Взявъ въ

примѣръ науки или курсы историческіе, я показалъ, что нѣтъ ни однаго профессора, который бы обнималъ вполнѣ какую либо часть исторіи. Изъ древней Le Normand предлагаетъ свои гипотезы о Египтѣ, Летронъ о колоніяхъ, о древней географіи и торговлѣ, Лерминье о томъ, что онъ прочелъ наканунѣ, самъ Форіэль только объ Испаніи. Гдѣ же студенты-слушатели найдутъ полную систему древней, или средней, или новѣйшей исторіи? Гдѣ найдутъ они указанія на лучшіе источники, на критическія изданія классическихъ историковъ? Кто будетъ ихъ руководителемъ въ лабиринтѣ монументовъ историческихъ? Кто остережетъ ихъ отъ Гиббона, искажавшаго факты въ духѣ своего времени, или отъ Фишера, изобрѣтавшаго факты въ исторіи Ганзеатическаго союза и наполнившаго ее вымыслами, поддѣльными актами, коимъ повѣрилъ Шторхъ (подлогъ, открытый Шлёцеромъ)? Сосѣдъ мой горячился; но сосѣдъ сосѣда, профессоръ Патень, начиналъ уступать моимъ доказательствамъ и примѣрамъ. Желая, за Французское интелектуальное хлѣбосольство, смягчить негодованіе моего сосѣда, я перешелъ къ похвалѣ, самой искренней и невынужденной, достойнаго и достойныхъ. Я напомнилъ о лекціяхъ Кювье, Гизо и самаго Вильменя, блистательнаго безъ методы, основательнаго въ сужденіяхъ безъ глубокаго изслѣдованія тѣхъ предметовъ, коихъ касался онъ налету, порхая иногда какъ ласточка долу и касаясь низменныхъ урочищъ Французской словесности, или вознесясь

какъ орелъ къ Монтескье, Боссюэтамъ и Малебраншамъ, на высоты ея. Казалось, что сосѣды отдали справедливость моему космополитическому безпристрастію и начинали уже соглашаться со мною во многомъ, какъ хозяйка мигнула хозяину, дала руку нашему послу, и гости потянулись въ гостиную, гдѣ уже сбирались вечерніе посѣтители министра: генералы, депутаты, ученые, журналисты, докторъ Паризе, авторъ похвальнаго слова Кювье, Cazimir Bonjour, и пр. и пр. Министерскій huissier безпрерывно возглашалъ имена новыхъ гостей. Комнаты наполнились къ 10 часу, когда я уѣхалъ, оставивъ Сальванди, незанимавшагося нимало новопріѣзжими гостями, передъ многочисленною толпой ораторствовавшаго о томъ, что было во весь день предметомъ дебатовъ камеры. Любопытно и наставительно прислушиваться къ мнѣніямъ всѣхъ партій, взвѣшивать основательность каждаго, увлекаться краснорѣчіемъ ораторовъ, досадовать иногда на пустословіе говоруновъ, и отдавать справедливость даже и тѣмъ, съ коими не соглашаешься. Какая школа для дипломатовъ и даже для государственныхъ людей засѣданіе, подобное нынѣшнему! Кто бы подумалъ, что Тьерсъ , вызванный изъ неизвѣстности духомъ времени , что Тьерсъ въ народной камерѣ произнесетъ примѣчательныя слова , коими заключилъ онъ вчера блистательную импровизацію: «Rappelez-vous Louis XIV et ce qu'il fit lorspu'il accepta la couronne d'Espagne pour son petit fils; on a traité sa résolution de mi-

sérable esprit de famille; mais vous avez lu sans doute les grandes et superbes raisons qui décidèrent ce grand roi; il se disait: oui, on m'offre le complément de la France et même mes frontières naturelles; mais j'aime mieux avoir derrière moi une puissance amie, et je termine ainsi la guerre Européenne?»

Посылаю грустные стихи слѣпца-историка Тьери: La voix de la terre et la voix d'en haut. Онъ написалъ ихъ еще до вступленія въ бракъ съ умною, милою женою, которая теперь освѣщаетъ для него мрачную жизнь. У нихъ почти каждый вечеръ собирается ученое, любезное общество. M-me Циркуръ также часто бываетъ тамъ. Я намѣренъ возобновить съ Тьери знакомство. Я когда-то бывалъ у него, перебиралъ и отыскивалъ для него книги о сѣверной исторіи и знакомилъ его съ Нѣмецкими историками, для коихъ давно мерцалъ историческій свѣтъ, разлитый слѣпцемъ Тьери на старину сѣвера и Франціи.

Э. А.

АЛЕКСАНДРЪ ПУШКИНЪ.

Безпристрастная и полная біографія какаго бы ни было примѣчательнаго лица, до истеченія многихъ лѣтъ послѣ его смерти, такъ же невозможна, какъ прагматическая исторія современныхъ событій. Но будущей исторіи или біографіи никто столько не можетъ доставить драгоцѣннѣйшихъ матеріаловъ, какъ современникъ, свидѣтель-очевидецъ, неизбѣжный участникъ и естественный судія происшествій, передъ нимъ совершающихся.

Литература должна имѣть свою прагматическую исторію. Въ ней для потомства содержится больше, нежели одно дополненіе къ исторіи политической: нерѣдко въ ней находятся причины благотворныхъ

и гибельныхъ эпохъ; въ ней отпечатывается занимательнѣйшая сторона каждой націи — жизнь умственной производительности и сила душевныхъ способностей; она ярко разрисовываетъ періоды всемірной и частной исторіи народовъ, что одно способствуетъ къ надлежащему ихъ изученію.

Имя Александра Пушкина, по достоинству его сочиненій, конечно принадлежитъ исторіи нашей литературы. И такъ на его современникахъ уже лежитъ долгъ позаботиться о будущей біографіи поэта. Черты его характера, ума, литературныя мнѣнія его; частности, относящіяся къ появленію его сочиненій; замѣчательные анекдоты изъ его жизни — все это вмѣстѣ можетъ служить нѣкогда къ доставленію занимательности и наставительности исторіи литературы его вѣка. Въ Современныхъ Запискахъ журнала, основаннаго Пушкинымъ, постоянно помѣщаемо будетъ все, до него касающееся, что найдется согласнаго съ этою цѣлію.

I.

Между стихотвореніями, находящимися въ нынѣшнемъ томѣ Современника, читатели увидятъ переводъ съ Англійскаго языка Байроновой поэмы *Мазепа*, первый опытъ молодаго поэта. До какой степени должно быть возбуждено вниманіе любителей-знато-

ковъ поэзіи этимъ явленіемъ — говорить о томъ издатель считаетъ за излишнее. Онъ только пользуется этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать извѣстными строки, доставленныя къ нему изъ частнаго письма Пушкина и относящіяся столько же къ Мазепѣ Байрона, сколько и къ Полтавѣ самаго Пушкина.

«Наши критики, разбирая Полтаву, упомянули о Байроновомъ Мазепѣ. Они его не понимаютъ. Старый гетманъ, предвидя неудачу, бранитъ, въ моей поэмѣ, молодаго Карла и называетъ его мальчикомъ и сумасшедшимъ. Критики, со всею важностію, укоряютъ меня въ неосновательномъ мнѣніи о Шведскомъ королѣ. Въ одномъ мѣстѣ у меня сказано, что Мазепа ни къ чему не былъ привязанъ. Чѣмъ же опровергаютъ меня критики? Они ссылаются на *собственныя* слова Мазепы, увѣряющаго Марію въ *моей* поэмѣ, что онъ любитъ ее *больше славы, больше власти.* Такъ имъ понятно, такъ знакомо драматическое искуство! Еще замѣчаютъ, что заглавіе моей поэмы ошибочно, и что вѣроятно не назвалъ я ее Мазепой, чтобъ не напомнить о Байронѣ. Это частію справедливо. Но была у меня и другая причина, которой конечно никто изъ нихъ не подозрѣваетъ: эпиграфъ. Такъ и Бахчисарайскій фонтанъ первоначально названъ былъ Гаремомъ; но меланхолическій эпиграфъ (который безспорно лучше всей поэмы) соблазнилъ меня.

«Байронъ зналъ Мазепу только по Вольтеровой исторіи Карла XII».

(Но слѣдующіе три отрывка оттуда могутъ служить доказательствомъ, какъ Байронъ въ поэмѣ своей желалъ быть вѣрнымъ исторіи.

1.

Celui qui remplissait alors cette place était un gentilhomme Polonais, nommé Mazeppa, né dans le palatinat de Podolie; il avait été élevé page de Jean Casimir et avait pris à sa cour quelque teinture des belles-lettres. Une intrigue qu'il eut dans sa jeunesse avec la femme d'un gentilhomme Polanais, ayant été découverte, le mari le fit lier tout nu sur un cheval farouche et le laissa aller en cet état. Le cheval qui était du pays de l'Ukraine, y retourna et y porta Mazeppa, demi-mort de fatigue et de faim. Quelques paysans le secoururent: il resta longtemps parmi eux, et se signala dans plusieurs courses contre les Tartares. La supériorité de ses lumières lui donna une grande consideration parmi les cosaques: sa réputation, s'augmentant de jour en jour, abligea le czar à le faire prince de l'Ukraine.

2.

Le roi fuyant et poursuivi eut son cheval tué sous lui; le colonel Gieta, blessé et perdant tout son sang,

lui donna le sien. Ainsi on remit deux fois à cheval, dans la fuite, ce conquérant qui n'avait pu y monter pendant la bataille.

3.

Le roi alla par un autre chemin avec quelques cavaliers. Le carrosse, où il était, rompit dans la marhe; on le remit à cheval. Pour comble de disgrace, il s'égara pendant la nuit dans un bois; là, son courage ne pouvant plus suppléer à ses forces épuisées, les douleurs de sa blessure devenues plus insupportables par la fatigue, son cheval étant tombé de laffitude, il se coucha quelques heures au pied d'un arbre, en danger d'être surpris à tout moment par les vainqueurs qui le cherchaient de tous cotés.)

«Байронъ пораженъ былъ только картиной человѣка, связаннаго на дикой лошади и несущагося по степямъ. Картина конечно поэтическая. И за то посмотрите, что онъ изъ нея сдѣлалъ! Но не ищите тутъ ни Мазепы, ни Карла, ни сего *мрачнаго, ненавистнаго,* мучительнаго характера, который проявляется во всѣхъ почти произведеніяхъ Байрона — но котораго (на бѣду моимъ критикамъ) въ Мазепѣ именно и нѣтъ. Байронъ и не думалъ о немъ. Онъ выставилъ рядъ картинъ, одна другой разительнѣе. Вотъ и все. Но какое пламенное созданіе, какая широкая геніальная кисть! Если же бы ему подъ перо

попалась исторія обольщенной дочери и казненнаго отца, то вѣроятно никто бы не осмѣлился послѣ него коснуться сего предмета.

«Чѣмъ больше думаю, тѣмъ сильнѣе чувствую, какой отвратительной предметъ для художника въ лицѣ Мазепы? Ни однаго добраго, благороднаго чувства! Ни одной утѣшительной черты! Соблазнъ, вражда, измѣна, лукавство, малодушіе, свирѣпость . . . Сильные характеры и глубокая трагическая тѣнь, набросанная на всѣ эти ужасы — вотъ что увлекло меня. Полтаву написалъ я въ нѣсколько дней; долѣе не могъ бы ею заниматься и бросилъ бы все.»

II.

Немногіе хорошо знали Пушкина не-писателя — человѣка. Судили о немъ по сочиненіямъ его, и привыкли представлять въ его душѣ только умъ, живость и необыкновенный талантъ. Казалось, и самъ онъ находилъ удовольствіе поддерживать о себѣ это мнѣніе, особенно въ обществѣ постороннихъ людей, гдѣ онъ былъ только или совершенно молчаливъ, или слишкомъ блистателенъ. Лучшія движенія сердца своего считалъ онъ домашнимъ дѣломъ, и потому не любилъ выказывать ихъ. Онъ хранилъ ихъ для тѣснаго круга друзей, преимущественно для своихъ Лицейскихъ товарищей, которыхъ любилъ неизмѣнно.

Вотъ письмо Пушкина, писанное имъ, когда онъ извѣщенъ былъ о смерти Барона Дельвига. Сколько въ немъ чувства истиннаго, глубокаго, но въ формахъ совершенно Пушкинскихъ.

«21 Генв. 1831. Москва. Что скажу тебѣ, мой милый! Ужасное извѣстіе получилъ я въ воскресенье. На другой день оно подтвердилось. Вчера ѣздилъ я къ Салтыкову * объявить ему все — и не имѣлъ духу. Вечеромъ получилъ твое письмо. Грустно, тоска. Вотъ первая смерть, мною оплаканная. Карамзинъ подъ-конецъ былъ мнѣ чуждъ; я глубоко сожалѣлъ о немъ какъ Русскій, но никто на свѣтѣ не былъ мнѣ ближе Дельвига. Изо всѣхъ связей дѣтства онъ одинъ оставался на виду — около него собиралась наша бѣдная кучка. Безъ него мы точно осиротѣли. Считай по пальцамъ: сколько насъ? ты, я, Б---й, вотъ и все. Вчера провелъ я день съ Н * * *, который сильно пораженъ его смертію. Говорили о немъ, называя его *покойникъ* Дельвигъ, и этотъ эпитетъ былъ столь же страненъ, какъ и страшенъ. Нечего дѣлать! Согласимся: покойникъ Дельвигъ—быть такъ. Б---й боленъ съ огорченія. Меня не такъ-то легко съ ногъ свалить. Будь здоровъ — и постараемся быть живы.»

* М. А. Салтыковъ, тесть Барона Дельвига.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ.

Отрывки изъ «Фауста,» перемѣшанные съ бумагами покойнаго Пушкина безъ подписи переводчика, и напечатанные съ копіи, безъ вѣдома сего послѣдняго по странному стеченію обстоятельствъ, въ VI томѣ Современника—переведены мною, а не г. Губеромъ, который трудится надъ переводомъ всего Фауста. Не имѣя никакихъ притязаній на авторскую славу, но уважая право собственности, какъ свое, такъ и чужое, долгомъ считаю объяснить, что весь отрывокъ, начинающійся словами: «*Съ какою пламенной любовью*» и кончающійся стихомъ: «*Студентовъ школьникъ образцовый*» отъ стр. 301 до 338, принадлежитъ исключительно мнѣ, а не г. Губеру, и не Пушкину, какъ то сказано *въ Литературномъ объясненіи*, *въ Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду* 1837 *года стр.* 335.

И. Бекъ.

МАТЕРІАЛЫ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

ПОСЛѢДНЕЕ СРАЖЕНІЕ ФИГНЕРА.

Отрывокъ изъ исторіи Партизановъ.

(26-го Сентября 1813 г. партизанскій отрядъ Фигнера встрѣтился съ корпусомъ генерала Сакена при Эйленбургѣ, и въ тотъ же день отдѣлясь отъ войскъ Сакена, взялъ направленіе къ Эльбѣ.)

Два раза отрядъ сталкивался съ непріятельскими партіями, столь немногочисленными, что истребленіе ихъ казалось вѣрнымъ; но Фигнеръ уклонялся отъ сраженія, даже не позволялъ казакамъ гоняться за отстававшими, хотя съ удовольствіемъ смотрѣлъ, какъ на нихъ бросались молодые офицеры съ казаками вразсыпную, кричалъ *браво* и Русскому, заставившему

Француза вымолвить пардонъ, и Французу, отразившему ударъ. Неразъ и жители сказывали, и разъѣзды извѣщали, что въ недальнемъ разстояніи отъ отряда тянутся Французскія фуры, зарядные ящики, подъ столь слабыми прикрытіями, что нападеніе на обозъ было бы выгодно. При этихъ извѣстіяхъ, многимъ, которые были хладнокровны къ зряднымъ ящикамъ Французовъ, но неравнодушны къ ихъ фурамъ, уже мерещился въ дали столбъ пыли, поднятой колесами фуръ. Но Фигнеръ слушалъ о непріятельскихъ обозахъ съ такою разсѣянностію, что одинъ изъ казаковъ, непожалѣвшій боеваго коня, чтобы скорѣе извѣстить о близости непріятельскаго обоза и слабости его прикрытія, дивясь, отъ чего, послѣ разсказа его объ огромности фуръ, тяжести вьюковъ, Фигнеръ не командуетъ *къ конямъ*, прибавилъ: «повѣрьте, Ваше Высокоблагородіе, что въ фурахъ везутся не лекарскія снадобья.» Въ самомъ дѣлѣ, худшая изъ добычь, какую только можетъ представить себѣ воображеніе партизана, заключается въ фурахъ съ походной аптекой. При восклицаніяхъ фурлейтовъ и командныхъ словахъ офицеровъ прикрытія, во весь опоръ бросался непріятельскій обозъ, испуганный появленіемъ партизановъ; но они не двигались: только нѣсколько казаковъ съ версту слѣдили за обозомъ, концами пикъ поднимая Французовъ, падавшихъ съ козелъ и съ сѣделъ, и стрѣляя изъ пистолетовъ вдогонку, чтобы — такъ выражались казаки — шутки ради, прибавить Французамъ прыти, въ надеждѣ, что

у какой нибудь фуры изломается колесо, и Французы второпяхъ покинутъ ее на дорогѣ. Разъ на разсвѣтѣ, изъ своего ночнаго *странствія* [1], Фигнеръ воротился съ разсказомъ, что эскадронъ латниковъ ночуетъ верстахъ въ двухъ отъ отряда; услыша это, многіе изъ офицеровъ и рядовыхъ бросились-было къ своимъ лошадямъ, но Фигнеръ остановилъ ихъ словами: «теперь не до латниковъ.» Явно было, что онъ берегъ людей и лошадей для какаго нибудь важнаго предпріятія, но изъ офицеровъ отряда только одинъ или двое знали замыслы Фигнера; онъ попрежнему молча выслушивалъ совѣты своихъ офицеровъ, изъ которыхъ почти каждый, подавая совѣтъ, бродилъ пальцами по ландкартѣ и такъ распоряжался воюющими арміями, что Фигнеру повидимому ничего больше не оставалось дѣлать, какъ исполнять *офицерскій* совѣтъ. «Ужъ не ухитряется ли Его Высокоблагородіе поймать *его самаго!*» сказалъ разумнѣйшій изъ вахмистровъ.» — На это станетъ Его Высокоблагородія—отвѣчалъ догадливый товарищъ, для котораго не нужно было поясненія, что подъ словами *его самаго* подразумѣвается самъ Наполеонъ Бонапартъ. Испанцы [2], привыкшіе къ прежней необыкновенной дѣятельности Фигнера, спрашивали Русскихъ офицеровъ, давая Испанское окончаніе не многимъ Французскимъ словамъ, находившимся въ распоряженіи у ихъ памяти: «отъ чего не бьютъ *гавахо*, когда онъ на разстояніи одной сигарки? Ужъ не заключенъ ли миръ съ собакой *Малапартомъ* [3]?»

Но недолго оставалось тайною то предпріятіе, для котораго Фигнеръ берегъ людей и лошадей: подробныя ландкарты, данныя ему генераломъ Сакеномъ, заключали въ себѣ Вестфальское королевство; неразъ заставали Фигнера, изучающаго эти ландкарты; въ числѣ паролей, отданныхъ имъ, былъ городъ Кассель. Въ жару разговора у него сорвалось съ языка: «докажу, что Іоганъ Миллеръ солгалъ, предрекая долголѣтіе королевству Іеронима.» Видя изъ движеній воюющихъ армій, что между Эльбой и Саалой рѣшится участь Германіи, Фигнеръ предполагалъ, что въ первыхъ числахъ Октября Наполеонъ для большаго сраженія оттянетъ свои войска отъ лѣваго берега Эльбы, и потому, выжидая этаго движенія, хотѣлъ до набѣга на Вестфалію нѣсколько дней продержаться въ одномъ усиленномъ, или въ двухъ небольшихъ переходахъ отъ Дессау, чтобы, при встрѣчѣ съ превосходными силами непріятеля, отступить къ авангарду графа Таунцина, прикрывавшему Дессавскій мостъ. Извѣстно было, что Вестфальцы сохранили привязанность къ Прусскому правительству, что Французскія войска, занимающія это королевство, были малочисленны и почти не имѣли кавалеріи. Притомъ можно было надѣяться, что если не Вестфальскіе полки, то конскрипты, собранные въ разныхъ частяхъ королевства, пристанутъ къ партизанамъ.

30-го Сентября одинъ изъ разъѣздовъ извѣстилъ Фигнера, что нѣсколько эскадроновъ непріятельской

кавалеріи показалось на дорогѣ отъ Лейпцига къ Дессау; прежде, при такомъ извѣстіи, Фигнеръ спѣшилъ переодѣться, схватить свою толстую палку, и итти въ ту сторону, гдѣ показался непріятель; но теперь этой предосторожности, нѣсколько разъ спасавшей отрядъ, не принялъ отъ увѣренности, что Французскія войска уже начали отступательное движеніе къ Саалѣ, и что непріятельскіе эскадроны не что иное, какъ фуражиры, посланные во многомъ числѣ и за нѣсколько миль отъ своихъ полковъ по причинѣ недостатка въ продовольствіи, обыкновеннаго слѣдствія, когда соединяются многочисленныя войска на тѣсномъ пространствѣ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ дороги изъ Лейпцига въ Дессау мѣстность позволила Фигнеру скрыть свой отрядъ отъ непріятельскихъ эскадроновъ, чтобы, дождавшись того времени, какъ они разсѣются для фуражировки, ударить на нихъ, даже отрѣзать имъ отступленіе. Но Фигнеръ, сберегая отрядъ для набѣга на Вестфалію, рѣшился уклониться отъ нихъ и двинулъ-было отрядъ напрямикъ вправо отъ Лейпцигской дороги, какъ наѣхала на него партія Прусскихъ Черныхъ гусаръ, шедшая полной рысью. Прусаки, спѣша мимо, кричали: «многія тысячи! многія тысячи! артиллерія и кавалерія! самъ Наполеонъ долженъ быть тутъ!» Прусскій офицеръ остановился, чтобы сказать, что Французы въ нѣсколькихъ колоннахъ идутъ къ Эльбѣ, и что онъ спѣшитъ извѣстить о томъ свое начальство. Увѣрясь, что непріятельскіе эскадроны, видѣнные разъѣздами, не

фуражиры, а принадлежатъ къ сильному авангарду, Фигнеръ повернулъ отрядъ къ Эльбѣ въ промежутокъ большихъ дорогъ, шедшихъ въ Верлицъ и въ Дессау, и велѣлъ прибавлять шагу; казаки, посланные въ ближнія селенія, набрали подводъ для Испанцевъ. Прошедши верстъ двадцать полнымъ шагомъ, около пяти часовъ вечера отрядъ приблизился къ Эльбѣ. Адъютантъ генерала Добшица, начальника Таунцинова авангарда, прискакалъ съ письмомъ отъ своего генерала, извѣщавшимъ Фигнера, что, въ слѣдствіе неожиданнаго движенія Французской арміи къ Дессау, корпусъ графа Таунцина завтра утромъ отступаетъ на правый берегъ Эльбы, и что на лѣвомъ берегу не останется ни однаго Прусскаго отряда. Но Прусаки уже не одинъ разъ проводили Фигнера неосновательными извѣстіями о числѣ и движеніяхъ непріятеля; люди и лошади были утомлены усиленнымъ переходомъ; а не было надежды найти фуражъ въ окрестностяхъ Дессау, опустошенныхъ и Французами и союзниками; по этой причинѣ недостатокъ въ фуражѣ ожидалъ партизановъ и на правомъ берегу Эльбы. Притомъ Фигнеръ былъ увѣренъ, что Наполеонъ двинулъ одинъ изъ своихъ корпусовъ къ Эльбѣ только для того, чтобъ отвлечь вниманіе кронъ-принца Шведскаго и Блюхера отъ такаго пункта, на который онъ сбирается ударить всѣми силами, что графъ Таунцинъ, убѣдясь въ этомъ, отмѣнитъ свое отступленіе на правый берегъ Эльбы, предпринимаемое изъ осторожности, достойной Дауна. Если же, такъ раз-

суждалъ Фигнеръ, Наполеонъ рѣшится бросить нѣсколько корпусовъ на правый берегъ Эльбы, чтобы угрожать Берлину, въ такомъ случаѣ, по переходѣ отряда съ Прусаками на правый берегъ Эльбы, придется, если не оставить навсегда, то отложить на долгое время набѣгъ на Вестфалію: ибо Прусаки оставятъ партизановъ при своемъ авангардѣ для участія въ тѣхъ большихъ сраженіяхъ, которыя будутъ даны въ защиту Берлина. Сверхъ того близъ Верлица находился островъ, поросшій кустарникомъ и довольно обширный для помѣщенія на немъ всего отряда: Фигнеръ намѣревался на другой день, когда графъ Таунцинъ не перемѣнитъ своего отступательнаго движенія, притаить партизановъ на этомъ островѣ, и когда Французы перейдутъ на правый берегъ Эльбы, чтобъ угрожать Берлину, то, судя по обстоятельствамъ, или прямо броситься въ Вестфалію, или прежде совершить нѣсколько поисковъ около Лейпцигской дороги, по которой должны будутъ тянуться Французскіе обозы и парки. И первое и другое казалось легкимъ Фигнеру, предполагавшему, что Французы, устремясь къ Берлину, при недостаткѣ въ кавалеріи, и однаго кавалерійскаго полка не оставятъ на лѣвомъ берегу. По этимъ причинамъ Фигнеръ рѣшился переночевать на лѣвомъ берегу Эльбы, верстъ за семь выше Дессау. Лѣвый флангъ отряда примыкалъ къ береговой дорогѣ въ Дессау, правый къ лѣсу, шедшему съ версту берегомъ Эльбы; впереди, саженяхъ въ семидесяти, лежала небольшая деревня. Два взво-

да Маріупольскихъ и Бѣлорусскихъ гусаръ стали между деревней и лѣсомъ, а Донскіе казаки на лѣвомъ флангѣ; взводъ Испанцевъ занялъ деревню, остальные Испанцы расположились въ лѣсу. Деревня и мыза или корчма въ лѣсу были обхвачены передовыми постами; жителямъ было объявлено, что мущина, женщина, даже ребенокъ, пойманные при покушеніи перейти за черту передовыхъ постовъ, немедленно будутъ разстрѣляны, а чтобы доказать жителямъ, что это не пустая угроза, прочли имъ изъ приказовъ по отряду имя и день смерти крестьянина, недавно разстрѣляннаго за подобное покушеніе [4]. Крестьяне съ подводами были отданы подъ стражу Испанцамъ, которые, избѣгая дальнихъ хлопотъ, возжами привязали ихъ къ деревьямъ опушки. Къ девяти часамъ вечера партіи, пущенныя въ разныя стороны для развѣдыванія, извѣстили, что на разстояніи пяти и болѣе верстъ не встрѣтили ни однаго Француза. Послѣ этаго Фигнеръ позволилъ развести огня для ужина.

Немногіе партизаны, уцѣлѣвшіе отъ послѣдняго Фигнерова сраженія, вынесшіе тяжелый плѣнъ въ Витенбергскомъ казематѣ, должны хорошо помнить роковой ночлегъ на берегу Эльбы, гдѣ изъ ихъ товарищей такъ многіе поужинали въ послѣдній разъ; такъ многіе, еще юноши, въ послѣдній разъ отвѣдали бивачнаго дыма и заснули полные жизни и силы. Трупы первыхъ сброшены въ Эльбу непріятелемъ, по-

лѣнившимся вырыть могилы. Вторые встрѣтили утро другаго дня подъ ножами Французскихъ лекарей и вышли изъ лазарета полумолодыми, неспособными къ военной службѣ. Партизанъ, уцѣлѣвшій отъ послѣдняго Фигнерова сраженія, быть можетъ, уже не узнаетъ ни мѣста роковаго ночлега, ни товарища, подлѣ котораго въ томъ сраженіи бился на смерть: такъ много лѣтъ прошло послѣ той ночи, въ которую смуглый Испанецъ, въ ожиданіи бивачнаго ужина, бренчалъ на походной гитарѣ, и гулевую пѣсню своей родины прерывалъ ругательнымъ karajo, чтобы унять жалобы Нѣмцевъ, привязанныхъ возжами къ деревьямъ; Бугскій казакъ, вдали отъ костровъ, кругомъ которыхъ толпились его товарищи, сидѣлъ съ разстегнутымъ походнымъ чемоданомъ на колѣнахъ, любовался позолоченными пряжками съ башмаковъ чиновнаго Нѣмца, долго теръ рукавомъ мундира серьгу изъ Нѣмочкина уха, потому что на сергѣ было что-то похожее на кровь, и долго хмурилъ лобъ надъ шандаломъ, силясь съ помощію звѣздъ узнать, стоитъ ли шандалъ того, чтобы занимать первое мѣсто въ походномъ чемоданѣ. Чудный Фигнеръ, лежа на буркѣ, курилъ свою *послѣднюю* трубку; подлѣ бѣлѣлись ландкарты Вестфаліи; но Эльба уже ждала его. Рядовые, подслушавшіе толки офицеровъ, спрашивали другъ друга за кашицей: что эта Вествала, городъ или губернія какая? То ли это, что Саксонія, или не то? Грамотей-Донецъ, вынувъ изъ-за пазухи тетрадку, сшитую имъ для записыванія тѣхъ Нѣмецкихъ словъ,

которыя онъ на войнѣ въ Нѣмеціи почиталъ необходимостью и для себя и для своей лошади, при свѣтѣ бивачнаго огня писалъ въ тетрадкѣ, складывая: вѣди-есть Ве, слово-твердо-вѣди-азъ ства, Вества, и такъ далѣе. Три молодыхъ офицера, изъ коихъ на другой день двое убито, а третій тяжело раненъ, заснули не прежде, какъ уже рѣшивши вопросъ: кто скорѣй очутится у Рейна, король ли Іеронимъ, выгнанный изъ Касселя, или Фигнеровы партизаны, и пересказавши другъ другу все, что только читали и слышали о картинныхъ видахъ Вильгельмс-ге, о любовницахъ короля Іеронима и Вестфальскихъ окорокахъ.

Передъ разсвѣтомъ отрядъ встрепенулся при протяжной командѣ: *къ конямъ!* Въ деревнѣ раздавались ружейные выстрѣлы и крики сражающихся, и вдругъ смѣнились радостными восклицаніями Испанцевъ, воплями о пощадѣ и хрипѣніемъ зарѣзанныхъ; это, по выраженію нашихъ рядовыхъ, муертовали мусьи Шпаны [6]. Оказалось, что два-три взвода непріятельской кавалеріи, воспользовавшись ночью и обыкновенной безпечностію Испанцевъ, сорвали ихъ пикетъ, стоявшій передъ деревней, и понеслись по улицѣ; но, встрѣченные полуэскадрономъ Маріупольскихъ и Бѣлорусскихъ гусаръ, повернули назадъ; преслѣдуемые гусарами и тревожимые съ боковъ ружейными выстрѣлами Испанцевъ, въ безпорядкѣ выскочили изъ деревни и разсѣялись по полю. Фигнеръ остановилъ преслѣдованіе. Нѣсколько Польскихъ

улан, вырванных гусарами из-под ножей Испанцев, объявили, что они принадлежат к авангарду маршала Нея; но противоречили друг другу в ответах на вопросы, где авандард маршала, и как велик кавалерійскій отряд, наехавшій на партизанов? Между тем начался разсвет, обнаруживая саженях во ста за деревней строй непріятельской кавалеріи. Чтобы решить недоуменіе о ея силе, Фигнер вывел фланкеров за деревню и выстроил Испанцев перед лесом; но непріятель не отступал: явно было, что он или ожидал близкаго подкрепленія, или почитал себя довольно сильным для завязки сраженія. Фигнер отослал фланкеров в эскадроны, отодвинул Испанцев в лес; приказал двум офицерам с полсотней Донцев разведать, не заняты ли непріятелем ближнія деревни, которых не мог миновать отряд, шедшій в Дессау. Солнце стало показываться, и там, где партизаны, казалось, видели кустарник, дрожащій от ветра, понизившійся туман открыл непріятельскіе эскадроны. Фигнер с видимым безпокойством поглядывал на Дессавскую дорогу, ожидая посланных; уже больше четверти часа прошло по их отъезде, а из целой полсотни Донцев ни один не возвращался. Это казалось непонятным. Если непріятель в превосходном числе отрезал их от отряда; то они, хорошо зная, что от возврата хотя однаго из них может зависеть спасеніе отряда, должны были разсыпаться, и употребить все проворство наездничества,

все хладнокровіе мужества, чтобы поодиначкѣ, разными путями, то ускользая отъ непріятеля, то пробиваясь сквозь него, проникнуть къ отряду. Непріятель, полусокрытый туманомъ, не двигался; только удальцы изъ его фланкеровъ, подскакивая къ деревнѣ, задирали Испанцевъ пистолетными выстрѣлами и бранными словами. Отъ мучительной неизвѣстности о силѣ непріятеля молчаніе не прерывалось въ рядахъ партизановъ; то одинъ, то другой офицеръ оборачивалъ голову назадъ, чтобы взглянуть на свои тугонабитые вьюки; многіе, предчувствуя, что сраженіе будетъ жарко, пересѣли на лучшихъ лошадей. Вдругъ кто-то вскричалъ: Донцы воротились! — «На силу! сказалъ Фигнеръ, и поскакалъ-было имъ на встрѣчу; но значки Польскихъ уланъ мелькали на пикахъ мнимыхъ Донцевъ.

«Гг. офицеры!» вскричалъ Фигнеръ. Офицеры съѣхались къ нему. «Мы окружены, надобно «пробиться; если непріятель разорветъ наши ряды, то «ужъ больше не думайте обо мнѣ; спасайтесь вразсыпную; про это вамъ я толковалъ много разъ; сборное мѣсто деревня . . . (Фигнеръ назвалъ ее): она на «Торгавской дорогѣ, верстахъ въ десяти отсюда. Кому покажется мудренымъ ея заморское имя, то пусть «запишетъ; непріятель думаетъ, что мы бросимся въ Дессау; но онъ крѣпко ошибется . . . . Смирно! Пополуэскадронно справа! шагомъ, маршъ!» Отрядъ вошелъ въ промежутокъ между деревней, занятой

взводомъ Испанцевъ, и лѣсомъ, передъ которымъ остальные Испанцы построились въ колонну, чтобы одновременнымъ нападеніемъ съ конницей отряда равлечь непріятеля; отъ тумана можно было видѣть не больше, какъ на десять саженей. «Строй эскадроны, рысью, маршъ!» командовалъ Фигнеръ; непріятельскіе фланкеры отскочили направо и налѣво; въ туманѣ раздались командныя слова непріятельскихъ офицеровъ. «Ахтырцы, Александрійцы, пики на перевѣсъ, маршъ-маршъ!» командовалъ Фигнеръ.— Viva el rey Fernando septimo! muerto gavacho! Да здравствуетъ король Фердинандъ седьмый! смерть Французамъ [8]! вскрикнули Испанцы передъ лѣсомъ; это значило, что они пошли на штыки. Непріятель отразилъ гусаръ; они раздались направо и налѣво.— «Украинцы, маршъ-маршъ!» командовалъ Фигнеръ; но въ это время эскадронъ Польскихъ уланъ ворвался въ деревню, перекололъ больше половины Испанцевъ, занимавшихъ ее, и сталъ выстраиваться для атаки на лѣвомъ флангѣ отряда. Увидя это, Украинцы смѣшались. Фигнеръ, чувствуя, что отрядъ не устоитъ, если непріятель ударитъ въ него съ фланга, повернулъ къ деревнѣ полуэскадронъ Маріупольскихъ и Бѣлорусскихъ гусаръ, и съ мѣста, во весь карьеръ, повелъ ихъ на Польскихъ уланъ, и первый съ двумя офицерами врубился въ непріятельскій эскадронъ. «Выручайте Его Высокоблагородіе! выручайте поручиковъ!» кричали гусары въ жару схватки. Поляки подались назадъ; «наша беретъ! впередъ, ребята!»

вскрикнули ободренные этимъ Украинцы и схватились съ непріятелемъ. Viva el rey Fernando septimo! muerto gavacho! Да здравствуетъ король Фердинандъ седьмый! смерть Французамъ! вскрикнули Испанцы и въ другой разъ пошли на штыки. Но полуэскадронъ Французскихъ драгунъ ударилъ сбоку на Маріупольцевъ и Бѣлоруссцевъ; Украинцы не устояли; Испанцы, послѣ двухъ удачныхъ нападеній, отошедши на нѣсколько сотъ шаговъ отъ лѣсу, были обхвачены непріятелемъ; построились въ каре и на штыкахъ пробились къ лѣсу: отрядъ въ безпорядкѣ подался къ Эльбѣ. «Гдѣ офицеры? кричалъ Фигнеръ, приводя въ порядокъ эскадроны; когда я ѣду прогуливаться, за мной скачетъ двадцать офицеровъ, а теперь....» Онъ не думалъ, что уже такъ много изъ его офицеровъ лежало на полѣ сраженія. Непріятель въ густой колоннѣ выдвинулся изъ деревни; между тѣмъ его фланкеры перевѣдывались съ Испанцами въ опушкѣ лѣса; другая непріятельская колонна показалась со стороны Дессау. Явно было, что непріятель медлилъ доселѣ нападеніемъ отъ того, что не зналъ ни силы нашей конницы, скрытой отъ него деревней и туманомъ, ни силы нашей пѣхоты, стоявшей въ лѣсу; но теперь смѣло шелъ впередъ. «Ребята, не отдавайтесь живыми! кричалъ Фигнеръ—я не отдамся!» прибавилъ, понизя голосъ. «Ребята, перекреститесь!» Онъ снялъ фуражку и перекрестился; офицеры и рядовые сдѣлали тоже. «Пополуэскадронно, справа, рысью-маршъ!» командовалъ Фигнеръ, отстег-

нулъ грудь и поцаловалъ образъ Богоматери, висѣвшій на груди, и полной рысью повелъ отрядъ въ промежутокъ приближавшихся непріятельскихъ колоннъ, надѣясь, что въ то время, какъ непріятель съ боковъ обхватитъ отрядъ, по крайней мѣрѣ эскадроны, идущіе въ головѣ отряда, успѣютъ пробиться. Но непріятель, угадавшій намѣреніе Фигнера, пустился во весь карьеръ. Фигнеръ повернулъ голову отряда навстрѣчу первой колоннѣ; Маріупольскіе и Бѣлорусскіе гусары съ Бугскими казаками приняли ударъ второй колонны.

Фигнеръ поддерживалъ молву, вѣроятно имъ самимъ распущенную, что Наполеонъ оцѣнилъ его голову и приказалъ его партизановъ, попавшихся въ плѣнъ, разстрѣливать какъ разбойниковъ; нѣкоторые офицеры и всѣ рядовые вѣрили этому, и не отдавались въ плѣнъ до послѣдней крайности, и бились насмерть въ неравномъ бою на берегу Эльбы. Ряды были прорваны, фланги обхвачены, большая часть офицеровъ перебита, переранена; непріятель тѣснилъ къ Эльбѣ; уже не рвались впередъ, но еще громкимъ *ура* отвѣчали непріятелю на слова: кричи пардонъ, лайдаку! bas les armes, messieurs; еще раздавался голосъ Фигнера: коли прямо въ морду! Особенную свирѣпость сраженію придавали человѣкъ сорокъ Испанцевъ, добровольно прибѣжавшихъ изъ лѣсу. Только неимѣвшіе хорошихъ ружей дѣйствовали штыками; прочіе, бросивши ружья, ножами распары-

вали брюха у лошадей, рѣзали ноги всадникамъ, втыкали ножи въ горла и бока упадшихъ. Jesus Maria! вопили Нѣмцы, возжами привязанные къ деревьямъ, и боявшіеся, что какая нибудь пуля заблудится въ лѣсу.

Вскорѣ послѣ сраженія, многіе изъ союзныхъ армій, приходившіе увидѣть мѣсто, гдѣ погибли партизаны, должны были замѣтить по конскимъ слѣдамъ, что партизаны, прижатые къ Эльбѣ, сражаясь пятили въ нее своихъ лошадей, что въ нѣсколькихъ мѣстахъ берегъ обрушился подъ сражающимися; здѣсь, безъ надежды одолѣть, были совершены послѣднія усилія мужества; не отъ кого было услышать о нихъ пришедшему видѣть мѣсто, гдѣ погибли партизаны; некому было засвидѣтельствовать о нихъ начальству; ихъ видѣлъ только одинъ непріятель, и давно пересталъ старый гусаръ разсказывать о нихъ при уборкѣ лошадей у коновязи. «Да гдѣ Его Высокоблагородіе? хоть бы онъ посмотрѣлъ, что мы не отдаемся живыми — воля ваша, Ваше Благородіе, силы не хватаетъ: позвольте повернуть въ рѣку . . . » говорили казаки и гусары; сперва поодиначкѣ, потомъ грудой повертывали въ рѣку; немногіе ускользнули въ лѣсъ; но Испанцы еще отмахивались окровавленными ножами, падали, вставали съ восклицаніемъ: Viva el rey Fernando septimo! но уже не прибавляли: muerto gavacho. «Да здравствуетъ императоръ Наполеонъ, да здравствуетъ ве-

ликій герцогъ Варшавскій,» кричали Нѣмцы, привязанные къ деревьямъ, думая этимъ обратить милостивое вниманіе побѣдителя и на себя и на своихъ лошадей.

Опытные изъ бросавшихся въ Эльбу ухватились за гривы лошадей и упали съ сѣделъ въ волны; многіе, разгоряченные сраженіемъ, сидя на плывущихъ лошадяхъ, еще поворачивали головы къ непріятелю и махали саблями и пиками, хотя онъ и не думалъ гнаться за ними; одни изъ обезсиленныхъ ранами навзничь ложились на конскія спины, и ломаемые судорогами, медленно опускались въ воду; другіе, скорчась отъ боли, разомъ шли на дно, и частые круги бѣжали по окровавленной рѣкѣ. Шомполы звенѣли позади плывущихъ, пули прыгали между ними, и волны краснѣли отъ свѣжей крови. Съ противнаго берега вѣтеръ приносилъ ободряющіе крики Пруссаковъ, которые на нѣсколькихъ лодкахъ отваливали отъ берега на помощь плывущимъ. Вдругъ раздался крикъ съ берега, занятаго непріятелемъ: «Москали, цо вы робите! врачайтесь, вамъ ницъ не бенде. Русскіе, что вы дѣлаете! воротитесь, вамъ ничего не будетъ.» «Воротитесь! Это генералъ Эксамитовскій кричитъ вамъ!» кто-то прибавилъ по-Русски. Прусаки на лодкахъ уже отвалили, но были по крайней мѣрѣ въ двухъ стахъ саженяхъ; стремленіе рѣки уносило въ сторону. Холодная вода захватывала дыханіе, а пули не уставали прыгать между плывущими; притомъ

многіе, потерявшіе ошадей въ сраженіи, бросились въ Эльбу пѣшими, лошади другихъ потонули отъ усталости и ранъ; по нѣскольку человѣкъ разомъ стали хвататься за сѣдла, за хвосты и даже за уши плывущихъ лошадей и тянули ихъ на дно. Генералъ Эксамптовскій громче прежняго повторилъ свое обѣщаніе. Всѣ вернулись, кромѣ немногихъ, прежде послѣдней схватки бросившихся въ Эльбу, на лошадяхъ, еще неутомленныхъ. Испанцы въ лѣсу продолжали отстрѣливаться, и еще долго были слышны ихъ выстрѣлы плѣнникамъ, шедшимъ по Дессавской дорогѣ.

Наполеонъ, извѣстясь, что Сѣверная и Силезская арміи утвердились на Саалѣ, потерялъ надежду разбить ихъ почастямъ, и угрожаемый приближеніемъ изъ Богеміи большой арміи союзниковъ, рѣшился 30-го Сентября принудить Сѣверную и Силезскую арміи къ отступленію на правый берегъ Эльбы двумя одновременными покушеніями: генералъ Ренье двинулся къ Витенбергу, чтобъ, дѣйствуя на правомъ берегу Эльбы, проникнуть къ Берлину, а маршалъ Ней къ Дессау, угрожая лѣвому флангу Сѣверной и Силезской арміи. Успѣхами партизана въ революціонную войну Ней положилъ первое начало своей славѣ; авангардъ его корпуса случайно встрѣтилъ и разбилъ въ 1809 въ тѣснинахъ Баноскихъ лучшаго Англійскаго партизана Вильсона, а 1-го Октября 1813 года одного изъ лучшихъ партизановъ Русскихъ.

Гдѣ онъ? спрашивали Французы и Поляки, обирая плѣнныхъ. Гдѣ онъ? спрашивали непріятельскіе

генералы, всматриваясь въ лица Русскихъ офицеровъ и зная Фигнера по описанію его примѣтъ. Этотъ вопросъ повторилъ маршалъ Ней, когда привели къ нему Русскихъ офицеровъ. Въ жару схватки видѣли, какъ Фигнеръ остановилъ свою лошадь передъ трупомъ своего молодаго родственника, и опуская саблю сказалъ: «я его взялъ на свои руки. Что теперь скажу его матери?» Любимый имъ вахмистръ Александрійскаго гусарскаго полка, падая отъ смертельной раны, вскричалъ: прощайте, Ваше Высокоблагородіе! Фигнеръ соскочилъ съ лошади и поцаловалъ умирающаго. Видѣли, какъ онъ, отъѣхавши въ сторону отъ сражающихся, носовымъ платкомъ перевязывалъ себѣ рану. Два плѣнныхъ офицера, съ позволенія непріятеля, обошли поле сраженія, но между убитыми и ранеными не было Фигнера. На берегу Эльбы найдена его сабля, отнятая имъ въ 1812 году у однаго Французскаго генерала; непріятельской крови не было на саблѣ. Офицеры его отряда свой жестокій плѣнъ въ Витенбергскомъ казематѣ еще услаждали надеждой, что Фигнеръ переплылъ Эльбу, ускакалъ лѣсомъ, пробился сквозь непріятеля, успѣлъ переодѣться и, опираясь на свою толстую палку, прошелъ мимо побѣдителей, но, возвратясь изъ плѣна, узнали, что Фигнеръ, какъ убитый, исключенъ изъ списковъ.

Въ Эльбѣ потонулъ молодой воинъ, котораго имя Русская армія еще помнитъ, какъ имена своихъ побѣдъ; при мысли о партизанахъ онъ представляется

вашей памяти такъ неминуемо, какъ, при воспоминаніяхъ о дѣтствѣ, образъ вашей матери. Не честолюбіе молодаго офицера, не склонность слѣдовать примѣру большей части привели его на войну, но одно изъ тѣхъ неодолимыхъ чувствъ, которыя захватываютъ всю душу и на много лѣтъ не даютъ въ ней мѣста никакому другому чувству. Измѣренный Фигнеромъ ровъ Рущука, его пребываніе у Раппа въ Данцигѣ; его почти ежедневное переодѣваніе, чтобы прокрасться къ непріятелю; его страсть пострѣляться, порубиться съ нимъ одинъ на одинъ, особливо попытать сабли о длинный палашъ латника, свидѣтельствуютъ, что Фигнера томила жажда предпріятій, сопряженныхъ съ опасностію жизни, и что эта жажда отъ безпрерывныхъ успѣховъ возросла до того, что подобныя предпріятія стали для него наслажденіемъ, необходимымъ для существованія; онъ походилъ на отчаяннаго игрока, который съ каждой удачей удвоиваетъ ставку, пока счастіе не измѣнитъ ему. Пробѣгая въ мысляхъ тѣ опасности, которымъ онъ подвергался то случайно, то по доброй волѣ, удивляясь счастію, постоянно выводившему его изъ опасностей, кажется, видишь въ Фигнерѣ однаго изъ тѣхъ героевъ, которыхъ баснословную исторію сохранили древнія хроники, не забывшія въ оправданіе басней сказать о каждомъ героѣ, что онъ владѣлъ талисманомъ, хранившимъ его дни. Сидѣлъ ли Фигнеръ переодѣтый на Французскомъ бивакѣ, гдѣ ежеминутно долженъ опасаться, что его узнаютъ и разстрѣляютъ;

нюхалъ ли дымъ гранаты, вертящейся у ногъ его лошади; смотрѣлъ ли въ лице Француза, падающаго въ какомъ нибудь глухомъ мѣстѣ отъ его духоваго ружья: безстрастное лице его походило на стертый временемъ, ничего непоказывающій, часовой циферблатъ; ни взглядомъ, ни движеніемъ не давалъ знать, что это презрѣніе и къ своей и къ чужой жизни стоитъ ему какаго либо усилія надъ самимъ собою. Фигнеръ сознавался, что, можетъ быть, ему не пришло бъ въ голову быть партизаномъ, если бъ не примѣръ Давыдова [9]. «Сеславинъ достойнѣе меня; на Сеславинѣ нѣтъ столько крови [10]:» говаривалъ онъ, сколупывая ногтемъ кровь съ мундира. Знавшіе Фигнера согласятся, что, погибая въ Эльбѣ, онъ утѣшался мыслію, что Французы не будутъ всматриваться въ его лице, измѣрять глазами его ростъ, сличая лице и ростъ съ описаніемъ его примѣтъ, чтобы, узнавши въ плѣнникѣ знаменитаго партизана, отмстить ему насмѣшками за страхъ, имъ наведенный на нихъ, обидами за погубленіе нѣсколькихъ тысячь Французовъ. Можно рѣшительно сказать, что ни одинъ Русскій солдатъ не убилъ такаго числа Французовъ, какое легло отъ духоваго ружья Фигнерова, и Французы не насладились удовольствіемъ видѣть, какъ борьба со смертію сглаживала съ Фигнерова лица послѣдніе признаки ненависти къ нимъ, пламенной, неумолимой, какъ ненависть къ нимъ Эмпесинадо, горѣвшей полнымъ огнемъ въ глазахъ Фигнера, дергавшей его губы не въ пылу сраженія, когда онъ принималъ и наносилъ удары, но

когда къ Бугскимъ казакамъ своего отряда онъ, переодѣтый, приводилъ обманутыхъ имъ Французовъ, когда поднималъ свое духовое ружье на безоружнаго Француза.

Удивительно бы было, если бъ не погибъ на войнѣ онъ, любившій войну для войны, ежедневно игравшій своей жизнію, какъ маленькія дѣти игрушкой, пока ея не изломаютъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Почти каждый день, каждую ночь Фигнеръ переодѣвался, то крестьяниномъ, то городскимъ жителемъ, и рѣдко забывая накласть въ карманы дѣтскихъ игрушекъ и лакомствъ *, бралъ толстую палку, которую надобно было долго разсматривать, чтобы догадаться, что она духовое ружье, и отправлялся за передовыя цѣпи своего отряда; это называлъ онъ своимъ *странствіемъ*. Избѣгая быть обличеннымъ въ шпіонствѣ, онъ, пробравшися къ непріятелю, постоянно держался правила казаться однимъ изъ окрестныхъ жителей: въ лѣсу дровосѣкомъ или охотникомъ, въ полѣ по большой части крестьяниномъ,

* Въ исторіи партизановъ будетъ разсказано нѣсколько примѣровъ, доказывающихъ, какія важныя извѣстія о непріятелѣ можно получить посредствомъ дѣтей.

идущимъ на полевую работу, или несущимъ съѣстные припасы на продажу; обыкновенно упрашивалъ Французовъ купить у него припасы, и тѣмъ избавить бѣднаго крестьянина отъ ходьбы въ городъ; торговался съ однимъ, съ другимъ, и до тѣхъ поръ не сходился въ цѣнѣ, пока его глазамъ уже нечего было дѣлать между Французами. Въ щегольскомъ охотничьемъ платьѣ, съ ружьемъ за плечами, съ дичью въ якташѣ, разшаркивался передъ Французскими офицерами, мастерски ломая Французскій языкъ на Нѣмецкій ладъ, сказывался однимъ изъ окрестныхъ владѣльцевъ; дарилъ ихъ дичью, жаловался, что боль въ ногѣ, отъ которой онъ носилъ палку, помѣшала ему настрѣлять больше; пилъ за здоровье Наполеона; гнулъ карты на пропалую; мимоходомъ проговаривался о своемъ погребѣ съ старымъ рейнвейномъ, о своей кухнѣ съ весьма молоденькой кухаркой, и наконецъ приглашалъ Французовъ въ свой домъ, который чуть не въ двухъ шагахъ, и былъ бы видѣнъ весь, какъ на ладони, если бъ не тотъ лѣсъ, не этотъ холмъ; но Французамъ, принявшимъ его приглашеніе, не здоровилось отъ его погреба съ старымъ рейнвейномъ и его кухни съ весьма молоденькой кухаркой. — Однажды, переодѣтому Фигнеру нужно было узнать силу прикрытія непріятельскаго обоза, расположившагося среди поля на ночлегъ, но часовые не пропустили Фигнера. Ночь была холодна, лѣсъ не близко, и Французы грѣлись кое-какъ. Фигнеръ досталъ топоръ, сходилъ въ лѣсъ, и, сгорбясь подъ вязанкой дровъ и опираясь на свою

толстую палку, побрелъ мимо обоза. Французы не замедлили напасть на его вязанку; онъ съ бранью бросилъ дрова въ ноги Французамъ, и какъ человѣкъ, выведенный изъ себя сдѣланной ему обидой, схватилъ себя за волосы, и крича: Herr Oberstеrwachtmeister! Herr Feldmarchal! встрѣчнымъ и поперечнымъ приносилъ жалобу на обидчиковъ; не находя суда, грозилъ, что будетъ жаловаться императору Наполеону, самому г. амтману. Провожаемый хохотомъ и толчками Французовъ, пробѣжалъ по биваќу прикрытія, и уходя еще остановился, поднималъ палку и грозилъ Французамъ императоромъ Наполеономъ, самимъ г. амтманомъ. «Bon jour, mein herr! Couvrez-vous, monsieur!» говорили Французскіе офицеры Нѣмцу съ толстой палкой, стоящему у конца моста, чрезъ который проходила Французская колонна, снимающему шляпу передъ каждымъ офицеромъ, и предлагающему свою табакерку солдатамъ. Колонна прошла; но Нѣмецъ съ толстой палкой до тѣхъ поръ стоялъ на концѣ моста, пока не увидѣлъ, на которую изъ дорогъ, лежащихъ за рѣкой, повернула колонна. «Смотрите, господа, Нѣмецъ вскарабкался на утесъ, чтобъ Французская армія поучилась у него чинить худой сапогъ» кричали Французы, указывая другъ другу на Нѣмца, который, сидя на Эльбскомъ утесѣ и держа на колѣнахъ толстую палку, ухитрялся прикрѣпить къ скинутому сапогу оторванную подошву, и, казалось, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на Французскія колонны, идущія мимо утеса. Но когда онѣ миновали

утесъ, Нѣмецъ съ толстой палкой, для лучшаго удержанія въ памяти, шепталъ про себя сколько баталіоновъ, эскадроновъ и пушекъ было въ колоннахъ. Чаще всего переодѣтый Фигнеръ вызывался Французамъ въ проводники, особливо, когда они шли для соединенія съ той частію Французскихъ войскъ, которыхъ число и расположеніе Фигнеру нужно было знать. Притомъ генералы, офицеры, на походѣ при проводникѣ, отвѣчающемъ на всѣ вопросы: Non, gnädigster monsieur, могли разговориться о такихъ предметахъ, за знаніе которыхъ, часто невѣрное, дорого платится шпіонамъ. Однажды сильный отрядъ Виртембергской кавалеріи, съ пушками, пробираясь проселочными дорогами къ Мейсену, шелъ прямо на рощу, за которой былъ скрытъ отрядъ Фигнера; могло завязаться сраженіе, и Виртембергскія пушки рѣшили бы его не въ пользу партизановъ. Но къ счастію начальникъ Виртембергцевъ плохо зналъ мѣстность, и переодѣтому Фигнеру удалось его увѣрить, что за рощей дорога сдѣлается почти непроходимою для артиллеріи. Обманутые Виртембергцы повернули на дорогу, указанную Фигнеромъ. Впрочемъ онъ находилъ большое удовольствіе и тогда обманывать непріятелей, указывая имъ дорогу не туда, куда они спрашивали, когда въ обманѣ не было ни малѣйшей пользы. Почти каждый разъ, возвращаясь изъ своего странствія, приводилъ къ отряду ввѣрившихся ложному проводнику непріятельскихъ офицеровъ, лекарей, даже фурлейтовъ, чаще же всего мародеровъ: Француза съ

картофелемъ въ карманахъ и съ награбленными деньгами въ кошелькѣ, Русскаго съ глазами полузаплывшими отъ дароваго пива, съ кусками зеркала и ваксой въ карманѣ, съ пазухой оттопырившейся отъ награбленныхъ наволочекъ, полотенецъ.

2. До пяти тысячь Испанцевъ, неуспѣвшихъ въ 1808-мъ году уйти изъ Даніи съ маркизомъ Романо, остались во Французской службѣ. Полки, составленные изъ нихъ, комплектовались Испанцами, наскучившими плѣномъ во Франціи. Около трехъ тысячь изъ нихъ перебѣжали къ намъ въ 1812 году, и были изъ Кронштата на Англійскихъ корабляхъ отправлены въ Испанію. Изъ остальныхъ около двухъ сотъ пятидесяти человѣкъ, большею частію артиллерійстовъ, въ томъ числѣ тридцать Португальцевъ, перебѣжали къ намъ въ 1813 во время перемирія. Фигнеръ въ Силезскомъ Олау сформировалъ изъ нихъ двѣ роты, составлявшія пѣхоту его отряда.

3. Gavacho ругательное прозвище, которое Испанцы давали Французамъ и другимъ войскамъ Наполеоновой арміи. На разстояніи одной сигарки, у Испанцевъ означаетъ такую близость предмета, что до него можно достигнуть выкуривъ одну сигарку. Въ насмѣшку Испанцы называли Бонапарта Малапартомъ.

4 и 5. Двѣ необходимыя предосторожности въ непріятельской землѣ, чтобъ непріятель отъ жителей

тѣхъ деревень, подлѣ которыхъ расположились партизаны, и отъ крестьянъ, взятыхъ съ подводами, не провѣдалъ о мѣстѣ ночлега и отдыха партизановъ, для которыхъ часы ночлега и отдыха всегда сопряжены съ опасностію; въ то время передовые посты задерживали всѣхъ идущихъ и ѣдущихъ, которые вмѣстѣ съ крестьянами, взятыми при подводахъ, оставались подъ стражею, пока безопасность отряда требовала этаго. Впрочемъ по большой части забирали подводы безъ крестьянъ; брали же ихъ иногда только для того, чтобы избавиться отъ крика, вопля, съ которыми они, боясь потерять лошадей и телеги, бѣжали за отрядомъ, не зная, какой опасности подвергаетъ ихъ вымоленное у партизановъ позволеніе остаться при подводахъ. Не разъ ихъ постигала одна участь съ плѣнными.

6. Испанцы въ сраженіяхъ рѣдко просили пощады, и никогда ея не давали. Послѣ сраженія прикалывали раненыхъ, чаще прирѣзывали ножами, крича при каждомъ ударѣ: muerto gavacho! muerto perros! смерть Французу! смерть собакѣ! Испанскому muerto наши солдаты дали Русское окончаніе и говорили: мусьи Шпанцы муертуютъ. Рѣдко удавалось отогнать Испанцевъ отъ раненаго, отнять у него плѣннаго; штыкомъ, ножемъ готовы были защищать свою добычу, обреченную ими смерти. Часто случалось, что казакъ, гусаръ переставалъ обирать плѣннаго, когда прибѣгали Испанцы съ своимъ вѣчнымъ muerto. Со-

вершивъ убійство, оставляли деньги и вещи убитаго тому, кому они принадлежали по правамъ войны.

7. Съ этимъ восклицаніемъ Испанцы бросались на непріятеля, наливали стаканъ вина, встрѣчали начальниковъ и умирали отъ ранъ; только стоило подойти къ нимъ на походѣ, на бивакѣ, и вскрикнуть: viva el rey Fernando septimo! они повторяли, и ничѣмъ такъ не могли Русскіе поддѣлаться къ Испанцамъ, хотя при этомъ такъ ломали Испанскія слова, что Фердинандъ VII врядъ ли бы узналъ между ними свое имя. Никто не осмѣливался пошутить надъ любимымъ восклицаніемъ Испанцевъ, иначе долженъ былъ скорѣй бѣжать отъ нихъ или хвататься за оружіе. Разъ двое офицеровъ, которыхъ Фигнеръ называлъ тридцатисемилѣтними (потому что имъ обоимъ вмѣстѣ было тридцать семь лѣтъ), подошли къ толпѣ Испанцевъ, собравшейся рѣзать корову; молодые офицеры отъ нечего дѣлать спросили ихъ, какъ по-Испански корова, и вскричали по-Испански: да здравствуетъ король Фердинандъ VII! смерть коровѣ! Одинъ изъ офицеровъ еще живъ и долженъ признаться, что въ то время онъ не бѣгивалъ такъ проворно по слѣдамъ хорошенькихъ Нѣмочекъ, какъ бѣжалъ отъ Испанцевъ, погнавшихся за нимъ съ ножами. Разъ двумъ Испанцамъ было приказано, притаясь за плетнемъ, наблюдать Французскій пикетъ, стоявшій отъ плетня саженяхъ въ тридцати. Испанцы ничкомъ подползли къ плетню и лежа, сквозь плетень, смотрѣ-

ли на Французовъ; вдругъ знаками дали знать партизанамъ, что пикетъ становится подъ ружье, что такой-то главный начальникъ подъѣзжаетъ къ пикету. (Это, помнится, былъ родственникъ Наполеона, герцогъ Падуанскій). Пикетъ встрѣтилъ его восклицаніемъ: vive l'empereur! Испанцы не вытерпѣли, поднялись изъ-за плетня и вскрикнули: да здравствуетъ Фердинандъ VII! смерть Бонапарту! Французы осыпали ихъ пулями и погнались за ними. Испанцы бѣжали, отстрѣливались и повторяли: да здравствуетъ Фердинандъ VII! смерть Бонапарту! Наши солдаты говорили: «Шпанцы дерутся не хуже Русскаго, но «Шпанское ура хуже Русскаго, оно годится не въ «сраженіи, а на смотрахъ, потому что не короче на«шего *здравія желаемъ, Ваше Высокоблагородіе!*» они думали, что любимое восклицаніе Испанцевъ значитъ по-Русски ура.

8. Испанцы почитали ножъ почти также необходимымъ въ сраженіяхъ, какъ пику, или ружье съ примкнутымъ штыкомъ. Въ двухъ Испанскихъ ротахъ только у пяти-шести человѣкъ были ножи, принесенные ими изъ Испаніи, длинные, острые какъ бритвы; прочіе довольствовались ножами по большой части отнятыми или украденными у Нѣмецкихъ кухарокъ; многіе имѣли по два: одинъ за пазухой, другой въ сапогѣ. Почти на каждомъ ночлегѣ можно было видѣть нѣсколькихъ Испанцевъ до крупнаго пота оттачивающихъ свои ножи; недоставшій повар-

скаго не жалѣлъ ни рукъ, ни времени, ухитряясь съ помощію оселка сдѣлать изъ столоваго ножа что-то похожее на кинжалъ. И въ голодъ, бывало, Испанецъ сперва нѣсколько разъ подумаетъ, а потомъ уже рѣшится своимъ ножемъ отрѣзать себѣ хлѣба или мяса. Угрюмое non, caballero! или ругательное carajo были отвѣтомъ Русскому, попросившему ножа со всею бивачною учтивостію. Въ частыхъ ссорахъ за съѣстные припасы, за дрова, за кошельки Французовъ, казакъ, гусаръ тотчасъ уступалъ Испанцу, опускавшему руку за пазуху или за сапогъ.

9. У войны, какъ у поэзіи, есть свои вдохновенія, столь же внезапныя, столь же высокія; вѣрится, что въ одно изъ тѣхъ вдохновеній Давыдова посѣтила мысль о выгодахъ войны партизанской. Онъ первый началъ ее и первый своими поисками доказалъ ея выгоды. Возмужавши въ Русскихъ авангардахъ, онъ до позднихъ лѣтъ не измѣнилъ склонностямъ своей ранней молодости; при заревахъ Москвы, въ промежутки партизанскихъ схватокъ, оплакивалъ любовь въ стихахъ пламенныхъ какъ его конь, пущенный на непріятеля; на послѣднія войны, веденныя Россіей, онъ спѣшилъ какъ нѣкогда на гусарскіе пиры, и сражался достойнымъ представителемъ того поколѣнія Русскихъ воиновъ, которое уже почти все выбыло изъ полковъ, и большею частію лежитъ подъ Финляндскими мхами, подъ ковылемъ за Дунаемъ, и кругомъ дороги отъ Малаго Ярославца до Парижа.

Не о любви, но объ этомъ поколѣніи грустилъ Давыдовъ, уже съ бѣлымъ клочкомъ на лбу, въ стихахъ прекрасныхъ какъ луна, тогда плывшая надъ партизаномъ-поэтомъ и Араратомъ. Его стихи, то списанные, то затверженные наизусть, переходили изъ полка въ полкъ; его острыя слова изъ гусарскихъ куреней перешли въ Русскія столицы, и вмѣстѣ съ его стихами еще повторяются новымъ поколѣніемъ воиновъ, при штурмѣ Варшавскомъ впервые отвѣдавшимъ боя.

10. Партизанъ Сеславинъ сражался въ окрестностяхъ Москвы и день и ночь, какъ будто у его сабли не было ноженъ; его ноги знали землю только въ то время, когда онъ перемѣнялъ уставшаго коня. Далекій путь отъ Ѳоминскаго въ глубь Франціи Сеславинъ прошелъ съ такой же честію, съ какой совершило этотъ путь знамя храбрѣйшаго изъ Русскихъ полковъ: древко надрублено саблями, гербъ проколотъ штыкомъ; но прикосновеніе непріятельскихъ пальцевъ не осквернило ни древка, ни герба.

Николай Невѣдомскій.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

ДВА СТУДЕНТА.

Посвящено К---ъ.

Vivat academia!

Студентская пѣсня.

I.

«Уфъ... уфъ.... уфъ! Экая тяжелая вата... Экая несносная шаль. Нѣтъ мочи держать. Уфъ... Куда счастлива эта Марихенъ! У нея только баринъ да барыня—и то еще худенькіе, и простуды не боятся... А вотъ у меня, моя совѣтница, кажется, вѣдь толста порядкомъ и слава Богу здорова... а все холода боится.... И салопъ у нея, и два платочка, и шаль изъ козьяго пуха, да 6 дочерей, 6 здоровыхъ mamselles. Прошу покорно держать всѣ эти платки да салопы. Силъ никакихъ не станетъ. Уфъ... уфъ... Лотхенъ, слышала ты, что аптекарша Гроссенкопфъ согнала Юльхенъ со двора?» Будто! а за что?—«Ну такъ...

Ты понимаешь?..»—Нѣтъ.—«Ей, видишь, показалось, что г. Гроссенкопфъ слишкомъ часто просилъ нашу Юльхенъ скатывать пилюли... Вотъ аптекарша ее и выгнала.»—Ахъ, какъ можно, фуй!—Лотхенъ улыбнулась съ видомъ грозной добродѣтели. «Уфъ... уфъ!... Второй часъ... А завтра у насъ обѣдаетъ пасторъ и кирхшпильсрихтеръ. Едва-едва успѣю изготовить офенгрицъ да телятины къ обѣду, да печки вытопить, да бѣлье приготовить, да комнаты вымести, да за водой сбѣгать, да господъ своихъ одѣть. Право, пора бы кончиться этому балу.»

И такъ нынче балъ.

И подлинно, вездѣ замѣтна какая-то торжественность. У крыльца стоитъ фантастическій рыдванъ на полозьяхъ, и большія пошевныя сани въ одну лошадку. Надъ прямою лѣстницей, выкрашенной коришневой краской, виситъ нѣчто склѣенное изъ бумаги и стекла, дающее темное понятіе о фигурѣ фонаря, а еще темнѣйшее о его употребленіи. Въ передней разставлена съ симетрическою акуратностію цѣлая шеренга калошъ, большихъ и малыхъ. На мѣстахъ почетныхъ стоятъ, какъ водится въ образованномъ свѣтѣ, калоши людей значительныхъ. Прочія скромно укрываются въ уголкахъ. Надъ калошами же отъ времени до времени раздаются шепотомъ усталые упреки служанокъ, обремененныхъ тяжестью салоповъ своихъ мадамъ. Сколько ихъ тутъ: Амальхенъ, Каро-

линхенъ, Марихенъ, Лотхенъ, die dicke, die schwarze и т. п. Онѣ не то, чтобы Нѣмки, и не то, чтобы Чухонки, но разряжены всѣ въ коленкоровые кафтаны на заячьемъ мѣху, и съ платками на головахъ. Все это освѣщается двумя сальными огарками, и то отъ того, что нынче балъ.

Но не пора ли отпереть двери въ бальную залу и поискать кого нибудь для повѣсти? Вы уже поняли, что все это чепуховатое предисловіе клонилось только къ тому, чтобы какъ нибудь позамысловатѣе сказать вамъ, какъ въ одинъ зимній вечеръ, въ комнатѣ, названной клубомъ, жители Нѣмецкаго городка важно собрались для бала.

Съѣхались и помѣщики изъ окрестности и должностные чиновники, Нѣмецкіе студенты и молодые корнеты, прилетѣвшіе изъ полка обнять стараго отца, поплясать съ кузинами и набраться воспоминаніями на цѣлый годъ.

И такъ балъ хоть куда.

Много странныхъ лицъ, много дѣвушекъ въ красныхъ башмакахъ. Много старомодной рухляди и фраковъ съ произвольнымъ покроемъ. Но всѣмъ весело, а улыбка удовольствія украшаетъ самое безнадежное лице, самую антифашіонабельную фигуру. Комната четвероугольная, небольшая, освѣщенная четырьмя лампами; въ углу гудятъ на скрипкахъ бу-

лошникъ съ своимъ подмастерьемъ. На канапе важно сидитъ, подъ уединеннымъ зеркальцемъ, толстая совѣтница въ чепчикѣ съ огненными лентами, а въ рукахъ у нея огромный бархатный ридикюль, хранящій два яблока подъ стальнымъ замкомъ. Рядомъ съ нею сидитъ еще нѣсколько старушекъ, весьма просто одѣтыхъ.

Царицею бала почтмейстерша, недавно вышедшая замужъ, одѣтая въ платьѣ и чепчикѣ, нарочно выписанныхъ изъ столицы. Блонды роскошно увиваются около ея лица и плечъ, а счастливый почтмейстеръ, сидя за гривеннымъ вистомъ въ сосѣдней комнатѣ, уже сдѣлалъ два ренонса, хотя вѣроятно вспоминаетъ онъ не о письмахъ.

Много розовыхъ платьевъ, и красныхъ, и голубыхъ. Много бѣлокурыхъ кудрей, много Германскихъ глазокъ. Но вотъ мелькнула передо мной дѣвушка съ свѣтлой улыбкой, и взоръ жадно за нею бѣжитъ. Простое бѣлое платье безъ модныхъ вычуръ обхватываетъ ея станъ. Волосы темно-бѣлокурые небрежно падаютъ на снѣжныя плеча, а глаза ея, глаза темно-сафирные, большіе, огненные, съ младенческой простотой устремляются на стройнаго высокаго студента. Съ почтительнымъ вниманіемъ слушаетъ студентъ ея простые разсказы о покойномъ батюшкѣ, бывшемъ тридцать лѣтъ учителемъ въ училищѣ, и о маленькомъ ея хозяйствѣ; слова ея просты, непринуж-

денны, нежеманны. Дома она счастлива. На балѣ ей весело. Студентъ страстно упивается ея рѣчами, ея дыханіемъ, ея взоромъ, и молодое сердце сильно бьется въ молодой груди.

Но танецъ оканчивается. Уѣздные франты окружаютъ дочь покойнаго учителя и, шаркнувъ передъ нею, приглашаютъ на будущій *франсезъ*.

Нечего дѣлать. Студентъ отошелъ, прислонился къ стѣнкѣ, и задумчиво сталъ перебирать танцующихъ; но ни блонды почтмейстерши, ни здоровыя прелести дочерей совѣтницы не могли остановить его вниманія. Какой-то неодолимый магнитъ устремилъ его взоры на бѣлое платье, на темные локоны. Воображеніе его разгаралось. Какое-то торжественное чувство вдругъ обняло его душу. Ему показалось, что все кругомъ исчезло, что все сокрушилось вокругъ него, и что на обломкахъ цѣлаго этаго міра, сквозь прозрачную пелену, улыбалось ему очаровательное явленіе, и что оно вливало въ него горячее упованіе, и что оно осѣняло его небесною благодатью.

Ударъ по плечу перервалъ его молчаніе. «Hörmal, lieber Kerl, ist das deine Peussade???» *

Подлѣ него стоялъ другой студентъ съ огромными бакенбардами, красноватымъ лицемъ и веселою улыбкой. Дружески потрепалъ онъ товарища по плечу и

* Студентское выраженіе, означающее волокитство.

повторилъ свой нескромный вопросъ: Poussirst du dich bei Emilie?...

Студентская проза, какъ холодная вода, плеснула на разгоряченнаго мечтателя. Онъ отрицательно улыбнулся, схватилъ свою фуражку и пошелъ домой.

А Эмилія стояла въ уголкѣ и краснѣя слушала отъ подругъ похвальную перестрѣлку въ честь вышедшаго кавалера.

Ach, liebichen, liebichen! Was für ein schöner Russe, und wie tanzt er elegant! . . . .
. . . . , ...

Но третій часъ. Продажные въ уголку бутерброты всѣ уже расхищены и поднесены услужливыми танцорами запыхавшимся дамамъ. Совѣтница встала съ своего мѣста, и, вынувъ изъ ридикюля два клубенъ-маркта *, заплатила буфетчику за 32 бутерброта, скушанные дочками. Служанки начали надѣвать салопы и натягивать теплые башмаки своимъ барынямъ. Калоши разъѣхались въ разныя стороны и повезли своихъ владѣльцевъ по домамъ.

И Эмилія, окутавъ свое личико большимъ платкомъ, пошла за матушкой по улицѣ, задумчиво и тихо. И все было пусто уже въ Нѣмецкомъ городкѣ. Только Эмиліи показалось, что на перекресткѣ и

* Коженая монета.

вдоль домовъ мелькала высокая тѣнь въ студентскомъ плащѣ.

II.

Что можетъ быть очаровательно-глупѣе тихой жизни Нѣмецкаго городка? Нѣтъ въ немъ высокопарной политики, нѣтъ золотыхъ тросточекъ, нѣтъ низкой зависти, нѣтъ модныхъ романсовъ, нѣтъ плоскихъ рукавовъ и разговоровъ, нѣтъ мужей извѣстныхъ по женамъ, нѣтъ записныхъ красавицъ, нѣтъ концертныхъ билетовъ, нѣтъ бенефисовъ, нѣтъ несносныхъ друзей, убійственныхъ обѣдовъ, душныхъ раутовъ и дурныхъ актеровъ. Въ Нѣмецкомъ городкѣ все первобытно и патріархально. Кто въ немъ родится, тотъ въ немъ и умретъ. А между рожденіемъ и смертію женится только на сосѣдкѣ.

Въ Нѣмецкомъ городкѣ бываетъ только три рода необыкновенныхъ происшествій: крестины съ конфектами и люнелемъ, свадьбы съ ужиномъ и шампанскимъ, похороны съ перчатками и лимономъ. Европейскія тревоги до него не касаются; развѣ иногда аптекарь, или судья прочтутъ Берлинскую газету и надѣлятъ знакомыхъ политическимъ запасомъ. Но за то разсмотрите хорошенько правила Нѣмецкихъ горожанъ. Каждый изъ нихъ понялъ свое значеніе, и заботится только о томъ, какъ бы выполнить его точнѣе и добросовѣстнѣе. Каждый твердо увѣренъ, что хотя онъ приноситъ пользу омеопа-

тическую, но что онъ все-таки полезнѣе многихъ абонентовъ всѣхъ Европейскихъ журналовъ. Каждый знаетъ, что много есть людей, готовыхъ сдѣлать крышку на зданіе, но что мало согласятся приносить по кирпичику для сооруженія его. Нѣмецъ знаетъ это хорошо — и гордо куритъ свою трубку въ своемъ уголкѣ. Нѣмецъ знаетъ, что жена его вѣрна, знаетъ, что дѣти его ходятъ въ церковь, знаетъ, что онъ не бралъ взятокъ, что онъ не притѣснялъ бѣдныхъ, что совѣсть его чиста. Нѣмецъ все это знаетъ—и гордо куритъ трубку въ своемъ уголкѣ.

Такъ недальновидно и честно прожилъ свой вѣкъ отецъ Эмиліи. Не заглядывая въ чужія дѣла, съ педантическою акуратностью всю жизнь просидѣлъ онъ на маленькой каѳедрѣ передъ толпою ребятишекъ. Тридцать лѣтъ сряду склонялъ онъ rosa и спрягалъ amo, и ни разу это занятіе ему не наскучило, хотя онъ и былъ глубокимъ филологомъ. Однажды только каѳедра его осталась пуста. Опечаленныя дѣти съ плачемъ разошлись по домамъ. Они догадались, что добрый ихъ учитель умеръ.

Послѣ него осталась вдова, вдова неутѣшная, которая понимала жизнь одинаково съ мужемъ. Для нея тѣсный домикъ былъ вселенною. Въ немъ средоточились всѣ ея занятія, всѣ заботы, вся любовь, вся жизнь ея. Когда учитель, усталый отъ шума ребятишекъ, приходилъ къ себѣ домой, его встрѣчали

улыбка хозяйки, поцалуй дочери, набитая трубка, любимое кушанье и старый халатъ. Сколько было мелочныхъ удовольствій и истиннаго счастія! Сколько душевнаго удовольствія и высокихъ мыслей было въ хатѣ бѣднаго Латиниста!

Не смотря на скудное свое состояніе, онъ почиталъ себя совершенно счастливымъ, и часто благословлялъ Провидѣніе за мирную свою жизнь, за ненаглядную свою дочь. Лучшимъ его отдохновеніемъ было воспитаніе Эмиліи. Съ гордостію слѣдилъ онъ за порывами души юной и благородной, и направлялъ ихъ къ цѣли высокой. Онъ не говорилъ ей о возможности порока, о грязи нашего существованія, объ обманахъ свѣта, о холодномъ сомнѣніи, объ отчаяніи и бурныхъ страстяхъ. Съ такимъ незнаніемъ жизни, съ такой невинностью мыслей Эмилія была конфирмована. Чистая, непорочная, предстала она передъ алтаремъ, и глядя на нее, старый учитель заплакалъ въ первый разъ въ своей жизни. Но недолго оставалось ему радоваться. Каѳедра опустѣла; онъ умеръ спокойно, оставивъ по себѣ память добраго человѣка.

Его смерть была сильнымъ потрясеніемъ для младенческой души бѣдной дѣвушки. Не стало ея наставника, не стало друга и товарища ея игръ. Все въ домѣ опустѣло и сдѣлалось мрачно. Вдова забыла свое хозяйство — и неподвижно сидѣла по цѣлымъ часамъ, не вставая съ своего мѣста.

Что можетъ быть грустнѣе комнаты умершаго человѣка! Всѣ принадлежности его живо говорятъ о немъ, и какъ будто ждутъ еще кого-то. Въ уголку уныло стоитъ недокуренная трубка. Тамъ открытая книга, тамъ недоконченное письмо. А кругомъ всего вѣетъ еще что-то таинственное, какъ будто духъ покойника, захотѣвшаго въ послѣдній разъ проститься съ своею земною обителью.

Промчался годъ. Эмилія сняла плёрезы и черное платье. Вдова учителя не забыла, что на ней лежала еще важная обязанность—устройство будущей судьбы ея дочери; она не забыла, что говорилъ ей умирающій мужъ на смертномъ одрѣ, и съ материнскимъ попеченіемъ разсматривала уѣздныхъ щеголей и студентовъ, которые стали увиваться около Эмиліи.

Болѣе всѣхъ нравился старушкѣ дальній ихъ родственникъ, Эдуардъ, бывшій ученикъ покойнаго ея мужа, и посвятившій себя медицинѣ, которой онъ обучался въ *** университетѣ. На праздники пріѣзжалъ онъ къ родителямъ своимъ, жившимъ въ одномъ городкѣ съ Эмиліею. Но будучи застѣнчивъ, трудолюбивъ и неловокъ въ обществѣ, не посѣщалъ онъ никакихъ собраній, и вотъ почему мы не видали его на балѣ, которымъ я началъ свою повѣсть.

Но за то на этомъ балѣ много было удалыхъ студентовъ, привлеченныхъ магнитомъ бала, пріѣхавшихъ съ твердымъ намѣреніемъ плясать доупаду и

веселиться донельзя. Весело разбѣжались они по домамъ; одинъ только Русскій студентъ возвратился задумчивъ и смущенъ.

Онъ понялъ въ этотъ вечеръ, что въ одномъ существѣ можетъ соединиться простота душевная съ умомъ образованнымъ, скромность невинности съ обворожительной красотой. Все, что онъ слышалъ, было такъ исполнено неподдѣльнымъ чувствомъ, и такъ непринужденно, такъ просто. И со всѣмъ тѣмъ она была такъ хороша, такъ неиспорчена прикосновеніемъ столичнымъ, такъ чужда причудамъ большаго свѣта, что бѣдный студентъ побѣжалъ въ горячкѣ домой.

III.

Онъ жилъ съ Эдуардомъ.

Опершись локтемъ на столъ, молодой человѣкъ внимательно читалъ толстую, лежавшую передъ нимъ книгу, тускло освѣщенную дрожащимъ отблескомъ догарающей свѣчки. На лицѣ его было начертано, что онъ постигалъ все величіе своей науки. Глаза его горѣли, а на устахъ его изображалась улыбка душевнаго удовольствія.

Какъ Эмилія, онъ родился въ маленькомъ городкѣ, и провелъ свое ребячество безъ заморскихъ гувернёровъ. Съ утра бѣжалъ онъ съ тетрадкою подъ

мышкой въ училище, гдѣ отецъ Эмиліи внушалъ ему правила Латинской граматики и строгой добродѣтели.

Онъ былъ живымъ идеаломъ, разительнымъ отпечаткомъ Германскаго юноши: мечтательный, глубокомысленный, трудолюбивый, застѣнчивый, съ чистыми и свѣтлыми надеждами. Въ неиспорченной душѣ его младенческія чувства сливались съ глубокими мыслями, съ умомъ испытующимъ. Приготовленіе къ докторскому экзамену постоянно приковывало его къ строгимъ занятіямъ; но среди этихъ занятій нерѣдко мелькалъ передъ нимъ дѣвственный образъ Эмиліи, какъ вѣнецъ его трудовъ и желаній. Съ нею хотѣлъ онъ пройти безмятежный путь жизни. Въ ней нашелъ онъ свой идеалъ, свое созвучное сердце, свою сестрину душу. Впрочемъ не порывы сокрушительной страсти терзали его грудь: любовь его была чиста, немучительна, немногорѣчива. Она глубоко впала въ грудь молодаго человѣка, но впала какъ искра съ неба, а не такъ, какъ пламень земнаго чувства.

Таковъ былъ Эдуардъ.

Свѣчка его догарала. Онъ закрылъ книгу и увидѣлъ стоящаго передъ нимъ товарища. Ну, что, Викторъ, спросилъ онъ весело, съ кѣмъ поплясалъ, въ кого влюбился? Каковы наши дамы? Викторъ не

отвѣчалъ ни слова. Голова его горѣла. Сердце сильно билось, и что-то странное оживляло его глаза. Долго ходилъ онъ по комнатѣ, отрывисто отвѣчая на вопросы товарища.

Эдуардъ покачалъ головою, улыбнулся значительно, легъ на постель и заснулъ, какъ засыпаютъ всѣ студенты послѣ пятнадцати часовъ труда.

Викторъ долго ходилъ по комнатѣ, наконецъ схватилъ перо и сталъ писать.

«Къ тебѣ, въ Петербургъ, въ столицу моды, роскоши и чванства, къ тебѣ, мой свѣтскій другъ, хочу набросить нѣсколько строкъ. Я знаю тебя: ты прочтешь ихъ съ участіемъ; ты даже поймешь ихъ, потому что и твой духъ, можетъ быть, метался въ золотой твоей клѣткѣ, потому что и ты понималъ когда-то, что есть жизнь безъ Невскаго проспекта, безъ Дворянскаго собранія, безъ маскерадовъ и танцевальныхъ вечеровъ. Рожденные оба въ кругу аристократическомъ, мы пошли разными путями. Ты натянулъ на шею модный галстухъ, ты сжалъ сердце свое въ шелковый жилетъ, и пошелъ, не спрашивая у судьбы, зачѣмъ она того хотѣла, по паркетамъ и по коврамъ. Тебя жизнь не обременяла догадками. Ты все принялъ безусловно, и надѣлъ на себя охотно цѣпь, потому что цѣпь изъ золота и по послѣдней модѣ. Блаженъ ты, другъ мой, потому что нѣтъ для те-

бя недоступной цѣли, обманутыхъ желаній, несбыточныхъ надеждъ. Ты не испыталъ этой жажды души, ничѣмъ недовольной и все алчущей чего-то. Тебя не проучалъ немилосердый опытъ, немилосердое разочарованіе.

«Рано понялъ я, что въ свѣтскомъ быту нѣтъ жизни для меня. Однозвучныя слова, однообразныя лица скоро мнѣ прислушались и приглядѣлись. Я бѣжалъ отъ свѣта, гдѣ чувство одна шутка, а золото кумиръ. Жадно требовалъ я отъ науки той полноты мыслей, той самостоятельности бытія, которыя показываютъ человѣку все его достоинство и все его величіе. Но и тутъ, какъ въ свѣтѣ, вездѣ ограниченность, скудность въ опредѣлительныхъ понятіяхъ, и тутъ тоже самое: однозвучіе и однобразіе. Я искалъ искры божества, выраженной словами, а нашелъ хвастовство педантовъ или извороты книгопродавцевъ.

«И въ дружбѣ не нашелъ я того полнаго, чистаго чувства, котораго я требовалъ отъ нея. Часто сходился я съ людьми съ душой благородной, съ свѣтлымъ умомъ. И что же? Ничтожныя причины разводили насъ навѣки, и хотя пламень былъ, можетъ, и одинакій, но алтари были различные. Я убѣдился тогда, что человѣкъ есть существо эгоистическое, отдѣльное, цѣлое, что онъ никогда не сольетъ своей полной мысли съ мыслію другаго человѣка, и что онъ останется вѣчно недоволенъ и вѣчно одинъ.

«Одну эпоху жизни я исключаю изъ этаго общаго приговора. Это эпоха любви, когда пламень двухъ сердецъ ярко разгарается на одномъ алтарѣ. Тогда лишь только небо нисходитъ въ душу страдальца, тогда жизнь кажется не такъ загадочной и не такъ темной, тогда грудь расширяется, и мысль свѣтлѣетъ, и душа торжествуетъ надъ вселенной.

«Но и тутъ, мой другъ, сколько глупыхъ приличій, сколько ничтожныхъ условій смѣшано съ лучшимъ даромъ Провидѣнія! Вообрази себѣ, чтобы сказалъ мой отецъ, когда бы узналъ, что сынъ его хочетъ жениться на дочери школьнаго учителя! Сынъ такаго важнаго человѣка, которому родня сестра министра и племянница фельдмаршала! А спроситъ ли, что волнуетъ мою грудь, что такъ сильно обворожило мое сердце? Люди требуютъ во всемъ общаго итога; чувство у нихъ, какъ счетъ аптекаря, выражается рублями и копѣйками. Нѣтъ копѣекъ, нѣтъ чувства. Нѣтъ связей, нѣтъ вамъ счастья. Понимаешь ли ты, какое это мученіе видѣть передъ собою счастье цѣлой жизни, облеченное въ форму очаровательную, и хладнокровно жертвовать всѣмъ для какой-то пустой мысли, безъ всякой пользы, безъ вознагражденія, такъ, просто, потому что иначе было бы неприлично.

«Вотъ, съ какой душевной борьбой пишу я къ тебѣ, и не прошу твоего совѣта, потому что

совѣтъ я твой знаю напередъ, потому что другаго ты совѣта мнѣ дать не можешь, можетъ быть, и не долженъ. Но мнѣ надо передать часть души своей кому нибудь. Эдуардъ, товарищъ мой, спитъ спокойно подлѣ меня, тогда, какъ кровь бунтуетъ въ моей головѣ. Добрый Нѣмецъ не пойметъ буйнаго пыла страстей. Для тебя жизнь сосредоточилась въ шарканьѣ большаго свѣта; для него въ экзаменѣ, въ медицинѣ. Но въ свѣтѣ страсти, хотя прикрытыя бархатомъ и шелкомъ, все-таки иногда проглядываютъ . . . и ты поймешь изъ дружбы ко мнѣ все смятеніе моего духа, все неограниченное, отчаянное безпокойство моей души. Прощай!»

IV.

Въ небольшой, скромно выбѣленной комнаткѣ, на канапе прародительской формы, сидитъ маленькая старушка съ очками на носу, съ чулками въ рукахъ. Надъ старушкой виситъ портретъ покойнаго ея мужа, въ рамкѣ, украшенной изсохшими цвѣтами. Старушка заговорила. «Чтожъ ты, Эмилія, со свѣчей не снимаешь?» Эмилія покраснѣла и схватилась за щипцы. Эмилія дома. На ней черный фартукъ, волоса убраны просто. Эмилія хороша, я это говорилъ вамъ уже прежде; впрочемъ иначе я и не принимался бы писать повѣсти. Но Эмилія задумчива. Свѣчки догорали. Старушка два раза у нея спрашивала о здоровьѣ. Сидѣвшій съ ними пасторъ два раза ужъ заговари-

валъ съ нею о новомъ органѣ, а Эмилія ничего не замѣчала

Пасторъ обратился къ старушкѣ. «Наконецъ Богъ благословилъ наши старанія. Органъ нашъ привезенъ. Въ воскресенье въ первый разъ прихожане будутъ пѣть съ органомъ; прекрасный органъ; повѣрите ль: гофратъ Гейнфусъ говоритъ, что такаго органа нелегко найти и въ Вѣнѣ. Я надѣюсь, что вы и дочь ваша придете раздѣлить нашу общую радость.»—Придемъ, любезный пасторъ, непремѣнно придемъ. А кто будетъ играть у васъ на органѣ?—«Для перваго раза у насъ будетъ играть нашъ молодой другъ, Эдуардъ. Вы знаете Эдуарда?»

О знаю, знаю. Онъ учился у покойнаго моего мужа. Онъ славный молодой человѣкъ, прекрасный студентъ.

Anno 1821, почтенная моя госпожа, и я былъ студентомъ. Славное время! Въ пять лѣтъ напроказилъ я на всю жизнь. Да, любезный пасторъ, продолжала вздыхая старушка, студенты теперь не то, что были. Бывало только скажутъ студентъ, и все зашевелится. Бывало я сижу за работою у окна, и будто вяжу свой чулокъ, а сама поглядываю украдкою на улицу. И вотъ мой Фердинандъ, съ длинными локонами, съ маленькой шапочкой, съ мечемъ на бедрѣ, съ палицей въ рукахъ, покажется на широкихъ камняхъ нашей узкой мостовой. Какъ хорошъ былъ

мой Фердинандъ: бывало, смотришь на него—и страшно и любо.

Гмъ, гмъ! почтенная госпожа, повѣрите ли, что я, скромный пасторъ, котораго всѣ суеты міра не могли бы теперь разшевелить, я рубился 47 разъ. Да кромѣ того стрѣлялся однажды за дочь моего профессора теологіи.

Охъ, ужъ эти поединки! Какъ ненавидѣла я ихъ. Разъ шла какъ-то я по улицѣ. Навстрѣчу мнѣ попалось человѣкъ двадцать студентовъ. Студенты не посторонились. Вдругъ слышу я за собой громовый голосъ: dumme Junge. Фердинандъ дрался со всѣми.

Старушка вздохнула глубоко. Пасторъ улыбнулся значительно. А Эмилія начала молча приготовлять чай и намазывать кружевной бутербротъ.

Германскія жены говорятъ вообще мало, и за это имъ спасибо. Вообще нѣтъ ничего ненавистнѣе условнаго и пошлаго разговора въ устахъ женщины. Что же касается до женскаго остроумія, это настоящая бѣда. Назначеніе женщины быть утѣшеніемъ на землѣ, а остроумное утѣшеніе хуже оплеухи. Къ счастью, Эмилія была рождена въ такомъ кругу, гдѣ ненадо прикрывать скудости чувствъ блескомъ выраженій; она молчала и глубоко таила на-сердцѣ свою душевную святыню. Съ тѣхъ поръ, какъ пламен-

ныя рѣчи взволновали ея воображеніе; съ тѣхъ поръ, какъ страсть пылкаго студента коснулась въ сердцѣ ея струны, дотоль нетронутой: жизнь ея измѣнилась совершенно. Послѣ бала, которымъ началось ея знакомство съ Викторомъ, и которымъ началъ я свою повѣсть, было много еще баловъ, и она вездѣ была съ Викторомъ, и Викторъ былъ всегда подлѣ нея; днемъ онъ мелкалъ передъ ея окнами, блѣдный и задумчивый; ночью, среди общаго безмолвія, вдругъ раздавались подъ окнами Эмиліи звуки гитары, и страстная пѣснь сливалась съ звучными аккордами. Въ минуту упоенія Викторъ высказалъ ей свою любовь. И съ тѣхъ поръ что-то странное, что-то демонское вкралось въ ея душу. Покой бѣжалъ ея очей. Какое-то болезненное мученіе овладѣло ея жизнію. Прекрасныя черты студента, его свѣтская ловкость, умъ образованный и пылкой, а болѣе всего краснорѣчіе истинной страсти, непреодолимымъ магнитомъ привлекали къ нему всѣ помышленія дочери покойнаго учителя. Каждый день собиралась она открыться во всемъ матери, и не могла собраться съ духомъ. Одинъ Эдуардъ угадалъ ея тайну, и никому о томъ не говорилъ ни слова. Безропотно, безъ упрека отказался онъ отъ своей любимой мечты. Онъ видѣлъ для Эмиліи богатую и счастливую будущность и, не думая о себѣ, радовался счастію двухъ любимыхъ имъ существъ.

Въ слѣдующее воскресенье вдова учителя торжественно принарядилась и, взявъ Эмилію подъ руку,

отправилась въ церковь. У самыхъ дверей стоялъ прислонившись Викторъ. Эмилія подняла глаза. Взоры ихъ встрѣтились. Огонь пробѣжалъ по жиламъ бѣдной дѣвушки. Она едва могла дойти до своей скамейки. Глаза ея не видѣли лежавшей передъ нею книги. Уста не повторяли псалмовъ. Обѣдня кончилась. Хоръ прихожанъ умолкъ. Одинъ органъ мощно звучалъ подъ сводами церкви. И вдругъ звуки взволновались: они, казалось, то сталкивались, то преслѣдовали другъ друга, и, какъ бунтующія страсти, боролись между собою. Эмилія слушала съ невыразимымъ волненіемъ. И вдругъ бурные порывы утихли, и враждующіе звуки слились въ общій торжественный гимнъ, въ благодарственный возгласъ Всевышнему.

Эдуардъ игралъ фугу Себастіана Баха.

Пришедъ домой, Эмилія слегла въ свою постель, и бѣдная старушка долго сидѣла у ея изголовья.

V.

Лихой народъ заграничные студенты! Взгляните на нихъ: шапки набокъ, галстухи долой, они шумно толпятся вокругъ кипящей чаши; то любимый ихъ напитокъ, то завѣтный крамбамбули, яркимъ пламенемъ ликующій посреди своихъ усердныхъ друзей. Привѣтствую тебя, академическое разгулье! Трубки дымятся. Фуксы * приносятъ стаканы, и пуншъ льется кипящей влагой. На столѣ рапиры.

* Студенты перваго семестра.

Рапиры зашевелились и мѣрно ударяютъ по столу. Запѣли студенты:

Gaudeamus igitur,
Juvenes dum sumus.

Пойте, пойте, пока вы молоды, ликуйте, веселитесь!

Post jucundam juventutem,
Post molestam senectutem
Nos habebit humus.

Все будетъ данью земли. Пойте, студенты!

Вотъ ужъ шесть недѣль, какъ гостятъ студенты въ городкѣ, и нынче у нихъ прощальный пиръ, Abschieds-kommers. Кто ѣдетъ домой, кто ѣдетъ въ университетъ. Пора на лекцію и за перо. Всѣ товарищи собрались и шмоллируютъ (пьютъ братство) въ послѣдній разъ. Гуляютъ студенты. Вотъ ужъ начались пуншевыя дуэли. Противники бодро схватываютъ стаканы. Секунданты мѣрятъ и командуютъ. Стаканы осушаются, и тотъ, кто прежде выпилъ до дна, провозглашенъ побѣдителемъ. Вездѣ шумъ и хохотъ. Здѣсь фуксовъ качаютъ на простыняхъ. Тамъ брандеровъ * гонятъ сквозь пылающую солому. Вотъ весельчакъ, съ рапирой въ рукѣ, вскарабкался на пирамиду стульевъ и столовъ и провозгласилъ себя принцемъ von Rhoren. И вотъ усердная толпа сбѣжалась вокругъ своего повелителя, и поетъ ему съ подобострастіемъ:

Euer Gnaden aufgewarten
Mit Wein von allen Arten.

* Студенты втораго семестра.

Кипятъ мои студенты; кипитъ крамбамбули завѣтный. Шумно и весело.

Эдуардъ и Викторъ отошли непримѣтно отъ толпы. Между ними завязался жаркой разговоръ.

Когдажъ твоя свадьба? спросилъ Эдуардъ.

Никогда, отвѣчалъ съ смущеніемъ Викторъ.

Глаза Эдуарда заблистали. Онъ оттолкнулъ руку своего товарища.

И такъ слова твои ложь, поступки твои обманъ? Ты завлекаешь бѣдную дѣвушку въ пропасть, которой она не видитъ, потому что ты украсилъ ее цвѣтами. Какъ воръ, ты присвоиваешь себѣ чувства, которыя должны бы принадлежать другому. Знаешь ли, какъ называютъ твое легкомысліе? . . Но слушай: теперь горе тебѣ, если ты хоть на шагъ подойдешь къ Эмиліи: я буду ея защитникомъ. Я буду вѣрной ея тѣнью, и охраню ее отъ лукавыхъ нападковъ.

А по какому праву, Эдуардъ?

А ты по какому праву сдѣлалъ для себя игрушкой первую въ мірѣ святыню, невинное сердце беззащитной дѣвушки? Поведеніе твое низко.

Стой, закричалъ Викторъ: это обида нестерпимая. Студенты сбѣжались; противники обмѣнялись вызовами, и какъ ни въ чемъ не бывало, пирушка пошла опять своимъ чередомъ, разгульно, весело и пьяно.

VI.

Вообразите себѣ огромную комнату, уставленную вдоль стѣнъ красивыми шкафами, наполненными книгами: большія съ одной стороны, маленькія съ другой. Видно, что хозяинъ любитъ акуратность и порядокъ. Переплеты всѣ на одинъ манеръ, а для симетріи тамъ, гдѣ не хватило книгъ, поставлены деревянныя спинки въ сафьянѣ. Посреди комнаты стоятъ три длинные стола, обтянутые зеленымъ сукномъ, съ чернилицами и прочими принадлежностями. У камина низенькія кресла и сафьянное канапе въ родѣ какой-то готической буквы. Надъ этимъ кабинетомъ вѣетъ геній Гамбса, великаго, безсмертнаго Гамбса.

У окна стоятъ ломаныя аристократическія кресла, съ пружинами и съ разными премудростями, которыхъ невсилахъ я описать. Сверхъ того въ комнатѣ еще замѣтно нѣсколько чинно расположенныхъ бумагъ, а чиновникъ ожидаетъ въ передней для доклада.

На этихъ ломаныхъ креслахъ растянутъ высокой старикъ, въ бархатномъ халатѣ; онъ то важно изволитъ играть съ собаченкой, то нюхаетъ табакъ изъ золотаго сундучка. На лицѣ его, кромѣ старости, написано еще что-то странное, ровно ничего не значущее.

Въ эту минуту вошелъ Викторъ, наканунѣ пріѣхавшій изъ заграничнаго университета. Почти-

тельно приблизился онъ къ отцу и поцаловалъ у него руку.

Что это у васъ на щекѣ? сердито спросилъ старикъ. У Виктора была щека разрублена клинкомъ Эдуарда. Едва успѣлъ онъ залечить свою рану, какъ отецъ его вытребовалъ въ Петербургъ.

Повѣсы, мальчишки, буяны (продолжалъ отецъ), дрянь! Гувернёры даромъ только деньги берутъ. Нѣтъ присмотра никакаго. А порядка неспрашивай. Дѣти, мальчишки! Нѣтъ, братъ, полно гулять. Я въ твои лѣта былъ ужъ гвардіи поручикъ, а ты что? дрянь, мальчишка!

Викторъ былъ какъ на огнѣ.

Благородный поступокъ Эдуарда, не смотря на ихъ поединокъ, сильно подѣйствовалъ на него. Долго обдумывалъ онъ свои отношенія къ Эмиліи, которыя Эдуардъ, разгорячась въ первый разъ въ своей жизни, ему такъ откровенно обнаружилъ. Ктомуже страсть, какъ пламень, жгла его грудь, помрачала его разсудокъ. Ему казалось, что она слилась съ его жизнію, что онъ обязанъ былъ жертвовать всѣмъ для достиженія своей цѣли, и что, во что бы ни стало, ему надо было объясниться съ отцемъ.

Папенька, прошепталъ онъ, выслушайте меня.

А? проворчалъ оборачиваясь старикъ.

Папенька, выслушайте меня. Мнѣ двадцать лѣтъ. Я самъ ужъ въ такомъ возрастѣ, что могу мыслить и чувствовать самъ собою. Что бы вы сказали, если бы я просилъ у васъ права располагать своею будущностью?

Ну-съ.

Я не рожденъ для вашего столичнаго быта. Для меня мирная, уединенная жизнь въ кругу семейномъ была всегда цѣлію всѣхъ моихъ желаній. Меня не мучатъ ни честолюбіе, ни почести, ни свѣтскія приманки.

Чего же вы хотите?

Я хочу, папенька, жить далеко отъ шума городскаго, вмѣстѣ съ той, которую я избралъ сопутницей моей жизни.

А кто это ваша Дульцинея?

Она дочь покойнаго. . . честнаго, хорошаго учителя.

Старикъ забылъ свое негодованіе и, схватившись за бока, четверть часа хохоталъ такъ сильно, какъ ему никогда еще не случалось. Испуганная собаченка залаяла. А Викторъ, краснѣя отъ гнѣва и отъ стыда, стоялъ какъ пораженный громомъ.

Старикъ успокоился и принялъ опять суровый видъ.

Ахъ, ты, ребенокъ!... Вотъ чему тебя научили. Постой-ка, братъ, я тебѣ дурь эту выбью изъ головы. Вотъ-те на, что выдумалъ! А все это отъ того, что за вами нѣтъ присмотра, и порядка нѣтъ никакаго. Вздумалъ бы я разсуждать такъ съ покойнымъ батюшкой — а? Извольте ждать меня; мы сей часъ поѣдемъ вмѣстѣ. Да пришлите мнѣ камердинера.

Начался туалетъ старика. Пригладивши свои сѣдины, обрилъ онъ морщиноватую бороду, и натянулъ черный фракъ. Одѣвшись такимъ франтомъ, вышелъ онъ въ переднюю, приказалъ сыну садиться съ нимъ въ карету, а чиновнику ласково сказалъ, потрепавъ его по плечу: гмъ, гмъ! извини, любезный, что не могъ тебя принять. Гмъ, гмъ... мнѣ эти комитеты... гмъ... гмъ... братецъ, комитеты все время отнимаютъ.... Гмъ, гмъ!..

Карета остановилась передъ пышнымъ домомъ важнаго вельможи; и, взбираясь на роскошно убранную лѣстницу, старикъ дѣлалъ сыну отеческое наставленіе.

«Тутъ говорить глупостей не надо; будь скроменъ и робокъ; опускай, какъ можно чаще, глаза въ землю, и отвѣчай только на вопросы, а самъ не говори ничего. Ты причисленъ къ * * * Иностранныхъ Дѣлъ, и надняхъ отправишься въ чужіе края сверхкомплектнымъ чиновникомъ при * * * посольствѣ.»

VII.

И такъ прощайте, студентскіе годы, золотыя мечты; прощайте, шумныя пѣсни и ночныя серенады подъ окнами Эмиліи! Нѣтъ ужъ кипящаго стакана, нѣтъ богатырскихъ рапиръ. Нѣтъ свѣжести душевной; нѣтъ даже болѣе буйныхъ страстей. Потокъ времени все унесъ и поглотилъ. Викторъ простился съ своимъ послѣднимъ очарованіемъ, съ очарованіемъ чужихъ краевъ.

Для молодаго человѣка, въ особенности для жителя Сѣвера, мысль о чужбинѣ имѣетъ что-то магическое. Она неясно улыбается ему въ розовомъ туманѣ: то Римъ вдругъ предъ нимъ предстанетъ съ своими куполами, съ кардиналами и Тибромъ; то Венеція прекрасная развернется передъ нимъ, въ тихую лунную ночь, съ своими гондолами, съ мраморными дворцами, съ цѣлымъ міромъ таинственности и поэзіи, и ему кажется тогда, что вдали онъ слышитъ звуки баркаролы отрадной какъ сбывчивая надежда. Человѣкъ играетъ воображеніемъ какъ игрушкой: ему все хочется представить себѣ лучше, все выше существенности. Викторъ узналъ, что поэзія не существуетъ въ предметахъ; что видъ Рима, что гондолы Венеціи не навѣваютъ святаго восторга, когда душа устала, а умъ недоволенъ собой. Тщетно Викторъ рвался, негодовалъ и хотѣлъ противиться своей модной судьбѣ. Невидимая желѣзная рука тащила его за собою въ міръ визитныхъ карточекъ и поддѣльныхъ

цвѣтовъ. На чужбинѣ, какъ въ Петербургѣ, онъ видѣлъ всѣ желанія свои обманутыми. Вездѣ нашелъ онъ тотъ же холодной расчетъ, тѣ же убійственныя приличія, которыя назначили его быть вѣчнымъ секретаремъ посольства. Для него все сдѣлалось отрицательнымъ; онъ самъ постепенно сталъ принимать тѣ мнѣнія, которыя убили его душу. Все его существованіе приняло какой-то сѣроватый оттѣнокъ, гдѣ никогда никакая яркая краска, никакой лучь солнца не проглядывалъ. Скука, скука глупая, лѣнивая, усталая слѣдила повсюду за нимъ.

Тщетно разъѣзжалъ онъ по минеральнымъ водамъ. Для такихъ болѣзней нѣтъ средствъ, нѣтъ даже названій, и путешествія ему наскучили. Какъ всѣ мечтатели, хотѣлъ онъ пройти Швейцарію пѣшкомъ. Но съ перваго дня онъ ужасно усталъ и сѣлъ опять въ свою коляску. Съ каждымъ днемъ чувства его притуплялись и приходили въ какую-то нравственную окаменѣлость. Къ женщинамъ онъ сдѣлался равнодушенъ. Польза казалась ему мечтой, жизнь и смерть ничѣмъ.

Викторъ судилъ объ операхъ, щеголялъ своими тростями, имѣлъ двухъ собакъ, славнаго повара и танцовщицу.

Въ чужихъ краяхъ онъ разъѣзжалъ въ своей коляскѣ, почему былъ прозванъ графомъ и получилъ два иностранные креста.

Гдѣ онъ ни останавливался, объ немъ вездѣ говорили, что онъ любезный молодой человѣкъ, и что удивительно, какъ Русскіе легко могутъ выучиться иностраннымъ языкамъ, тогда, какъ Нѣмцы и Англичане, какъ бы они ни старались, всегда останутся Нѣмцы Нѣмцами, а Англичане Англичанами.

И Эдуардъ съ своей стороны тоже путешествовалъ, но съ цѣлью возвышенной, съ жаждой познаній, вѣчной его сопутницей. Пѣшкомъ прошелъ онъ всю Европу, останавливаясь во всѣхъ университетахъ, бесѣдуя со всѣми учеными: онъ возвратился на родину съ обильной жатвой воспоминаній, и съ ящикомъ хирургическихъ инструментовъ, драгоцѣннымъ залогомъ памяти однаго знаменитаго хирурга.

VIII.

Однажды жители извѣстнаго намъ городка, сидя съ чулками и съ трубками у оконъ, въ прекрасный лѣтній вечеръ увидѣли большую дорожную коляску въ шесть лошадей. Въ коляскѣ лежалъ развалившись сухощавый молодой человѣкъ, въ бархатномъ дорожномъ сюртукѣ и въ какомъ-то экзотическомъ картузѣ. Остановившись на ночлегѣ, онъ два раза заставилъ повторить себѣ имя городка, и съ примѣтнымъ смущеніемъ началъ распрашивать о вдовѣ уѣзднаго учителя.

Она около Мартина, отвѣчалъ трактирщикъ, была не очень здорова: ходила въ церковь да простудилась.

А дочь ея? спрашивалъ Викторъ.

Такъ точно, продолжалъ глухой трактирщикъ, она простудилась, и три дня кромѣ ромашки ничего не брала въ ротъ.

А дочь?..

Я, ваша милость, всегда говорю своимъ дѣтямъ, что ромашка прекрасное средство противъ всѣхъ болезней. И всегда держу у себя маленькую провизію ромашки дома.

А дочь, а Эмилія? повторялъ Викторъ.

А дочь?.. дочь... да, она слава Богу здорова; только сынъ ея недавно что-то кашлялъ, такъ она, кажется, дала ему выпить ромашки.

Какъ, сынъ Эмиліи? а кто же ея мужъ?

Мужъ Эмиліи былъ уже въ объятіяхъ Виктора.

Увидѣвъ его изъ окна, онъ поспѣшилъ на почтовый дворъ, чтобъ обнять стараго товарища.

Эдуардъ! закричалъ проѣзжающій.

Да, братецъ, Эдуардъ. Ты видишь передъ собой уѣзднаго доктора, хирурга и акушера, и при томъ женатаго на Эмиліи, на той самой Эмиліи, за которую мы когда-то крѣпко порубились. Была досада,

было и чудное время. Помнишь ли наши коммерціи, наши пѣсни? Но ступай ко мнѣ потолковать о старинѣ, да выпьемъ-ка въ честь нашей академіи и нашей молодости бутылку стараго рейнвейну.

Подъ сѣнью трехъ липъ смиренно стоитъ низенькой домикъ, выкрашенный сѣрою краскою, съ зелеными ставнями. Около домика маленькой дворъ, усыпанный пескомъ; а съ другой стороны небольшой садъ, наполненный цвѣтами передъ широкимъ балкономъ, обтянутымъ холстомъ. На балконѣ сидѣла старушка съ ребенкомъ на рукахъ, а подлѣ нихъ Эмилія. Вдругъ послышался голосъ ея мужа; она бросилась къ нему навстрѣчу, и остановилась передъ Викторомъ.

Узнаешь ли ты гостя? спросилъ Эдуардъ.

Въ тихой, однообразной жизни Эмиліи, знакомство ея съ Викторомъ было огненною точкой. Долго, долго помнила она Русскаго студента, который такъ искусно умѣлъ принаравливать свои рѣчи къ ея понятіямъ, и такъ часто невидимо носился передъ нею, страстный и умоляющій, въ часы безсонницы и грусти непонятной. Неожиданное событіе вдругъ все измѣнило. Старушка-мать отчаянно занемогла. Эмилія забыла свои земныя помышленія и завлекательные планы. Всѣ ея занятія, мысли, надежды сосредоточились въ страждущей матери. Въ то самое время

возвратился изъ-за границы Эдуардъ, съ блистательными аттестатами. Съ радостью взялся онъ раздѣлять попеченія и труды Эмиліи. Оба вмѣстѣ, съ горячимъ чувствомъ вѣры и покорности къ Провидѣнію, сидѣли у кровати страждущей старушки, и души ихъ сливались въ одномъ общемъ желаніи. Тогда Эмилія начала понимать, что любовь истинная основана на общемъ страданіи и на общей молитвѣ. Она начала понимать, что любовь истинная есть чувство спокойное, высокое, торжественное, отголосокъ неба на землѣ, и что эта любовь только можетъ быть залогомъ истиннаго блаженства. Благодаря искуству Эдуарда, старушка выздоровѣла. Эмилія видѣла въ молодомъ докторѣ спасителя своей матери. Привязанность ея къ нему каждый день болѣе и болѣе возрастала. Они были обвѣнчаны.

При появленіи Виктора Эмилія смутилась, но взглянувъ на мужа, на мать и на сына, она уже увидѣла въ немъ только товарища Эдуарда и дружелюбно его привѣтствовала, какъ стараго знакомаго.

Жена, сказалъ Эдуардъ, принеси намъ бутылку гогеймера, а ты, товарищъ, ступай ко мнѣ въ кабинетъ. Ты видишь все постарому; все тѣ же разбросанныя книги, кости и инструменты. Вотъ мой плащъ въ углу, вотъ мой Stammkopf (завѣтная трубка), вотъ моя студентская фуражка. Ты видишь: вся старина моя со мной; но признаюсь тебѣ, какъ тогда хорошо ни было, а теперь лучше.

Рейнвейнъ принесенъ. Стаканы полны.

За здоровье академической жизни! сказалъ Эдуардъ.

И супружескаго счастія, прибавилъ Викторъ.

Старые студенты обнялись и осушили стаканы до дна.

И такъ, продолжалъ докторъ, ты теперь богатый человѣкъ, и много у тебя друзей, знакомствъ и занятій. Но среди этаго шума вспомни иногда, что есть въ Нѣмецкомъ городкѣ бѣдный докторъ, который всегда тебя встрѣтитъ въ своемъ уголкѣ съ чувствомъ истинной дружбы. Въ тебѣ было много безразсуднаго, но и много хорошаго. Голова пылкая, сердце доброе. Я часто жалѣлъ о тебѣ, но любилъ тебя всегда, даже когда и ссорился.

Да, продолжала Эмилія, не забывайте насъ въ вашей столицѣ. Мы часто о васъ съ мужемъ вспоминаемъ въ зимніе вечера, грѣясь у камина.

Бесѣда летѣла весело и откровенно. Викторъ ожилъ старою жизнію, старою молодостью. Всѣ воспоминанія старины являлись поочередно одно за другимъ. Ни одинъ профессоръ, ни одна дѣвушка не были забыты. Буйные анекдоты, смѣшные и трогательные разсказы быстро летѣли другъ за другомъ. Наговорившись досыта, товарищи разстались.

Картина семейнаго счастія долго оставалась въ глазахъ Виктора. Тихая, уединенная жизнь, скромный домикъ, всѣ безроскошныя удовольствія жизни, прекрасная, любимая хозяйка, спокойствіе душевное и полезныя занятія --- Викторъ все это видѣлъ, все это понялъ и поскакалъ въ Петербургъ, гдѣ ожидало его богатое наслѣдство покойнаго отца.

С. В.

Ноябрь, 1837.
Санктпетербургъ.

ПОХОДНАЯ ЖИЗНЬ.

Отрывокъ.

Ты любишь горестно и трудно,
А сердце женское шутя.

Пушкинъ.

Проѣзжая изъ Петербурга въ М. П...., я принужденъ былъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, остановиться на станціи, въ самомъ бѣдномъ мѣстѣ Витебской губерніи. Комната, въ которой я находился, была убрана очень незанимательнымъ образомъ. Простой письменный столъ стоялъ между окнами; полукруглые столы съ нѣсколькими горшками цвѣтовъ были помѣщены въ двухъ углахъ; диванъ изъ простаго дерева находился въ третьемъ, и дорожныя постановленія висѣли на стѣнахъ въ деревянныхъ рамочкахъ, вмѣстѣ съ двумя картинками, гравированными чрезвычайно дурно. Ужасный вѣтеръ бушевалъ.

Метель заносила дорогу, и не позволяла думать о поѣздкѣ. Я былъ одинъ, и чувствовалъ неимовѣрную скуку. Это заставило меня искать на станціи, хоть однаго живаго человѣка, съ кѣмъ бы можно было провесть время (нужно замѣтить, что смотритель въ этотъ день отлучился въ городъ). Я попробовалъ отворить дверь, которая казалась снаружи запертою и, отворивъ ее, нашелъ двухъ дѣвушекъ, сидящихъ за пяльцами. Одна изъ нихъ была благородной наружности, такой физіономіи, на которой еще видны были остатки прежде одушевлявшей ее красоты. Голубые впалые глаза, тонкой и прямой станъ, высокой ростъ, прекрасные каштановые волосы, заплетенные съ небрежностію, и правильное очертаніе лица блѣднаго и изсохшаго, все доказывало въ ней съ перваго раза, даже и въ простомъ ея нарядѣ, что она нѣкогда могла блистать, пользоваться жизнію, а теперь увяла. Другая, пріятнаго, но простаго вида, была еще очень молода и, сидя съ нею, казалось, училась рукодѣлью. Первая изъ нихъ, при входѣ моемъ, выслушавъ мои извиненія и привѣтствія, довольно учтиво отвѣчала мнѣ, что ей самой будетъ пріятно бесѣдовать со мною, и у насъ сейчасъ же начался довольно откровенный разговоръ. Но, къ несчастію, въ предметахъ разсужденія мы были совершенно различныхъ мыслей. Это было поводомъ къ возгорѣвшемуся между нами чрезвычайному спору, въ продолженіе котораго она, говоря о вещахъ, касавшихся отчасти и до ея тщеславія и самолюбія, этихъ двухъ

самыхъ чувствительныхъ пружинъ сердца человѣческаго, и въ особенности женщинъ, непримѣтнымъ образомъ высказала мнѣ всю исторію своей жизни, которую я и хочу сообщить читателямъ, точно въ такомъ видѣ, какъ отъ нея слышалъ, только съ наблюденіемъ порядка въ повѣствованіи.

Родители мои, говорила она, были небогаты; однакожъ имѣли такое состояніе, что могли жить безбѣдно. Я не буду говорить о лѣтахъ моего дѣтства. Они были проведены довольно однообразно, но пріятно, въ кругу родномъ, втиши, въ деревнѣ. Когда жъ мы подросли съ сестрою, то родители свезли насъ въ Вильну, и отдали тамъ въ пансіонъ. Сестра моя, хотя была меньше меня, однакожъ превосходила въ прилежаніи и очень успѣла въ наукахъ. Я же имѣла только одну страсть къ нарядамъ, любила до чрезвычайности танцевать, и питала маленькую охоту къ музыкѣ. Сестра моя не скучала въ пансіонѣ ни своими занятіями, ни подругами. А я въ каждомъ письмѣ писала къ моимъ родителямъ, что мнѣ здѣсь чрезвычайно скучно, и просила ихъ взять меня домой. Послѣ проведенныхъ мною трехъ лѣтъ въ пансіонѣ, наконецъ наступилъ тотъ блаженный часъ, когда я могла изъ него вырваться, и съ радости я не знала сама, что дѣлала. Вообразите: мнѣ было въ то время 14 лѣтъ, и безъ хвастовства скажу, я была хороша, очень хороша, даже прелестна собою. Я думала заранѣе, какъ всѣ мущины будутъ за мной ухаживать, говорить мнѣ мил-

ліоны комплиментовъ, ловить мои взгляды, считать ихъ блаженствомъ, очарованіемъ, и вымаливать у меня вниманіе, ласки и расположеніе. Вокругъ насъ было множество помѣщиковъ и въ томъ числѣ молодежи, все неслужащей, праздной, какъ водится въ нашей губерніи. Я составила себѣ напередъ планъ дѣйствій. Я не хотѣла любить, не понимала этаго чувства, да и могла ли понимать его въ то время? Въ моихъ глазахъ всѣ влюбленные казались истинными сумасбродами. Я желала имѣть мущинъ у себя только поклонниками. Мнѣ пріятно было видѣть, какъ они всѣ наперерывъ спѣшили исполнять мои желанія, и смѣшно было, когда они потомъ предавались попеременно то радостямъ и надеждамъ, то горести, отчаянію и раскаянію. Ни одинъ изъ нихъ, нѣсколько занимательный, не долженъ былъ вырваться отъ меня безъ того, чтобъ не оказать вниманія къ моимъ прелестямъ, и всѣ они должны были путаться въ моихъ сѣтяхъ и разрывать ихъ только по моей волѣ, съ запасомъ пріятныхъ воспоминаній и съ горькою утратою въ сердцѣ. Такъ, я была страшная кокетка, равнодушная къ страданіямъ мущинъ, хотя имѣла весьма доброе сердце. Странное сочетаніе чувствъ! Я полагаю, что эта испорченность характера происходила отъ моего непомѣрнаго тщеславія, свойственнаго болѣе или менѣе всѣмъ женщинамъ, отъ поселяющагося за тѣмъ въ насъ желанія нравиться, которое во мнѣ не было умѣрено благоразумнымъ воспитаніемъ, отъ превратнаго обра-

за мыслей, который я заимствовала отъ подобныхъ мнѣ легкомысленныхъ подругъ въ пансіонѣ, отъ полной свободы въ обращеніи, которою я пользовалась въ домѣ родительскомъ, и отъ ихъ слѣпой ко мнѣ привязанности, такъ, что они радовались тому, за что надобно было съ меня строго взыскивать, и о чемъ нужно было бы точно печалиться. Вступивъ въ свѣтъ съ такими правилами (если только можно назвать правилами сбродъ мыслей, вертящихся въ головѣ вѣтреной, неопытной, чрезвычайно занятой собою 14-ти лѣтней дѣвушки), я не всегда была счастлива въ своихъ намѣреніяхъ, и имѣла, къ своей досадѣ, счастливѣйшихъ соперницъ. Это повергало меня въ горесть и отчаяніе, наполняло мое сердце злобою и завистію; но вѣтренность, легкомысліе и тщеславіе, тѣ же самые пороки, которые приводили меня въ отчаяніе, и вылечивали отъ моихъ терзаній и страданій. Чудесное свойство природы! Впрочемъ, чѣмъ болѣе я подростала и росла въ кругу мущинъ, чѣмъ болѣе познавала ихъ внутреннія движенія души, хорошія, худыя наклонности и чувства, тѣмъ болѣе старалась быть утонченною въ своихъ поступкахъ, то есть, по наружности быть доброю, любезною, снисходительною, внимательною, привлекательною, даже обворожительною для всѣхъ, а во внутренности тѣмъ глубже затаивать свои истинныя ощущенія и все, происходящее въ сердцѣ, и тѣмъ болѣе быть неуязвляемой отъ любви, равнодушной ко всѣмъ ласкательствамъ и угожденіямъ мущинъ, и мстительной въ сношеніяхъ съ

своими соперницами. Я не стану говорить о всѣхъ моихъ дѣвичьихъ шалостяхъ съ моими обожателями, которыхъ у меня было чрезвычайно много. Онѣ неисчислимы. Я перейду скорѣе къ главной исторіи моей жизни и опишу мои главныя приключенія.

Около деревни, гдѣ я жила, квартировалъ полкъ. Одинъ офицеръ, стоя по близости, бывалъ у насъ очень часто. Когда я пріѣхала изъ пансіона, гдѣ имѣла только весьма пустую практику, то очень рада была этому случаю, чтобъ испытать надъ нимъ дѣйствіе моихъ прелестей, ни мало не думая о послѣдствіяхъ, какія могутъ отъ того произойти. Въ моей вѣтреной 14-ти лѣтней головѣ не было тогда, по правдѣ сказать, ни одной основательной мысли. И мнѣ ли тогда было думать о послѣдствіяхъ, когда цѣлый день я занята была только тѣмъ, чтобъ къ лицу нарядиться, и потомъ, какъ можно граціознѣе быть въ своемъ обращеніи? Мы съ сестрой кокетничали съ нимъ заодно, думали, передумывали и придумывали разныя средства, какъ вскружить ему голову и завлечь его совершенно въ свои сѣти. Это было для насъ такою новостію, такъ смѣшно, казалось намъ такою милою и пріятною шуткою, такимъ занимательнымъ дѣйствіемъ ребяческаго кокетства, въ особенности въ деревнѣ, гдѣ покуда не было никакаго другаго развлеченія, что мы истощали всѣ къ тому средства, и заранѣе воображали, съ какимъ удовольствіемъ можно будетъ по-

томъ разсказать объ этомъ своимъ подругамъ, при первой встрѣчѣ съ ними, и какъ, отъ чистаго сердца, мы вмѣстѣ этому посмѣемся. Наконецъ я скоро научилася возбуждать въ немъ всякой разъ новыя радости, новыя надежды и убаюкивать его столь обольстительнымъ образомъ, что онъ кружился весь въ раю мечтаній, очарованій и воскрилялся каждый день новою сладостною жизнію. Онъ повѣрялъ мнѣ свои тайны, полагалъ во мнѣ все свое блаженство, мучился, терзался при одной мысли о перемѣнѣ моихъ чувствъ къ нему, и я радовалась моему первому успѣху и поистинѣ гордилась въ душѣ этой первой побѣдой болѣе всякаго героя. Это мнѣ давало самое сладостное понятіе о силѣ моихъ прелестей, и я не думала его разочаровывать. Признаюсь, что мнѣ даже самой пріятно было видѣть этотъ безпрестанно курящійся для меня ѳиміамъ любви и читать въ душѣ его то вліяніе, какое я надъ нимъ имѣла. Онъ былъ рабъ моей воли, и этотъ грозный мущина, который такъ строго и непреклонно повелѣвалъ другими, былъ жалкою игрушкой 14-ти лѣтней дѣвушки, которая изъ него дѣлала, что хотѣла. Такъ мущины иногда хвалятся своею стойкостію, твердостію характера; но они, въ сущности, за исключеніемъ весьма немногихъ, не что иное, какъ раболѣпные исполнители нашей воли, и всякая умная женщина, любящая властвовать, всегда можетъ болѣе значить, нежели начальникъ, который по наружности такъ грозенъ и сла-

венъ, а по внутренности такъ слабъ и ничтоженъ передъ нами. Наша власть есть слѣдствіе нашего тонкаго ума, а ваша есть право, даруемое по выслугѣ каждому. Посему женщины во всемъ предпочтительнѣе мущинъ. Таково мое мнѣніе: извините, если я выражаю его откровенно *.

Наконецъ наступила зима. Живя недалеко отъ города, мы ѣздили въ уѣздное собраніе и разъѣзжали по помѣщикамъ, жившимъ во множествѣ въ сосѣдствѣ съ нами. Кромѣ того, родители наши, желая намъ доставить случаи къ развлеченію, давали вечера, просили запросто къ себѣ, и у насъ бывало много гостей, и между прочимъ молодежи, привлеченной разсказами о моей красотѣ. Все это толпилось вокругъ меня, восхищалось мною до безумія и истощалось въ средствахъ мнѣ нравиться. Но я ужъ сдѣлалась гораздо разборчивѣе, отдавала преимущество только тѣмъ, которые въ нашихъ окрестностяхъ почитались милыми, ловкими, любезными, и болѣе воздавали похвалъ моимъ прелестямъ. Въ сосѣдственныхъ собраніяхъ я была царицею общества, и изъ вѣтреной, легкомысленной, тщеславной превратилась уже въ гордую, насмѣшливую и даже колкую. Наша красота и юность такъ восхитительны, а всеобщія похвалы мущинъ такъ обольстительны для насъ, что ходъ моей перемѣны былъ самой естественной и видной. Я сдѣлалась, въ скоромъ времени, не-

* Я молчалъ, не желая перебивать ее.

сносною для прочихъ дѣвицъ, и даже для нѣкоторыхъ благоразумныхъ мущинъ, которые меня хвалили, но, узнавъ покороче, удалялись отъ меня, хотя, можетъ быть, и съ сожалѣніемъ. Одинъ только этотъ офицеръ, испытывая все мое непостоянство, всю мою вѣтренность, при всѣхъ моихъ поступкахъ, оставался въ ослѣпленіи и не могъ излечиться отъ своего безумія. Напротивъ, несчастная страсть его ко мнѣ укоренялась все глубже и глубже и сдѣлалась наконецъ предметомъ всегдашнихъ его думъ и мучительныхъ страданій. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые, кажется, рождаются для любви, въ которыхъ трудно вдохнуть ее, но въ которыхъ разъ запавшая искра превращается въ вѣчный пламень, долженствующій или усладить путь его семейнымъ счастіемъ, радостями и восторгами, или произвесть разрушеніе всего его существованія и погаснуть только въ минуту послѣдняго его дыханія. Я не могла понимать его, оцѣнить его любви, такъ, какъ бы сдѣлала другая на моемъ мѣстѣ, болѣе благоразумная и менѣе тщеславная. Напротивъ, онъ мнѣ становился несноснымъ съ своею всегдашнею навязчивостію въ угожденіяхъ, съ своею сильною, порывистою, постоянною любовію; былъ смѣшенъ для меня въ своемъ безуміи, въ своихъ страданіяхъ и ни сколько не жалокъ въ своемъ отчаяніи. Я почитала все это обыкновенными припадками сумасбродства мущинъ, которые очень часто бываютъ смѣшны для дѣвицъ въ своемъ обращеніи съ ними, и которымъ, чтобъ нравиться намъ во

всѣхъ нашихъ возрастахъ, потребны большой навыкъ и особенныя природныя способности. Онъ же, будучи непривлекательной наружности, ума основательнаго, зрѣлаго, но не свѣтскаго, молчаливъ въ обществѣ, не развязенъ въ обхожденіи съ дѣвицами, никогда не могъ почитаться тѣмъ, такъ называемымъ, забавнымъ, ловкимъ, милымъ кавалеромъ, которыхъ ищутъ всѣ молодыя дѣвицы, съ которыми любятъ онѣ мчаться въ пылкомъ вальсѣ, или отчаянной мазуркѣ, у которыхъ всегда на языкѣ вертятся тысячи запасныхъ остротъ, и которые умѣютъ имъ безъ умолку говорить такъ мило, пріятно, утонченно объ ихъ же собственныхъ прелестяхъ, все равно, имѣютъ ли онѣ ихъ, или не имѣя желаютъ только, чтобъ имъ ихъ приписывали. Конечно, я очень хорошо читала въ душѣ его, очень понимала изъ его взоровъ, всегдашняго устремленнаго на меня вниманія, безпрерывнаго угожденія, иногда вырывавшихся изъ груди его вздоховъ, его глубокую страсть ко мнѣ, его страданія, и хотѣла казаться къ нему расположенною; но онъ сдѣлался для меня такъ непріятенъ и такимъ скучнымъ въ обхожденіи, что я не могла уже болѣе съ нимъ притворствовать. Онъ не умѣлъ, или, можетъ быть, не могъ, или даже не смѣлъ выражать страсть свою такъ краснорѣчиво, такъ пламенно, какъ то дѣлали другіе, по всей вѣроятности менѣе меня любившіе. Онъ не умѣлъ ни хвалить меня, ни удивляться мнѣ вслухъ, такъ, какъ я хотѣла; былъ неловокъ, непривыченъ занимать дамъ

пріятнымъ образомъ въ танцахъ: и танцевать съ нимъ было для меня всегда ужаснымъ наказаніемъ, а выбирать его въ фигурахъ жесточайшимъ мученіемъ. Родители мои, напротивъ того, радовались укореняющейся въ немъ ко мнѣ страсти. Они видѣли въ немъ человѣка благоразумнаго, дѣятельго, основательнаго, добраго, благороднаго, съ хорошимъ состояніемъ и на хорошей дорогѣ по службѣ. Мать мнѣ начала даже иногда намекать на него, и съ тѣхъ поръ онъ мнѣ сдѣлался совершенно ненавистнымъ. Я не могла смотрѣть на него равнодушно и старалась всячески дѣлать ему непріятности, колкости, насмѣшки. Онъ иногда выходилъ изъ себя; но мой благосклонный взоръ, мои ласки, не только въ тотъ же часъ его успокоивали, но еще болѣе раздували въ немъ страсть. Наконецъ онъ сдѣлалъ предложеніе, которое принято было съ радостію моими родителями. Нужно было только открыть его мнѣ и приготовить меня къ этому. Сначала мать моя уговаривала меня, потомъ отецъ. Они приводили самые основательные доводы. Но какія основательныя сужденія могутъ имѣть дѣйствіе надъ дѣвушкой неопытной, вѣтреной, легкомысленной, при молодости ея, столь обманчивой и столь обольстительной, въ особенности же, когда она составила уже себѣ ложное понятіе о жизни и счастіи, и не вѣруетъ ни въ какой здравый разсудокъ, кромѣ своего собственнаго? Такъ и я руководствовалась тогда одними только чувствами, а не благоразуміемъ, желала наслаждать-

ся настоящимъ, и не думала о будущемъ, представляла себѣ нескончаемымъ то время, когда множество поклонниковъ воздавали мнѣ непрестанныя похвалы и готовы были къ исполненію моихъ малѣйшихъ приказаній, не слушала и не хотѣла слушать моихъ родителей, и на всѣ ихъ доводы твердила имъ одинъ отвѣтъ, что онъ мнѣ ненравится. Потомъ, когда отецъ хотѣлъ принудить меня къ замужству строгостію, я такъ расплакалась, со мной сдѣлались такіе сильные припадки, и я притворилась столь жестоко больною, что всѣ испугались, послали сейчасъ же за докторомъ, который и лечилъ меня отъ этой притворной болезни до тѣхъ поръ, покуда я не получила отъ моихъ родныхъ обѣщанія не приневоливать меня болѣе къ замужству. Успокоившись такимъ образомъ, я попрежнему сдѣлалась весела, попрежнему не пропускала ни однаго случая, чтобъ не повеселиться и не потанцевать, и радовалась своимъ успѣхамъ съ мущинами до чрезвычайности, ни мало не думая ни объ офицерѣ, ни о ненавистномъ замужствѣ. Онъ же, пораженный моимъ рѣшительнымъ и совершеннымъ отказомъ, какъ громовымъ ударомъ, впалъ въ жестокую болезнь, доводившую его до самаго ужаснаго положенія. Недѣля молчанія моихъ родителей показалась ему цѣлымъ тысячелѣтіемъ, въ продолженіе котораго онъ, какъ безумный, мучимый душевною лихорадкою, то предавался радостямъ и надеждамъ, то терзался страхомъ и отчаяніемъ. Наконецъ, когда съ роковою вѣстію погасъ для него и послѣдній лучь надежды, жизнь, недавно столь про-

славляемая, столь драгоцѣнная для него, сдѣлалась ему вдругъ такъ ненавистна, такъ несносна и мучительна, что онъ желалъ смерти, молилъ, мечталъ только о ней, какъ о высочайшемъ благѣ, ниспосылаемомъ къ намъ на землю небесами. Несчастный! Немного отсчитано было ему Провидѣніемъ пріятныхъ минутъ въ этой жизни. Недолго наслаждался онъ неизъяснимымъ и восхитительнымъ для него чувствомъ обманчивой любви моей. Малую только горсть цвѣтовъ успѣла я бросить на весь путь, предстоявшій ему въ этомъ мірѣ; но много, много яду исчерпала я изъ своего легкомыслія и своихъ прелестей, чтобъ отравить тѣмъ навсегда цѣлую остальную жизнь его, и въ веснѣ лѣтъ, столь цвѣтущей для другихъ наслажденіями, уже дать ему познать всю пустоту, весь ужасъ оледенѣлаго сердца, въ которомъ заморены всѣ чувства, кромѣ отчаянія.

Со дня отказа я не видала этаго офицера болѣе года. Въ это время сестра моя вышла замужъ, и я, по этому случаю, веселилась чрезвычайно много. Въ одно утро, когда весеннее солнце живило всѣ творенія, и оледенѣлая, угрюмая природа возвращалась опять въ прежней красотѣ и жизни, я прогуливалась одна по высохшимъ уже дорожкамъ нашего сада. Неизъяснимое удовольствіе чувствовала я, видя, какъ все зеленѣетъ, разцвѣтаетъ и является въ великолѣпнѣйшемъ видѣ. Я сама, казалось, смотря на это, вмѣстѣ съ оживающею природою, обновлялась душею и серд-

цемъ и дѣлалась еще нѣсколькими лѣтами моложе. Ко мнѣ невольно приходили на умъ воспоминанія о лѣтахъ протекшихъ, и я, воображеніемъ своимъ пробѣгая все минувшее, едва только успѣла коснуться до моихъ шалостей и шутокъ съ офицеромъ, какъ вдругъ слышу чьи-то шаги, оборачиваюсь и нахожу его стоящаго передо мною. Лице его было такъ блѣдно и такъ высохло, глаза были такъ впалы и страшны, что онъ казался болѣе выходцемъ съ того свѣта, нежели живымъ человѣкомъ, и я, встрѣтивъ его въ такомъ положеніи, вдругъ, столь неожиданно, невольно смутилась и отступила нѣсколько шаговъ назадъ. Замѣтивъ дѣйствіе, какое произвело на меня его внезапное появленіе въ такомъ изнуренномъ видѣ, онъ подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку и сказалъ: любезная Эмилія, ты примѣтно испугалась, видя, въ какое изнеможеніе привели меня жестокая болезнь, несчастная страсть къ тебѣ и отчаяніе, овладѣвшее мною послѣ отказа твоего. Я долгое время былъ въ безпамятствѣ, еще долѣе, какъ безумный, не зналъ самъ, что дѣлалъ; но искуство докторовъ возвратило мнѣ разсудокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возвратилось ко мнѣ въ полной силѣ и чувство моихъ жестокихъ страданій. Я старался всячески потушить страсть свою. Я бѣжалъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ она развилась сперва такъ мило, а потомъ сдѣлалась для меня источникомъ неисчерпаемыхъ горестей. Но это самое отдаленіе отъ тебя было уже для меня самымъ жестокимъ мученіемъ и высочайшимъ пожертвованіемъ, ка-

кое только могъ я сдѣлать. Я предоставлялъ ее излеченію времени, этому самому надежному врачу въ подобныхъ болезняхъ; но, къ несчастію, этотъ годъ разлуки меня убѣдилъ совершенно, что даже цѣлая вѣчность не въ состояніи была бы исторгнуть изъ меня пылающей къ тебѣ страсти. Напротивъ того, заочныя воспоминанія еще болѣе воспламеняли ее и мучили меня ужаснымъ безпокойствомъ и нетерпѣніемъ скорѣе тебя увидѣть. Я участвовалъ въ разгульной жизни моихъ товарищей. Я хотѣлъ разогнать ее въ ихъ шумной, живой и веселой бесѣдѣ; но когда все кончалось и всѣ разсѣевались, я находилъ себя еще несчастнѣе. Я искалъ общества милыхъ дамъ, и съ тѣхъ поръ встрѣчалъ ихъ очень много; но прелести ихъ на мое сердце, какъ жаръ на закаленное желѣзо, не имѣли никакаго дѣйствія. Я испытывалъ, однимъ словомъ, всѣ средства къ развлеченію себя; но чѣмъ больше употреблялъ ихъ, тѣмъ болѣе увѣрялся въ своей совершенной невозможности освободиться отъ оковъ, разъ тобою наложенныхъ, и воскреснуть снова когда либо въ веселіи. Невозвратно уже бѣжали отъ меня минуты покоя и сокрылись навсегда всѣ мечты, всѣ радости, всѣ надежды. Цѣлый міръ для меня теперь какъ дикая и знойная пустыня, въ которой все мертво, глухо, ужасно и мучительно. Напрасно желалъ я узами брака соединиться съ тобою, прильнуть къ прелестнымъ устамъ твоимъ, испить изъ нихъ весь нектаръ оживотворенія, исцѣленія, очарованія. Къ этому

ты сама отняла у меня навсегда всякую надежду, и я боюсь даже думать объ этомъ... Непомѣрно тяжелъ крестъ моего испытанія; я не въ состояніи болѣе несть его. Душны, нестерпимы наконецъ становятся мнѣ мои страданія. Безнадежность ихъ, какъ безпредѣльная даль, все болѣе и болѣе страшитъ меня. Предстоящее для меня ужасно. Я долженъ скорѣе умереть. Я хочу умереть; я умру. Я пришелъ сюда въ послѣдній разъ, чтобъ только взглянуть на тебя, полюбоваться тобою... Съ этимъ словомъ онъ прильнулъ къ моей рукѣ, осыпалъ ее поцалуями, пошелъ, остановился, посмотрѣлъ на меня пристально, сказалъ мнѣ послѣднее прости и скрылся. Все это происходило такъ скоро, что я не могла очнуться отъ поразившей меня нечаянности словъ его, исполненныхъ самой сильной страсти, самыхъ ужасныхъ угрозъ, самаго величайшаго отчаянія, и, очнувшись, не знала сама, что дѣлать. Вся рѣчь и особенно послѣднія его слова, выраженныя дрожащимъ и неживымъ голосомъ, тронули меня до глубины сердца. Но я боялась сказать объ этомъ моимъ родителямъ, опасаясь воскресить въ нихъ опять желаніе соединить насъ. Бракъ этотъ казался мнѣ столь ненавистнымъ! Да и могъ ли онъ быть счастливъ, при его страстной любви ко мнѣ, а моей страстной привязанности къ кокетству, отъ котораго съ тѣхъ поръ я не могла излечиться. Кромѣ того, въ моей памяти родилось тогда столько воспоминаній о мни-

мыхъ подобныхъ угрозахъ, дѣлаемыхъ мущинами дѣвицамъ, чтобъ потрясти ихъ твердость до основанія, и произносимыхъ для большей важности на колѣнахъ, въ выраженіяхъ сильнѣйшихъ противъ этихъ и съ большимъ искуствомъ въ декламаціи и мимикѣ, что я чуть-чуть ужъ не смѣялась надъ минутною жалостію, проникнувшею въ мою душу, и думала сама про себя, какъ иногда могутъ быть слабы женщины и вѣрить всему имъ сказанному. Но съ другой стороны ручались мнѣ за правоту его мыслей и выраженій давно испытанная, чистая, пламенная любовь его ко мнѣ, его ужасныя, безнадежныя страданія, столь живо отпечатлѣвавшіяся на его блѣдномъ, изсохшемъ лицѣ, его безыскуственная, хотя сильная рѣчь, его твердость и рѣшительность характера, отражавшіяся въ каждомъ словѣ, и наконецъ его последнее умильное прощаніе. Оставаясь такимъ образомъ въ саду, я тратила часы свои въ нерѣшимости и размышленіи, какъ вдругъ слышу шумъ, крикъ и бѣготню въ домѣ, спѣшу узнать тому причину и нахожу человѣка этаго офицера, разсказывающаго со слезами на глазахъ о его смерти. Пораженная этимъ извѣстіемъ, я упала въ безпамятствѣ, и меня отнесли въ спальню, гдѣ долго не въ состояніи были возвратить мнѣ чувства. Едва я пришла въ себя, какъ первое мое слово было о немъ. Когда же я узнала, что тѣло его перенесено къ намъ въ домъ, то стала неотступно просить о позволеніи сходить къ нему. Долго уговаривали меня, долго просто про-

тивились моему намѣренію; но, видя наконецъ мою упорную и отчаянную рѣшимость, должны были на то согласиться. Я собралась съ духомъ, и при всей моей слабости, при всемъ моемъ разстройствѣ, хотѣла исполнить непремѣнно то, чего, мнѣ казалось, требовалъ отъ меня долгъ мой. Но при входѣ въ комнату и при видѣ трупа, обезображеннаго насильственною смертію, мной овладѣлъ какой-то тайный ужасъ, голова у меня закружилась, въ глазахъ потемнѣло, и я впала въ странное безуміе: мнѣ представилось, что онъ все еще стоитъ предо мною и продолжаетъ выражать страсть свою и свои страданія. Я остановилась, слушала его съ большимъ вниманіемъ, и когда наконецъ хотѣла ближе подойти къ нему, чтобъ дать тотъ послѣдній прощальный поцалуй, котораго онъ жаждалъ при жизни, какъ высочайшаго наслажденія, и теперь ужъ болѣе не нуждался, какъ силы мои меня совершенно оставили, ноги подкосились, и я была не въ состояніи итти далѣе. Меня отнесли въ другія комнаты, и съ тѣхъ поръ я его болѣе не видала. Но совѣсть, эта ужасная и мучительная сила души, не давала и не даетъ мнѣ минуты покоя. Едва я смыкала глаза, какъ онъ представлялся мнѣ въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ я его видѣла въ послѣдній разъ, протягивалъ длинную, изсохшую свою руку, и начиналъ рѣчь тѣми же самыми словами. Утомленная безсонницею, изнуренная отсутствіемъ всякаго апетита, омраченная воспоминаніями, я сдѣлалась въ скоромъ времени такъ слаба, что не могла

уже вставать съ постели. У меня появился сильный бредъ, и я получила жесточайшую горячку. Сперва родные мои боялись только за поврежденіе моего ума, а потомъ начали отчаяваться даже и въ моей жизни. Но я излечилась совершенно отъ своей болезни, хотя не ранѣе, какъ чрезъ два мѣсяца. Вотъ какъ разыгралась эта милая, необдуманная шутка, которую мы съ сестрою хотѣли сыграть съ нимъ! Вотъ какая развязка вышла изъ нашего ребяческаго кокетства, надъ дѣйствіями котораго мы хотѣли вмѣстѣ посмѣяться съ подобными намъ, неслишкомъ благоразумными подругами! Я возбудила въ человѣкѣ страсть по легкомыслію, истерзала, измучила его своимъ непостоянствомъ, своею вѣтренностію, и наконецъ убила своею холодностію. Вотъ къ чему послужили мнѣ мои прелести и къ чему привело меня мое тщеславіе! Изъ этаго я познала опытомъ, хотя уже поздно, что съ любовью, какъ съ огнемъ, должно поступать весьма осторожно. Мы властны вдохнуть ее въ мущинъ; но невластны бываемъ уже болѣе ее истребить въ нихъ по своему произволенію. И тѣ изъ мущинъ, которые только способны любить истинно и глубоко, наиболѣе бываютъ жертвою этихъ нашихъ, весьма занимательныхъ для насъ, шалостей и шутокъ съ ними.

С. Бутеневъ.

КРЫМСКІЯ ПРЕДАНІЯ.

1. О горѣ Агармышъ (посѣдѣлая) близъ г. Стараго Крыма.

Въ Анатоліи, въ городѣ Токатѣ, сидѣлъ бѣдный Армянинъ въ своемъ виноградникѣ, прислонившись къ дереву; печаль выражалась во всѣхъ чертахъ его; явился къ нему старый незнакомый дервишъ и спросилъ: о чемъ ты такъ горюешь? Какъ же мнѣ не горевать, отвѣчалъ Армянинъ, я дошелъ до крайней бѣдности, имѣю многочисленное семейство и не знаю, чѣмъ прокормить его. Я готовъ помочь твоему горю, сказалъ дервишъ, только выполни свято, что я тебѣ скажу. Армянинъ съ радостію обѣщался быть послушнымъ. Вотъ тебѣ записка, продолжалъ дервишъ, ступай въ Крымъ; тамъ есть гора Агармышъ близъ

Стараго Крыма; на той горѣ есть Генуэзскій колодезь; ступай на ту гору, и молча, не любопытствуя ни о чемъ, брось мою записку въ тотъ Генуэзскій колодезь; и чтобы ты ни видѣлъ, чтобы ты ни слышалъ, не любопытствуй ни о чемъ, а возвратись опять сюда, и я выведу тебя изъ бѣдности. Армянинъ отправился въ Крымъ съ таинственной запиской, на которой были неизвѣстныя ему слова; пришелъ на гору Агармышь, отыскалъ Генуэзскій колодезь * и бросилъ записку. Едва записка упала въ колодезь, какъ внутри его Армянинъ услышалъ большой шумъ, и прежде, нежели успѣлъ заглянуть туда, пчелы милліонами оттуда полетѣли и затемнили передъ нимъ свѣтъ и небо; летѣли, летѣли и все въ направленіи къ Анатоліи; наконецъ, когда они начали скрываться изъ его глазъ, онъ ударилъ палкою одну пчелу, отсталую отъ сего безчисленнаго роя и, къ крайнему своему изумленію, увидѣлъ предъ собою большую золотую Индѣйскую (какъ говоритъ преданіе) монету.. Армянинъ ее поднялъ и отправился домой. Возвратясь въ свой садъ, онъ увидѣлъ предъ собою на томъ огромномъ деревѣ, подъ которымъ сидѣлъ, и вокругъ дерева безчисленный рой пчелъ. Онъ хотѣлъ надъ ними опять попробовать могущество своей палки, какъ мгновенно явился предъ нимъ старый дервишъ и

* Колодезь этотъ дѣйствительно и теперь существуетъ, имѣя сообщеніе съ долиною, такъ что, когда бросятъ въ него горсть проса, оно оказывается въ источникахъ долинъ. Неподалеку отъ Агармыша Татары полагаютъ также могилу Мамая.

спросилъ: ты знаешь тайну этихъ пчелъ? Армянинъ, боясь, чтобы дервишъ не завладѣлъ всѣмъ сокровищемъ, если онъ скажетъ не знаю, отвѣчалъ: знаю. Но едва онъ вымолвилъ это слово, какъ пчелы и дервишъ исчезли, и Армянинъ остался въ прежней бѣдности съ одной большой золотой монетой.

2. О дѣвицѣ и чебанѣ, осажденныхъ въ крѣпости.

На восточномъ берегу Крыма между Ускутомъ и Капсхоромъ есть развалины древней небольшой крѣпостцы. По преданіямъ Татаръ извѣстно, что нѣкогда дочь однаго хана влюбилась въ чебана, и отъ свирѣпости отца своего ушла съ нимъ въ горы и выстроила эту крѣпость, куда провела изъ близлежащаго ключа воду посредствомъ подземныхъ трубъ, такъ что долго осаждали сію крѣпость и не могли взять ее. Оставалось одно средство — утомить жаждою осаждаемыхъ; но для сего нужно было отыскать ключь, или источникъ той воды, чтобы пріостановить ее. Всѣ поиски были напрасны, покуда не выпустили жеребца изъ стойла, продержавъ его пять дней безъ воды. Жеребецъ, томясь жаждою, началъ по инстинкту вырывать копытами землю; тогда догадались, что здѣсь должны быть проведены трубы. Дѣйствительно тутъ отыскали воду, отвели ее и принудили осажденныхъ сдать-

ся. Дѣвицу и чебана схватили и отвели къ хану, который велѣлъ обѣимъ отсѣчь головы.

3. О душистой мечети въ Старомъ Крыму.

Татары увѣряютъ, что въ Старомъ Крыму есть развалины мечети, которая послѣ дождя въ лѣтній знойный день разливаетъ около себя благоуханіе, и объясняютъ причину этаго слѣдующимъ преданіемъ. Въ цвѣтущее время Стараго Крыма какой-то богатый мусульманинъ застроилъ эту мечеть; въ тоже время одинъ изъ богатѣйшихъ купцевъ Индіи отправилъ въ Крымъ своего сына съ богатыми вьюками мускуса для продажи его съ слѣдующимъ завѣтомъ: чтобъ всѣ эти вьюки были проданы одному только лицу и на одинакую монету, желая узнать, есть ли въ томъ отдаленномъ краю равный ему въ богатствѣ. Сынъ объѣздилъ многія страны, не найдя желаемаго покупщика, и, на возвратномъ пути къ отцу, остановился съ своимъ караваномъ въ Старомъ Крыму близъ вышеупомянутой мечети. Строитель ея вошелъ съ нимъ въ разговоръ, и, узнавъ о цѣли его путешествія, спросилъ, какою монетою хочетъ онъ получить за свой товаръ? Индѣйскій торговецъ назначилъ золотую монету, самую рѣдкую въ то время. Мусульманинъ велѣлъ взвѣсить товаръ, отсчиталъ требуемое золото и велѣлъ при немъ же высыпать мускусъ въ яму съ

цементомъ, заготовленнымъ для складки стѣнъ мечети, и, прощаясь съ Индѣйскимъ купцемъ, сказалъ: ступай и скажи отцу своему, что ты видѣлъ и слышалъ, прощай! Татары увѣряютъ, что мускусъ въ стѣнахъ мечети до сихъ поръ сохранилъ еще свое благоуханіе.

О той же мечети есть другое преданіе.

Одинъ иностранный купецъ привезъ продавать мускусъ въ Старый Крымъ, надѣясь получить отъ того большіе барыши; но по проискамъ Старокрымскихъ торговцевъ мѣстное начальство требовало съ него такую большую пошлину, что онъ долженъ былъ или продать свой мускусъ за безцѣнокъ въ пользу Старокрымскихъ торговцевъ, или понести большіе убытки. Съ досады на такіе происки, онъ высыпалъ свой мускусъ въ известковую яму, гдѣ заготовлялась известь для складки стѣнъ мечети. Мечеть на ней выстроена, и до сихъ поръ развалины ея несовсѣмъ еще потеряли свое благоуханіе.

4 О Карасубазарской пещерѣ.

Въ срединѣ большой каменной скалы близъ Карасубазара, имѣющей видъ выстроеннаго укрѣпленія,

есть отверстіе, въ которое ни откуда нѣтъ дороги; только, спустившись съ большою опасностію сверху на веревкѣ и вися на воздухѣ, любопытные увѣряютъ, что видѣли внутри ея входа золотой плугъ и золотое ярмо; но когда хотѣли проникнуть во внутренность пещеры, то какая-то невидимая сила ихъ оттуда отталкивала. Говорятъ, что одинъ только шеихъ, знаменитый заклинаніемъ духовъ, входилъ туда съ однимъ товарищемъ, которому онъ нашилъ на кафтанъ, вмѣсто пуговицъ, талисманы, и завѣщалъ ему, чтобы онъ, по мѣрѣ чтенія имъ молитвъ, за каждою молитвою отстегивалъ одну талисманную пуговицу, и чтобы онъ, ничего не слушая и никуда не смотря, для всего оставался безмолвнымъ и равнодушнымъ. При появленіи ихъ въ пещеру, шеихъ тотчасъ началъ читать молитвы, а товарищъ отстегивать пуговицы; на него посыпался огненный дождь, на него бросились ужасные змѣи: онъ стоялъ безмолвенъ и неподвиженъ, а шеихъ читалъ молитвы. Страшныя видѣнія исчезли; ихъ замѣнила гурія въ видѣ прелестной дѣвицы. Она танцевала, какъ бы принужденная къ тому непостижимою ей силою. Черты ея изображали усталость, и жалобнымъ голосомъ умоляла она шеиха прервать свои заклинанія и дать ей отдохнуть; но шеихъ читалъ молитвы, а товарищъ его стоялъ безмолвенъ, отстегивая пуговицы. Уже оставалась только одна, какъ изнеможенная гурія со слезами просила отдыха; товарищъ шеиха сжалился надъ нею и сказалъ шеиху: да полно въ самомъ дѣлѣ; дай ей отдохнуть!

Едва онъ вымолвилъ эти слова, какъ гурія исчезла, громовый ударъ раздался въ пещерѣ, и мертвыя тѣла двухъ заклинателей найдены у подошвы горы. Съ тѣхъ поръ пещера слыветъ неприступною болѣе, нежели когда нибудь.

5. О Киркъ-азизѣ (т. е. 40 юношахъ).

По рѣчкѣ Зуѣ, близъ деревни Кая-асты, возвышается каменная гора, въ которой высѣченъ храмъ съ нѣсколькими перегородками. Входъ въ него по лѣстницѣ, высѣченной изъ той же скалы. Храмъ сей извѣстенъ подъ названіемъ Киркъ-азизъ, т. е. 40 юношей. Преданіе говоритъ, что ихъ было 41, подъ названіемъ *сохты*; они исполняли свято приказанія вѣры. Но что во время нашествія Генуэзцевъ, когда сохты сіи молились Богу въ упомянутомъ храмѣ, враги ворвались туда вооруженные и стали предавать ихъ поодиначкѣ мечу. Набожные сохты не обращали вниманія на погибающихъ товарищей, чтобъ не прервать своей молитвы. Одинъ только изъ нихъ, одолѣваемый страхомъ, оглянулся назадъ, и тѣло его было выброшено и не причтено къ азизамъ, къ которымъ доселѣ магометане ходятъ поклоняться и искать исцѣленія отъ болезни.

6. На такъ называемомъ Керченскомъ полуостровѣ, близъ деревни *Койташь-дере* (лощина каменныхъ овецъ), есть низменное мѣсто, гдѣ тысячи камней представляютъ видъ, столь похожій на стадо овецъ, что совершенно обмануться можно. На разстояніи оттуда до 40 верстъ, близъ деревни Опукъ, виднѣется въ морѣ бѣлая скала на подобіе судна съ бѣлыми парусами. Эта скала называется *Элкенъ-кая* (т. е. скала и парусъ). Преданіе Татаръ увѣряетъ, что все пространство той земли, и овцы, и судно, наполненное товарами, нѣкогда принадлежали одному богатому человѣку, который передалъ-было ихъ въ приданое единственной своей дочери, выдавая ее замужъ. По совершеніи обряда, отецъ съ самодовольствіемъ спросилъ у дочери: довольна ли она своимъ приданымъ? Дочь отвѣчала: «я бы тогда была довольна, «когда бъ кожа на моихъ *налынахъ* (т. е. ходуляхъ) «вышита была крупнымъ жемчугомъ.» Отецъ, пораженный дочернею неблагодарностію, произнесъ: «когда ты недовольна моимъ приданымъ, то превратись въ камень.» Вдругъ все окаменѣло, и овцы и корабль съ богатствомъ. Они и доселѣ сохраняютъ свой видъ.

7. Татарскій миѳъ о фортунѣ.

Фортуна и у Татаръ почитается богинею. По ихъ преданіямъ, она сошла съ неба отыскивать сво-

его сына, скитающагося по землѣ. Лица у ней нѣтъ, а есть одинъ только глазъ на самой макушкѣ. Она ловитъ и схватываетъ по дорогѣ перваго прохожаго, почитая его своимъ сыномъ, и, чтобы въ этомъ удостовѣриться, поднимаетъ его все выше, выше, до тѣхъ поръ, пока глазомъ своимъ можетъ взглянуть на него. Убѣдясь, что она ошиблась, бросаетъ его съ высоты наземь, и снова продолжаетъ ловить проходящихъ, въ надеждѣ отыскать сына своего, и съ каждымъ поступаетъ одинаково. Вотъ отъ чего вѣроятно возвышенія сей богини такъ непрочны.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

МАЗЕПА.

Поэма Байрона.

I.

Замолкли громы подъ Полтавой;
Обманутъ счастьемъ пылкій Шведъ;
Легли полки; съ земли кровавой
Уже не встать имъ для побѣдъ:
И сила съ славой боевою,
Непостоянныя вовѣкъ,
Какъ ихъ поклонникъ, человѣкъ,
Передались Царю-герою,
И Кремль грозы уже не ждетъ.
Но день, еще мрачнѣй, настанетъ,
Но прійдетъ памятнѣе годъ:

Москва стыдомъ и смертью грянетъ,
И врагъ, еще сильнѣй, падетъ;
Еще позорнѣй пораженье
Постигнетъ рати съ ихъ вождемъ:
Шумнѣе, гибельнѣй паденье,
Вождю ударъ, дружинамъ громъ.

II.

Такъ выпалъ жребій: Карлъ разбитый
Бѣжать впервые принужденъ;
И день и ночь стремится онъ,
Своею кровію облитый
И кровью подданныхъ своихъ.
За Карла тьмы погибли ихъ;
Уже предъ силой сокрушенной
Нестрашно правдѣ въ этотъ мигъ:
Но ни одинъ неслышенъ крикъ
Въ упрекъ гордынѣ униженной.
Подъ нимъ застрѣленъ конь его;
Отъ ранъ Гіэта * умирая,
Монарху отдалъ своего,
Но палъ и тотъ изнемогая.
И чтожъ? въ глуши, во тьмѣ лѣсовъ,
Среди свѣтящихъ въ отдаленьѣ
Огней недремлющихъ враговъ,
Король находитъ одръ и кровъ.

* По свидѣтельству Вольтера (Hist. de Charles XII) полковникъ Гіэта, истекая кровію, отдалъ Карлу свою лошадь.

Вотъ лавры, вотъ отдохновенье,
Вотъ для чего борьба племенъ!
Его несутъ подъ ближній кленъ:
Едва дыша, всѣхъ силъ лишенъ,
Недвиженъ, онъ отъ боли стонетъ.
И хладъ и мракъ со всѣхъ сторонъ,
И дрожь болезненная гонитъ
Съ его очей мгновенный сонъ.
Но опытъ горькаго паденья
Монархъ поцарски выносилъ,
И тѣла лютыя мученья
Могучей волѣ покорилъ.
Такъ и народы онъ недавно
Къ повиновенью приводилъ
Своею силою державной.

III.

Лишь горсть вождей: такъ день одинъ
Разсѣялъ сонмища дружинъ!
Но вѣренъ, доблестенъ кругъ тѣсный:
Нѣмые въ горести своей,
Садятся всѣ подъ кровъ древесный
Вкругъ государя, близъ коней.
Такъ люди съ тварью безсловесной
Дружатся въ общей имъ бѣдѣ;
Такъ всѣ равняются въ нуждѣ.
Въ числѣ другихъ Мазепа тоже
Подъ старымъ дубомъ стелетъ ложе:

Какъ дубъ и крѣпокъ и суровъ,
Едва ли самъ его моложе
Отважный гетманъ казаковъ.
Потомъ онъ, отдыхъ забывая,
Отеръ коня, его лаская;
Подъ борзымъ листьевъ набросалъ,
Его по гривѣ потрепалъ,
И разнуздалъ, и любовался
Какъ жадно онъ траву щипалъ.
Досель Мазепа опасался,
Что конь его ночной порой
Пренебрежетъ росистымъ злакомъ.
Но вѣрный конь, какъ самъ герой,
И неизнѣженъ и нелакомъ.
Хоть гордъ, всегда послушенъ онъ;
На все готовъ, легокъ, силенъ;
Съ Татарской прытью онъ несется;
Онъ знаетъ голосъ полководца;
Къ нему торопится на зовъ;
Его отыщетъ межъ рядовъ;
И если бъ звѣздный лучь затмился,
Съ заката солнца по разсвѣтъ
Во тьмѣ бы добрый конь стремился
Покорно воину во слѣдъ.

IV.

Мазепа плащъ на дернъ бросаетъ,
Становитъ къ дереву копье,
Потомъ оружье разбираетъ;
Взглянулъ, исправно ли ружье,

Пощупалъ сабли лезвее;
Отеръ ножны и рукоятку,
И словомъ, все добро свое
Пересмотрѣлъ онъ попорядку.
Потомъ баклагу взялъ съ кисой
И, приготовивъ ужинъ свой,
Монарха подчивалъ съ вождями,
Спокойнѣй духомъ, чѣмъ иной
Придворный въ пиршествѣ съ друзьями.
Отвѣдавъ скудныхъ яствъ, король
Хотѣлъ, скрывая скорбь и боль,
Веселымъ быть на зло судьбинѣ,
И улыбаясь началъ такъ:
«Никто во всей моей дружинѣ
Не превзошелъ тебя, казакъ!
Отъ Македонскаго понынѣ
Свѣтъ не видалъ такой четы,
Какъ съ Буцефаломъ этимъ ты.
Всю славу Скиѳовъ помрачаетъ
Твоя удалая ѣзда!»
На то Мазепа отвѣчаетъ:
«Да будетъ вѣчно проклята
Та школа, гдѣ наукѣ конной
Учился я!» И изумленной
Король спросилъ: «что такъ, старикъ?
Науку славно ты постигъ!»
«Есть быль; но нынче не до были,
Тотъ возразилъ: не двѣ-три мили
Еще скакать намъ отъ врага:
Вездѣ опасность отъ погони,
Пока не ступятъ наши кони

На Заднѣпровскіе луга.
И, государь, тебѣ нужна же
Минута отдыха: я бъ сталъ
Передъ дружиною на стражѣ.»
«Скажи ту быль, монархъ прервалъ,
О томъ прошу тебя. Проворно,
Быть можетъ, я подъ твой разсказъ
Намигъ сомкну усталый глазъ:
Дрема бѣжитъ меня упорно.»

Съ такой надеждой я готовъ:
Тогда, я думаю, годовъ
Мнѣ было двадцать . . . такъ, не больше;
И Казимиръ въ то время въ Польшѣ —
Янъ Казимиръ — былъ королемъ.
Я былъ шесть лѣтъ его пажемъ.
Ужъ то-то былъ монархъ ученый;
Съ тобой не сходствовалъ ни въ чемъ:
Онъ оставлялъ въ покоѣ троны,
Не бралъ, за то и не терялъ,
И, кромѣ прѣній на діэтѣ,
Премирно царствомъ управлялъ.
Но кто безъ горя жилъ на свѣтѣ?
Онъ музъ и женщинъ обожалъ:
Онѣ жъ такъ гнѣвны, что порою
Войны желалъ бы Казимиръ;
Но онъ склонялся вновь на миръ
Предъ новой книгой иль красою.
Пирамъ, бывало, нѣтъ конца.
Народъ по улицамъ Варшавы
Бѣжитъ къ стѣнамъ его дворца

Взглянуть на пышныя забавы,
На блескъ вельможъ и дѣвъ и женъ.
Толпа поэтовъ Казимиру
Твердила: ты нашъ Соломонъ!
Одинъ лишь, помнится, сатиру
Скропалъ непризрѣнный пѣвецъ,
И хвасталъ тѣмъ, что онъ нельстецъ.
Дворъ веселъ, шуменъ былъ въ тѣ годы;
Въ немъ всѣ за вирши принялись;
Я самъ слагалъ порою оды
И ихъ подписывалъ: Тирсисъ.
Былъ нѣкто старый воевода:
Богатъ какъ рудокопня, графъ
И очень древняго ужъ рода.
Онъ былъ невмѣру величавъ;
Сокровищъ онъ имѣлъ безъ счета;
Его любимая забота
Была надъ золотомъ сидѣть,
Иль въ родословную глядѣть:
И такъ зазнался онъ надъ ними,
Что счелъ, въ какомъ-то забытьи,
Заслуги предковъ за свои.
Жена, съ привычками иными,
Была годами тридцатью
Моложе, и кляла въ неволѣ
И власть его и жизнь свою.
Сперва желанія, не болѣ,
Потомъ надежды, съ ними страхъ,
Стыда и сожалѣнья слезы,
Тамъ соблазнительныя грезы,
А дальше встрѣчи на пирахъ

Съ Варшавской молодежью, глазки
Въ восторгахъ пѣнья или пляски:
Все это живо, быстро шло
И незамѣтно привело
Ее къ опаснѣйшей развязкѣ...

V.

Тогда я былъ въ моей веснѣ.
Скажу теперь подъ сѣдинами:
Межъ молодыми Поляками
Немного равныхъ было мнѣ
Блестящей юности дарами.
Я веселъ былъ, могучь, удалъ...
Теперь не то: я страшенъ сталъ;
Давно согнулся станъ мой стройный;
На мнѣ лѣта, заботы, войны
Свой слѣдъ глубоко провели.
Меня отвергли бы свои —
Такъ вечеръ мой несхожъ съ зарею!
И прежде, чѣмъ года мои
Прошли надъ этой головою,
Уже давно не тотъ я былъ.
Ты знаешь: возрастъ не убилъ
Во мнѣ ни храбрости, ни силъ —
Иль я бы сказкою ночною
Тебя теперь не веселилъ
Подъ черной неба пеленою.

Но далѣе. Терезы видъ...
Еще теперь такъ помню живо,

Что мнится, будто бы сидитъ
Она вотъ здѣсь подъ этой ивой.
Но гдѣ счастливыхъ словъ сыскать,
Чтобъ образъ милой описать?
Азійскихъ дѣвъ глаза и брови;
Слѣдъ примѣси Турецкой крови,
Текущей въ жилахъ Поляковъ—
Глаза темны, какъ тверди кровъ
Надъ нами. Но сквозь эти очи
Мерцалъ какой-то нѣжный лучь,
Какъ новый мѣсяцъ въ часъ полночи
Украдкой брезжетъ изъ-за тучь.
Любовь и томность выражая
И тая въ собственномъ огнѣ,
Тебѣ напомнили бъ онѣ
Святыхъ, которые, для рая
Томяся въ мукахъ на кострѣ,
Въ восторгѣ взоръ стремятъ горѣ.
Чело, какъ озеро въ день ясной,
Когда ни струйка не плеснетъ
И лучь играетъ въ лонѣ водъ,
И въ нихъ глядится неба сводъ;
Уста и щеки——— но напрасно...
Терезу я любилъ тогда,
Люблю теперь все также страстно,
И охладить меня невластно
Ничто — ни счастье, ни бѣда;
Люблю въ самомъ ожесточеньи,
И прошлое за мною вслѣдъ
До этихъ позднихъ жизни лѣтъ
Идетъ неотгонимой тѣнью.

VI.

Судьба свела насъ. Я взглянулъ.
Мой взоръ былъ встрѣченъ. Я вздохнулъ.
Она, стыдливая, молчала,
Но молча какъ-то отвѣчала.
Есть рѣчь безъ словъ, языкъ нѣмой
Таинственной, неуловимый,
Для чувства только постижимый,
Для хладнаго ума чужой.
Невольно мысль души кипучей
Сверкаетъ искрами извнѣ;
Какъ бы связуясь цѣпью жгучей,
Два юныхъ сердца вдругъ въ огнѣ:
Такъ быстро пламя сообщаетъ
Электризованный металлъ,
Но какъ? никто не постигаетъ.
Я мучился втиши, рыдалъ,
Нетерпѣливо ждалъ сближенья—
И скоро случай сблизилъ насъ:
И мы могли уже подчасъ
Поговорить безъ подозрѣнья.
О, какъ я жаждалъ объясненья!
Но мой языкъ коснѣлъ неразъ,
Пока не выждалъ я мгновенья.
Случилось какъ-то ей со мной
Наединѣ быть за игрой—
Какой? назвать ужъ не умѣю:
Игра пустая; но за нею
Дни убивали мы порой.
Въ тотъ разъ терялъ я то-и-дѣло;
Но что мнѣ было до того?

Со мною глазъ-на-глазъ сидѣло
Столь дорогое существо!
Какъ стражъ, за ней слѣдилъ я окомъ
(Будь наша стража такъ бодра!).
Она въ раздуміи глубокомъ
Склонилась на руку. Игра
Ея души не занимала.
Часы летѣли; но она,
Какъ бы къ столу пригвождена,
Играть со мной не переставала.
И мысль въ сердечной глубинѣ
Какъ молнія сверкнула мнѣ:
Въ ней что-то шепчетъ о надеждѣ!
И въ этотъ мигъ, смѣлѣй чѣмъ прежде,
За мыслью рѣчь моя лилась
Несвязно, странно, торопливо;
Но ей внимали терпѣливо.
Чего жъ еще? Кто слушалъ разъ,
Тотъ и еще услышитъ насъ:
Ужъ сердце, значитъ, нельдяное;
Хоть и откажутъ, будь въ покоѣ,
Съ надеждой выслушай отказъ.

VII.

Я обожалъ. Меня любили.
Ты, государь — есть слухъ такой —
Ты нѣжной слабости людской
Не зналъ. Тебя бы утомили
Подробности сердечныхъ мукъ;

Тебѣ бъ смѣшонъ былъ мой недугъ:
Я повѣсть ихъ могу оставить.
Но всѣмъ нельзя жъ владѣть страстьми;
Не всѣ, какъ ты, умѣютъ править
Равно собою и людьми.
Я самъ глава надъ племенами,
Или вѣрнѣе — *былъ* главой;
По волѣ двигая рядами,
Велъ тысячи на смертный бой,
Но былъ невластенъ надъ собой.
Я обожалъ. Меня любили.
И признаюсь: любовь сладка,
Но отъ нея бѣда близка.
Свиданья наши тайны были.
Ихъ краткій часъ, о, какъ собой
Онъ искуплялъ мнѣ ожиданье!
И что предъ нимъ вѣкъ долгій мой!
На всемъ далекомъ разстояньѣ
Отъ юности до позднихъ лѣтъ
Ему въ моемъ воспоминаньѣ
Подобныхъ не было и нѣтъ.
Украйну бъ отдалъ я охотно,
Чтобъ на одинъ еще хоть разъ
Мнѣ воротить тотъ сладкій часъ;
Чтобы назваться беззаботно
Опять тѣмъ счастливымъ пажемъ,
Который — съ юностью златою
Богатъ въ убожествѣ своемъ —
Такъ дорожилъ своей судьбою,
Владѣя серцемъ и мечемъ.
Я тайно лишь видался съ нею:

Свиданья тайныя вдвойнѣ
Пріятны многимъ, но не мнѣ.
Я, чтобъ назвать ее своею
Предъ цѣлымъ свѣтомъ и Творцемъ,
Не поскупился бъ жизнью всею —
И будто ядъ мнѣ сердце жгли
Свиданья тайныя мои.

VIII.

Но на влюбленныхъ много глазъ:
Такъ примѣчали всѣ и насъ.
Лазутчики насъ сторожили
И, на свиданіи заставъ,
Меня съ Терезой захватили.
Неистово былъ гнѣвенъ графъ.
Оружья не было со мною.
Но будь я съ головы до ногъ
Закованъ въ сталь; чтобъ сдѣлать могъ
Я передъ дерзкою толпою?
Вблизи оттоль былъ графа домъ;
Надежды, помощи — ни въ комъ.
То было ночью предъ зарею.
Я думалъ: невидать мнѣ дня,
Часъ смерти близокъ для меня.
Межъ-тѣмъ, какъ съ тихою мольбою
Себя ввѣрялъ я небесамъ,
Пришли мы къ графскимъ воротамъ.
Но что потомъ съ Терезой было,
Не знаю. Графъ разсвирѣпѣлъ.

Какой достался ей удѣлъ,
Того мнѣ время не открыло.

IX.

«Коня!» И вмигъ онъ подведенъ.
Въ Украйнѣ былъ тотъ конь рожденъ;
Сіялъ онъ гордою красою,
И, мнилось, весь проникнутъ онъ
Безплотной мысли быстротою;
Но дикъ и робокъ, какъ олень.
Сталь бедръ его не заклеймила;
Онъ жесткаго не зналъ удила;
Онъ вольнымъ былъ еще за день.
Теперь храпя, щетинясь гривой,
Въ борьбѣ напрасной, но строптивой,
Весь въ пѣнѣ, яростью кипя,
Стоялъ сынъ степи предо мною.
Вотъ гнусной челяди толпою
Къ его хребту привязанъ я.
Ударилъ бичь — и конь съ собою
Несетъ меня — впередъ! впередъ!
Быстрѣй потока бурныхъ водъ!

X.

Впередъ! впередъ! Я чуть дышалъ;
Куда летѣлъ онъ, не видалъ;

Ужъ солнце вышло надъ востокомъ;
Онъ дальше, дальше мчится скокомъ.
Послѣдній звукъ изъ устъ людскихъ
Былъ хохотъ ненавистно-дикій
Толпы мучителей моихъ:
За мною адскіе ихъ клики
Со свистомъ вѣтра разнеслись.
Рванулъ я въ гнѣвѣ головою —
На шеѣ связи подались,
И я, согнувшися дугою,
Врагамъ проклятье проревѣлъ.
Но скокъ коня окрестъ гремѣлъ:
Едва ль мой крикъ до нихъ домчался.
О, жаль мнѣ, если неотмщенъ
Обидный хохотъ ихъ остался!
Нѣтъ, съ лихвой былъ отплаченъ онъ:
На мѣстѣ гордыхъ стѣнъ и башенъ,
Тяжелыхъ сводовъ и мостовъ,
И вала вкругъ глубокихъ рвовъ,
Теперь, среди заглохшихъ пашенъ,
На камнѣ камня даже нѣтъ;
Изглаженъ тамъ и жизни слѣдъ;
Былинки нѣтъ на всей равнинѣ;
Гдѣ-гдѣ обломки лишь стѣны
Терновникомъ осѣнены,
И путнику ничто тамъ нынѣ
Ужъ не напомнитъ о твердынѣ.
Я видѣлъ пламя по стѣнамъ;
Я слышалъ, какъ свергались съ трескомъ
Громады черныхъ башенъ тамъ;
Свинецъ, какъ дождь, съ багровымъ блескомъ

Лился съ дымящихся высотъ.
Не думалъ графъ въ день черный тотъ,
Когда на молньи быстробѣжной
Въ добычу смерти неизбѣжной
Онъ звѣрски обрекалъ меня,
Въ тотъ день не думалъ онъ, что я
Когда нибудь къ нему явлюся
Съ десяткомъ тысячь лошадей,
И съ нимъ за шутку расплачуся
Свирѣпой местію моей.
Со мной сыгралъ онъ шутку злую,
Тогда, какъ дикаго коня
Вожатымъ выбралъ для меня.
Сыгралъ и я съ нимъ удалую:
Мой долгъ былъ красенъ платежемъ!
Чего-то время не устроитъ!
Мгновенье лишь подстережемъ —
Врага отъ мести не укроетъ
Ничто. Неутомимый трудъ
И неусыпное гоненье
Того, кто помнитъ оскорбленье,
Вездѣ обидчика найдутъ.

XI.

Впередъ, впередъ летѣли мы
На крыльяхъ вѣтра.. Ужъ за нами
Остались села съ городами:
Такъ точно, въ часъ полночной тьмы,

Огни полярнаго сіянья
Скользятъ по завѣсѣ небесъ.
Нѣтъ ни жилья вокругъ, ни зданья;
Мы въ полѣ; съ края черный лѣсъ—
И человѣка слѣдъ исчезъ.
Гдѣ-гдѣ лишь башни укрѣпленій,
Вооруженныхъ искони
Противъ Татарскихъ нападеній,
Порой виднѣются вдали.
Здѣсь за-годъ Спаги проходили,
И гдѣ копыта ихъ коней
Топтали свѣжій цвѣтъ полей,
Тамъ злакъ бѣжитъ кровавой пыли.
Подернутъ мглою небосклонъ;
Все спитъ: въ безмолвіи глубокомъ
Лишь вѣтерка прокрался стонъ.
Ему отвѣтилъ бы я вздохомъ;
Но конь летитъ впередъ, впередъ;
Не дастъ вздохнуть, ни помолиться;
Дождемъ съ главы моей струится
Ему на гриву хладный потъ.
А онъ, отъ ярости и страха
Храпя, несется легче праха.
Порою мнится мнѣ намигъ,
Что бурный бѣгъ его утихъ:
Мечта! я слабый, изнуренный
Ничто для силы разъяренной;
Мой грузъ, какъ стали острее,
Лишь только подстрекалъ ее.
Усилье каждое мое,
Чтобъ изъ убійственнаго плѣна

Исторгнуть вспухнувшіе члены,
Лишь умножало пылъ, испугъ
Въ конѣ. Я издалъ слабый звукъ —
Какъ отъ бича онъ заметался;
Чуть шорохъ — вздрагивалъ онъ вдругъ,
Какъ будто громъ трубы раздался.
Межъ тѣмъ кровавая струя
Узлы ремней ужъ покрывала,
И жаждою гортань моя
Какъ въ яромъ пламени сгарала.

XII.

Предъ нами лѣсъ. Обширенъ онъ,
И нѣтъ конца со всѣхъ сторонъ:
Тамъ величаво возвышались
Верхи деревьевъ вѣковыхъ.
Напрасно бури ополчались
Съ пустынь Сибири противъ нихъ:
Они, нахмурясь, не склонялись
Неколебимою главой;
Но рѣдки были. Между ними
Кустарникъ свѣжій и густой
Шумѣлъ листами молодыми.
Еще въ то время не срывалъ
Ихъ вѣтеръ осени суровой;
Еще тогда не покрывалъ
Ихъ цвѣтъ безжизненно-багровый,
Подобный крови на тѣлахъ,
Лежащихъ кучами въ поляхъ,

Когда свершилось пораженье,
И зимней ночи дуновенье
На безмогильное чело
И снѣгъ и иней нанесло,
И волкъ щеку льдяную гложетъ,
А вранъ пробить ее не можетъ.
То чаща дикая была:
На ней межъ низкими кустами
Каштанъ и дубъ взнеслись мѣстами
И ель угрюмая росла.
Вотъ что спасло меня. Предъ нами
Кустарникъ гнулся, и вѣтвями
Слегка касался лишь меня;
Не могъ сорваться я съ коня;
Боль одолѣлъ я силой мужа,
А раны мнѣ стянула стужа.
Какъ вѣтръ, шумя среди листовъ,
Мы оставляли за собою
Кусты, деревья и волковъ.
Мнѣ слышенъ былъ ночной порою
Лѣсныхъ страшилищъ легкій скокъ
И шелестъ ихъ скользящихъ ногъ,
Тотъ бѣгъ, который охлаждаетъ
Борзыхъ свирѣпую вражду
И рвенье ловчихъ утомляетъ.
Вездѣ по конскому слѣду,
И предъ зарей не убѣгая,
Гналася жадно волчья стая.
Съ разсвѣтомъ, по лѣсу несясь,
Я видѣлъ ихъ за шагъ отъ насъ.
О, какъ желалъ я, чтобъ со мною

Мой вѣрный мечь въ ту пору былъ:
Пусть я бы палъ, но палъ бы съ бою—
Враговъ бы много положилъ!
Я умолялъ судьбу сначала,
Чтобы скорѣй меня домчала
Къ предѣлу бѣга; но теперь
Я въ силѣ конской сомнѣвался.
Вотще: неукротимый звѣрь
Подобно горной сернѣ мчался—
И снѣгъ не падаетъ скорѣй,
Когда внезапно у порогу
Застанетъ жителя полей
И заградитъ ему дорогу,
Взоръ ослѣпляя бѣлизной:
Такъ несся въ чащѣ онъ лѣсной,
Все дикъ, все съ яростію равной,
Золъ, какъ ребенокъ своенравной,
Иль какъ упрямая жена,
Когда бѣснуется она.

XIII.

Миную лѣсъ. Ужъ полдень былъ,
Но лучь Іюньской не палилъ.
Я дрогъ отъ стужи, иль, быть можетъ,
Уже моя хладѣла кровь:
Отвагу мука превозможетъ.
Въ ту пору былъ я не таковъ,
Какимъ тебѣ кажуся нынѣ.

Я былъ, какъ бѣшеный потокъ—
Страдать и радоваться могъ
Не безпокоясь о причинѣ.
Меня снѣдали гнѣвъ и страхъ,
Морозъ и голодъ, стыдъ, досада:
Я былъ привязанъ, я былъ нагъ —
Я испыталъ терзанья ада.
Я созданъ весь въ отцевъ моихъ:
Встревожь лишь этотъ духъ могучій,
Воспламени въ насъ кровь — и вмигъ
Она кипитъ, какъ змѣй гремучій,
Когда притоптанъ онъ ногой.
Такъ мудрено ли, что и сила
Жестокой пыткѣ уступила?
Земля бѣжала подо мной,
А небо будто бы кружилось;
Стремглавъ я падаю, мнѣ мнилось;
Увы! я твердъ былъ на конѣ;
Но душно, тошно стало мнѣ,
Стихала кровь — остановилась . . .
Надъ головою небеса
Быстрѣй вращались колеса;
Древа шатались какъ хмѣльныя;
Сверкнули блестки огневыя
Въ глазахъ — и вдругъ все стало тьмой;
Исчезло все, и я живой
Ужъ смерть извѣдалъ надъ собой.
Рѣдѣла мгла и вновь сгущалась;
Я гналъ смертельный этотъ сонъ;
Но тщетно воля порывалась;
Мой духъ былъ мукой омраченъ.

Мнѣ было какъ въ морской пучинѣ
Пловцу, который, ко бревну
Прильнувъ, уносится къ пустынѣ,
Глотая хладную волну.
Какъ огнецвѣтныя видѣнья,
Являясь намъ въ полночный часъ,
Мелькнутъ и кроются изъ глазъ:
Въ жару недужнаго томленья,
Такъ волновалась жизнь моя.
Теперь утихла боль, но я
Познalъ еще лютѣй ея
Невыразимое смятенье.
Признаться ль? сердцу мысль тяжка,
Что мнѣ въ предсмертное мгновенье
Грозитъ такая же тоска.
Быть можетъ, мигъ возврата къ праху
Еще мучительнѣй, грознѣй:
Но что мнѣ смерть? не я ль безъ страху
Стократъ леталъ навстрѣчу ей?

XIV.

Я ожилъ: гдѣ я? что со мною?
Морозъ; кружится голова;
По жиламъ медленной струею
Густая кровь течетъ. Сперва
Жизнь непримѣтно развивалась;
Вдругъ пробудилась боль опять,
И сердце судорогой сжалось
И стало снова замирать.

Межъ-тѣмъ въ ушахъ звучало странно;
Я всматриваться начиналъ,
Но все мнѣ видѣлось туманно,
Какъ бы глядѣлъ я сквозь кристалъ.
Мнѣ чудилось воды плесканье
И неба звѣзднаго сіянье.
Не сонъ ли? нѣтъ—я наяву
Черезъ рѣку съ конемъ плыву.
Потокъ, разлившійся широко,
Шумя, стремитъ за валомъ валъ:
Еще до берега далеко,
До тѣхъ нѣмыхъ и грозныхъ скалъ.
Водой студеной омоченный,
Я вырванъ былъ изъ забытья,
Минутной силой обновленный.
Мой конь, отвагою кипя,
Широкой грудью напираетъ·
Волна реветъ и отступаетъ.
Ужъ берегъ не вдали;
Вотъ наконецъ мы доплыли.
Но пристанью я не плѣнялся:
Все было мрачно позади;
Все ночь и ужасъ впереди.
Не знаю, долго ль продолжался
Мой смертный сонъ: я сомнѣвался,
Еще ль есть духъ въ моей груди.

XV.

От влаги шерсть коня блеститъ,
А съ ребръ и гривы дождь стекаетъ,

Клубится паръ; онъ весь дрожитъ,
Но бодро мышцы напрягаетъ;
Летитъ по крутизнѣ.
Взбѣжалъ — вотъ берега вершина.
Въ ночной тѣни открылась мнѣ
Неизмѣримая равнина.
Какъ страшной бездны глубина,
Зіяющей въ видѣньяхъ сна,
Все далѣ, далѣе она
Тянулась, оку необъятна.
На ней, гдѣ-гдѣ, то бѣлизна,
То зеленѣющія пятна
Мелькали при лунѣ.
Но тамъ въ пустынной тишинѣ
Ничто не говорило мнѣ
О мирномъ кровѣ хаты дымной:
Нигдѣ дрожащій огонекъ
Меня звѣздой гостепріимной
Издалека къ себѣ не влекъ,
Ни свѣтъ блудящій не явился
Мнѣ надъ болотомъ сквозь туманъ.
Увы! я тщетно бъ имъ прельстился;
Но мнѣ бы сладокъ былъ обманъ,
Напомнивъ мнѣ въ моихъ мученьяхъ
О человѣческихъ селеньяхъ.

XVI.

Впередъ, но тихо влекся конь;
Погасъ въ немъ ярости огонь;

Онъ съ головою наклоненной,
Облитый пѣной, чуть ступалъ;
Теперь легко бы удержалъ
Его ребенокъ разслабленный.
Что пользы? я привязанъ былъ.
Но будь и воленъ — изможденный,
Къ спасенью гдѣ бы взялъ я силъ?
Однако трепетной рукою
Оковы рвать пытался я;
Напрасно: только боль моя
Усилилась съ борьбою—
И бросилъ я безплодный трудъ.
Казалось, бѣгъ кончался тутъ.
Такаго ль я желалъ предѣла?
Межъ-тѣмъ заря уже алѣла
Предвѣстницею дня. Но день
Такъ тихо, тихо приближался!
Не встанетъ солнце — я боялся —
И не исчезнетъ ночи тѣнь.
Она такъ тихо проходила,
Пока пурпурное свѣтило,
Притекши въ сонмъ ночныхъ царицъ,
Назадъ не призвало сіянья
Отъ ихъ блестящихъ колесницъ
И не покрыло мірозданья
Съ престольной высоты своей
Красою собственныхъ лучей.

XVII.

Явилось солнце — и туманы
Исчезли предъ его лицомъ;

Вездѣ пустынныя лишь страны
Глазамъ представились кругомъ.
Увы! какъ долго я ни мчался,
Напрасенъ былъ ужасный бѣгъ.
Мнѣ здѣсь въ глуши не повстрѣчался
Ни дикій звѣрь, ни человѣкъ.
Здѣсь надъ роскошною землею
Невидно было ни слѣда
Людей, ни признака труда,
Нигдѣ тропинки подо мною.
Дремало эхо въ тѣхъ мѣстахъ;
Молчалъ кузнечикъ подъ травою,
И птичка съ утренней зарею
Не пѣла пѣсеньки въ кустахъ.
Но версты мѣрилъ конь: казалось,
Съ дыханьемъ каждымъ у него
Въ мученьяхъ сердце разрывалось.
Вокругъ все глухо — никого.
Но чу! я въ рощѣ слышу ржанье;
Вѣтвями что-то шевелитъ.
Иль это вѣтра колыханье?
Нѣтъ, стадо лошадей бѣжитъ;
Оно копытами стучитъ;
Ряды волнуются, чернѣютъ—
И ближе, ближе каждый мигъ.
Хочу кричать; но замеръ крикъ:
Уста изсохшія нѣмѣютъ.
Какъ величаво кони рѣютъ!
Какъ поступь ихъ вольна, легка!
Но гдѣ же правящій конями?
Ихъ тьма — и нѣтъ ни ѣздока.

Играетъ вѣтеръ ихъ хвостами;
Ихъ гривы вьются высоко;
Раздуты ноздри широко;
Неокровавлены ихъ морды
Прикосновеніемъ удилъ;
Металлъ боковъ ихъ не браздилъ,
Ихъ рѣзвыхъ ногъ не тяготилъ.
Ихъ тьма: свободны, дики, горды,
Они какъ волны вслѣдъ волнамъ,
Толпясь, шумя, несутся къ намъ.
Усталый конь мой намгновенье
Ихъ видомъ вновь былъ ободренъ:
Еще разъ силы собралъ онъ,
Но изнемогъ въ послѣднемъ рвеньѣ:
Онъ лишь пришельцамъ отвѣчалъ
Чуть внятнымъ ржаніемъ—и палъ.
Его глаза оледенѣли;
Храпя, недвиженъ онъ лежалъ —
Ужъ онъ навѣки отбѣжалъ!
Но вотъ къ намъ кони прилетѣли:
Предъ ними падшій ихъ собратъ
И я, опутанный ремнями,
Въ крови на немъ. Они стоятъ,
Дышатъ прерывисто ноздрями,
И ржутъ и пышутъ и храпятъ;
То легкимъ скокомъ удалятся,
И вихремъ по полю кружатся,
То вновь трепеща подойдутъ,
То, отпрыгнувъ, назадъ бѣгутъ—
И черный конь, высокъ и статенъ,
Съ блестящей шерстію безъ пятенъ,

Царемъ ихъ скачетъ впереди—
И съ дикимъ ужасомъ въ груди
Отъ человѣческаго взора
Они несутся въ сумракъ бора.
Одинъ съ отчаяньемъ нѣмымъ
На хладномъ трупѣ я томился;
Сопутникъ мой не тяготился
Докучнымъ бременемъ своимъ.
А я, на мертвомъ умирая,
Не чаялъ, чтобъ заря другая
Опять увидѣла меня
Бездомнымъ, круглымъ сиротою.

От утра до заката дня
Тяжелые часы чредою
Влачились. Жизни у меня
Едва ли столько оставалось,
Чтобы увидѣть, какъ склонялось
Въ послѣдній разъ свѣтило дня.
Но кто съ бѣдою неизбѣжной
Не примирится наконецъ?
Съ душой покорно-безнадежной
Я видѣлъ близкій свой конецъ,
То, что пророческіе годы
Являютъ ужасомъ вдали;
Но что для бѣдныхъ чадъ земли
Благодѣяніе природы;
Чего однако же бѣжимъ
Мы всѣ съ стараніемъ такимъ,
Какъ будто бы страшились кова,
Который можно миновать

Усиліемъ ума людскаго;
Чего случается желать,
Иль остреемъ меча искать;
Но что всегда для насъ пребудетъ
(Съ какимъ ни явится лицемъ,
И какъ ужасна жизнь ни будетъ)
Еще ужаснѣйшимъ концемъ.
И странно: кто до пресыщенья
Вкусилъ мірскія наслажденья,
Кто шумно тратилъ дни свои
Въ пирахъ и въ нѣгѣ и въ любви —
На смерть готовѣе порою,
Чѣмъ тотъ, кто былъ рожденъ страдать.
Одинъ успѣлъ ужъ испытать
Все, что ни мило подъ луною—
И все постыло для него,
И онъ не ждетъ ужъ ничего.
Другой — онъ дышитъ успованьемъ
Конца дождаться всѣмъ страданьямъ.
Ему бы другомъ смерть считать:
Нѣтъ, смерть въ глазахъ его какъ тать,
Къ нему явившійся, алкая,
Лишить его земнаго рая.
Назавтра былъ бы счастливъ онъ;
Забывъ судьбы удары злые,
Назавтра, сердцемъ обновленъ,
Не сталъ бы плакать онъ впервые—
И дней прекрасныхъ длинный рядъ
Уже сквозь слезъ ему открылся
Въ замѣнъ и горестей и тратъ;
Онъ завтра бъ съ міромъ примирился,

Блистать бы могъ, повелѣвать,
Карать, спасать своею силой —
И этотъ день . . . уже ли встать
Онъ долженъ надъ его могилой?

XVIII.

Ужъ солнце догарало. Я
Все былъ на трупѣ охладѣломъ
И мнилъ, что скоро съ конскимъ тѣломъ
Должна смѣшаться персть моя.
Къ спасенью не было надежды:
Предсмертный мракъ сходилъ на вѣжды.
Я устремилъ на небеса
Прощальный взоръ, и чтожъ? надъ нами
Голодный воронъ ужъ вился.
Онъ радостно махалъ крылами,
Онъ пожиралъ уже глазами
Почти готовый ужинъ свой.
То онъ порхалъ, то онъ садился,
То вновь надъ самой головой
Смѣлѣе прежняго носился—
И если бъ я владѣлъ рукой,
Я бъ могъ поймать его за крылья.
Но тихій шорохъ отъ усилья,
Но легкое движенье рукъ,
Да звукъ изъ горла одичалой
(Едва ль былъ голосомъ тотъ звукъ),
Все это ворона прогнало.

Вотъ все, что знаю. Лишь одно,
Мое послѣднее видѣнье,
Еще мнѣ помнится темно:
Звѣзда горѣла въ отдаленьѣ,
И въ свѣтѣ трепетномъ плыла,
И на меня свой блескъ лила;
Потомъ мигъ жизни, мигъ смятенья,
Мигъ хлада, мрака, цѣпенѣнья,
И вновь къ ничтожеству возвратъ,
И вновь мгновенное дыханье,
И дрожь, и жизни колебанье,
Томительный на сердцѣ хладъ,
Летучихъ искръ въ глазахъ сверканье,
Единый вздохъ, единый стонъ...
А тамъ глубокій, долгій сонъ.

XIX.

Очнулся я; но гдѣжъ? уже ли
Ко мнѣ склонился взоръ людской?
Уже ли кровъ надъ головой?
Уже ль покоюсь на постели?
И точно ль человѣка ликъ
Такимъ сіяетъ умиленьемъ?
Я вновь закрылъ глаза намигъ,
Боясь обманутъ быть видѣньемъ.
У стѣнки, въ хатѣ казака,
Сидѣла дѣва предо мною—
Стройна, прекрасна, высока,

Съ густой, распущенной косою.
Оживъ, замѣтилъ я тотчасъ
Ея сверкавшій черный глазъ.
Она заботливо, порою,
Привставъ, бросала на меня
Взоръ быстрый, полный сожалѣнья—
И наконецъ повѣрилъ я,
Что то не призракъ сновидѣнья,
Что я живу, что ужъ теперь
Меня не тронетъ хищный звѣрь.
Узнавъ, что жизнь во мнѣ проснулась,
Моя казачка улыбнулась,
И я дрожащимъ языкомъ
Ей отвѣчать хотѣлъ, но тщетно.
Она жъ приблизилась привѣтно
И, сжавъ уста себѣ перстомъ,
Молчать велѣла, и съ любовью
Свою мнѣ руку подала;
Потомъ, склонившись къ изголовью,
Его слегка приподняла,
Потомъ, нацыпочкахъ пошла,
Дверь осторожно отворила
И тихо, тихо говорила,
И рѣчь ея сладка была,
Шаги гармоніей звучали.
Когда же ей не отвѣчали,
Она, еще мнѣ бросивъ взглядъ,
Ушла, давая знакъ рукою,
Что вмигъ воротится назадъ:
Я вновь остался сиротою.

XX.

Но скоро съ матерью, съ отцомъ
Она пришла . . .

Чего же болѣ?
Я докучать не стану долѣ
Подробной повѣстью о томъ,
Что сдѣлалось со мной потомъ.
Меня полмертвымъ въ чистомъ полѣ
Казаки бѣдные нашли,
Въ жилище ближнее снесли
И попеченьями своими
Меня отъ гибели спасли—
Меня, котораго надъ ними
Судьба готовила главой.
И вотъ какъ извергъ изступленный
Насытилъ гнѣвъ ревнивый свой!
Глупецъ, на казни ухищренный,
Въ пустыню бросилъ онъ меня,
Нагимъ, въ цѣпяхъ, въ крови, не мня .
Что я чрезъ степь шагну ко власти!
Кто угадаетъ свой удѣлъ?
Не унывай никто въ напасти!
Быть можетъ, Турціи предѣлъ
Мы завтра узримъ предъ собою—
И признаюсь, Днѣпромъ-рѣкою
Ужъ напередъ плѣняюсь я.
Покойной ночи вамъ, друзья!

Казакъ простерся съ этимъ словомъ
На лиственномъ одрѣ своемъ,

Ему нежесткомъ и неновомъ:
Когда и гдѣ уснуть — о томъ
Онъ на вѣку своемъ суровомъ
Заранѣ думать не привыкъ.
Сонъ одолѣлъ Мазепу вмигъ.
Вамъ можетъ страннымъ показаться,
Что Карлъ *спасибо* не сказалъ;
Но могъ ли Гетманъ удивляться?
Король давнымъ-давно ужь спалъ.

ЭПИЛОГЪ.

О, если до тебя, вѣнчанный славой Бриттъ,
На брегъ Элизія мой голосъ долетитъ—
Незрѣлыхъ силъ моихъ простишь ли покушенье?
Я слабою рукой твое произведенье
На почву родины дерзнулъ пересадить;
Напѣвъ твой я дерзнулъ смиренно повторить
На громкомъ языкѣ отеческой державы.
Онъ намъ принадлежитъ, напѣвъ сей величавый:
Въ немъ слухъ нашъ узнаетъ родныя имена,
Которыхъ блескомъ Русь навѣкъ озарена.
Въ немъ назвалъ ты Москву, Петра и день Полтавы,
Полтавы, гдѣ взошла денница Русской славы,
Полтавы, что воспѣлъ народный нашъ поэтъ,
Какъ ты судьбиной злой сраженный въ цвѣтѣ лѣтъ.

Но, чуждый намъ орелъ, какимъ же вдохновеньемъ
Ты въ край нашъ залетѣлъ? Гигантъ воображеньемъ,
Ты кистью мастерской картину начерталъ,
Какъ въ дебряхъ дикій конь съ Мазепою леталъ—
И яркой истины полна твоя картина.
Какъ часто этотъ конь, кипящій какъ пучина,
Уму напоминалъ могучій геній твой,
Свободный будто вихрь, какъ лава огневой!
Какъ онъ въ своихъ степяхъ, пролетнымъ метеоромъ
И ты мелькнулъ намигъ передъ вселенной взоромъ;
Какъ онъ Мазепу несъ, свершая грозный бѣгъ,
Такъ влекъ ты за собой свой изумленный вѣкъ;
Какъ онъ, ты палъ стремясь; но цѣли вожделѣнной
Достигнуть не успѣлъ: ты умеръ утомленный
И жизнью и страстьми и славою своей!
Какъ онъ . . . нѣтъ, онъ рвался къ лѣсамъ своей *отчизны*—
А ты . . . Но ты великъ — и слово укоризны
Не вырвется изъ устъ надъ урною твоей,
И съ трепетомъ свой трудъ кладу я передъ ней!

Я. Г.

Февраль,
1837.

ТАЙНЫЯ ДУМЫ.

Прекрасны и свѣтлы алмазы дорогіе,
И камни чудные, блестящіе на Ней;
Всегда уборъ Ея изящнѣй и милѣй
Всѣхъ прочихъ, и предъ Ней красавицы другія
Какъ передъ лиліей былинки полевыя:
И нѣтъ подобной Ей ни станомъ молодымъ,
Ни стройной плавностью походки лебединой,
Ни гибкой ловкостью, врожденной Ей единой,
Ни кроткаго чела спокойствіемъ святымъ.

Но я, когда за Ней слѣдятъ глаза мои,
Когда я издали любуюсь молча Ею—
Забывъ все внѣшнее, я умъ и сердце грѣю
Лишь созерцаніемъ одной Ея души.

Всѣхъ женскихъ доблестей, всѣхъ думъ и чувствъ высокихъ
Мнѣ повѣсть говоритъ взоръ голубыхъ очей:
Ей внятенъ, Ей знакомъ и гласъ небесъ далекихъ,
И нищеты призывъ, и стонъ земныхъ скорбей;
Слезу несчастнаго, поэта вдохновенье,
Молитвы благодать, все, все пойметъ Она:
Въ душѣ Ея живутъ восторгъ и умиленье,
И тихая мечта Ей на удѣлъ дана.

И мнѣ ль, когда при Ней любовью сердце полно,
Когда присутствіемъ Ея счастлива я,
Мнѣ ль замѣчать нарядъ и пышный блескъ Ея?
Мнѣ ль смѣть слагать въ стихи мечтаній робкихъ волны,
И Ей высказывать, что радуетъ меня?
Нѣтъ, искренній языкъ смиренныхъ поклоненій
Не выразитъ всего избытка чувствъ моихъ,
Не вымолвитъ вполнѣ моихъ благословеній:
Такъ пусть Она Сама отгадываетъ ихъ . . .

Гр—ня Е. Р—на.

2 Февр. 1838.
Санктпетербургъ.

Давно ль, давно ль, о Югъ блаженный,
Я зрѣлъ тебя лицемъ къ лицу —
И какъ эдемъ ты растворенный
Доступенъ былъ мнѣ пришлецу?
Давно ль — хотя безъ восхищенья —
Но новыхъ чувствъ недаромъ полнъ,
И я заслушивался пѣнья
Великихъ Средиземныхъ волнъ?

И пѣснь ихъ, какъ во *время оно*,
Полна гармоніи была,
Когда изъ ихъ роднаго лона
Киприда свѣтлая всплыла.

Онѣ все тѣже и понынѣ,
Все также блещутъ и звучатъ;
По ихъ лазуревой равнинѣ
Святые призраки скользятъ.

Но я, я съ вами распростился:
Я вновь на Сѣверъ увлеченъ;
Вновь надо мною опустился
Его свинцовый небосклонъ.
Здѣсь воздухъ колетъ. Снѣгъ обильный
На высотахъ и въ глубинѣ—
И холодъ, чародѣй всесильный,
Одинъ здѣсь царствуетъ вполнѣ.

Но тамъ, за этимъ царствомъ вьюги,
Тамъ, тамъ, на рубежѣ земли,
На золотомъ, на свѣтломъ Югѣ,
Еще я вижу васъ въ дали:
Вы блещете еще прекраснѣй,
Еще лазурнѣй и свѣжѣй,
И говоръ вашъ еще согласнѣй
Доходитъ до души моей.

Ѳ. Т--въ.

МОСКВА.

Близко . . . сердце встрепенулось;
Ближе . . . ближе . . . вотъ видна!
Вотъ открылась, развернулась;
Храмы блещутъ — вотъ она!
Хоть старушка, хоть сѣдая,
    А все пламенная,
Свѣтозарная, святая,
Златоглавая, родная,
    Бѣлокаменная!

Вотъ она! — Давно ль изъ пепла?
А взгляните, какова!
Встала, выросла, окрѣпла —
И попрежнему жива;
И пожаромъ тѣмъ жестокимъ
Сладко память шевеля,

Вьется поясомъ широкимъ
Вкругъ высокаго Кремля;
И спокойный, величавый,
Бодрый сторожъ Русской славы,
Кремль и красенъ и великъ —
Гдѣ, лишь Божій часъ возникъ,
Яркимъ куполомъ вѣнчанна,
Колокольня Іоанна
Движетъ мѣдный свой языкъ;
Гдѣ кресты церквей далече
По воздушнымъ ступенямъ
Идутъ, въ золотѣ, навстрѣчу
Къ свѣтлымъ, Божьимъ небесамъ;
Гдѣ, за гранями твердыни,
За щитомъ крутой стѣны,
Живы таинства святыни
И святыня старины.

Градъ старинный, градъ упорный,
Градъ, повитый красотой,
Градъ церковный, градъ соборный,
И державный, и святой! —
Онъ, съ веселымъ Русскимъ нравомъ,
Тяжкой стройности уставамъ
Непокорный, вольно легъ,
Далъ разгулъ своимъ палатамъ,
И разыпался по скатамъ,
И раскинулся, какъ могъ.
Старымъ навыкамъ послушный,
Онъ съ улыбкою радушной
Сквозь растворъ своихъ воротъ

Всѣхъ въ объятія зоветъ.
Много прожилъ онъ на свѣтѣ,
Помнитъ предковъ времена,
И въ живомъ его привѣтѣ
Русь родимая видна.
Русь... Блестящій въ вѣчномъ строѣ,
Ей Петрополь — голова;
Ты — ей сердце ретивое,
Православная Москва!
Чинный, строгій, многодумный,
Онъ — суровый градъ Петра —
Полнъ заботою разумной
И стяжаніемъ добра;
Чадо хладной полуночи,
Гордо къ морю онъ приникъ;
У него Россіи очи
И ея судьбы языкъ!
А она, Москва родная,
Въ грудь Россіи залегла;
Углубилась, вѣковая,
Въ нѣдрахъ клады заперла,
И вскипая Русской кровью,
И могучею любовью
Къ славѣ Царской горяча,
Исполиновъ коронуетъ,
И звонитъ, и торжествуетъ,
Мѣднымъ голосомъ звуча —
И когда ей угрожаетъ
Силы вражеской напоръ,
Для себя сама слагаетъ
Славный, жертвенный костеръ,

И враговъ завидя знамя
Къ древней близкое стѣнѣ,
Повергается во пламя,
И красуется въ огнѣ!

Долго ждалъ я...грудь тоскою,
Думой ныла голова;
Наконецъ ты предо мною,
Ненаглядная Москва!
Духъ тобою разволнованъ,
Взоръ къ красамъ твоимъ прикованъ...
Чу! зовутъ въ обратный путь!
Торопливаго привѣта
Вотъ мой голосъ: многи лѣта
И жива и здрава будь!
Да хранятъ твои раскаты,
Русской доблести слѣды!
Да блестятъ твои палаты!
Да цвѣтутъ твои сады!
И одѣта благодатью
И любви и тишины,
И означена печатью
Незабвенной старины,
Безъ пятна, безъ укоризны,
Подъ наитіемъ чудесъ,
Буди славою отчизны,
Буди радостью небесъ!

Бенедиктовъ.

ПОСЛѢДНІЕ ЦВѢТЫ.

Цвѣты послѣдніе милѣй
Роскошныхъ первенцевъ полей.
Они унылыя мечтанья
Живѣе пробуждаютъ въ насъ.
Такъ иногда разлуки часъ
Живѣе самаго свиданья.

А. Пушкинъ.

I ДЕКАБРЯ 1827.

Такъ здѣсь-то суждено намъ было
Сказать послѣднее прости,
Прости всему, чѣмъ сердце жило,
Что, жизнь твою убивъ, ее испепелило
Въ твоей измученной груди!

Прости . . . Чрезъ много, много лѣтъ
Ты будешь помнить съ содроганьемъ
Сей край, сей брегъ съ его полуденнымъ сіяньемъ,
Гдѣ вѣчный блескъ и долгій цвѣтъ;
Гдѣ позднихъ, блѣдныхъ розъ дыханьемъ
Декабрскій воздухъ разогрѣтъ.

О. Т--въ.

ЦАРСТВО МЫСЛИ.

Дума.

Горитъ огнемъ и вѣчной мыслью солнце;
Осѣнены все той же тайной думой,
Блистаютъ звѣзды въ безпредѣльномъ небѣ;
И одинокій, молчаливый мѣсяцъ
Глядитъ на нашу землю свѣтлымъ окомъ.

Въ тьмѣ ночи возникаетъ мысль созданья;
Во свѣтѣ дня она уже одѣта;
И крѣпнетъ въ вѣяньи живой прохлады;
И спѣетъ въ нѣгѣ теплоты и зноя . . .
Повсюду царствуетъ одна идея.
Она живетъ и въ пеплѣ и пожарѣ;

Въ сокрытой тьмѣ бездонной глубины,
Она и тамъ, въ огнѣ, въ раскатахъ грома;
И тамъ, въ безмолвіи лѣсовъ дремучихъ;
Въ прозрачномъ и пловучемъ царствѣ водъ глубокихъ,
Въ ихъ зеркалѣ, и въ шумной битвѣ волнъ;
И въ тишинѣ безмолвнаго кладбища;
На высяхъ горъ безлюдныхъ и пустынныхъ;
Въ печальномъ завываньи бурь и вѣтра;
Въ глубокомъ снѣ разряженнаго камня;
Въ дыханіи былинки молчаливой;
И въ дикой силѣ львиной мышцы крѣпкой;
Въ судьбѣ народовъ, царствъ, ума и чувства—всюду
Одна она идея бытія.

О какъ великъ, какъ счастливъ человѣкъ,
Благоговѣйно, тихо созерцая
Поэзію святую Божьей мысли!

А. Кольцовъ.

ГАЛЕЙ МИРЗА.

Галей-Мирза не знаетъ страха;
Его рука вѣрна, сильна:
Онъ рубитъ съ однаго размаха
Отъ головы и до сѣдла.

Всегда его стрѣла доходитъ,
Куда назначилъ вѣрный глазъ;
Кинжалъ раздора не заводитъ,
Но мститъ всегда одинъ лишь разъ.

Галей отрекся Магомета,
Хулитъ, смѣется надъ Аллой;
Въ стѣнахъ священныхъ минарета
Не очищается мольбой.

Галей съ гяуромъ дружбу водитъ,
Пьетъ съ жадностью вино и кровь—
И, презирая бурю, бродитъ
Угрюмъ и дикъ среди лѣсовъ.

Но въ битвѣ той, когда явился
Буонаберди * передъ нимъ,
Галей дрожалъ, Галей склонился —
И былъ во прахѣ недвижимъ!

К. Айбулатъ-Розенъ.

* Такъ Восточные народы называли Бонапарта.

КТО ЗНАЕТЪ КРАЙ.

Кто знаетъ край, гдѣ небо блещетъ
Неизъяснимой синевой,
Гдѣ море теплою волной
Вокругъ развалинъ тихо плещетъ,
Гдѣ вѣчный лавръ и кипарисъ
По волѣ гордо разрослись,
Гдѣ пѣлъ Торквато величавый,
Гдѣ и теперь во мглѣ ночной
Адріатической волной
Повторены его октавы,
Гдѣ Рафаэль живописалъ,
Гдѣ въ наши дни рѣзецъ Кановы
Послушный мраморъ оживлялъ,

И Байронъ, мученикъ суровый,
Страдалъ, любилъ и проклиналъ?

Италія, волшебный край,
Страна высокихъ вдохновеній!
Кто жъ посѣтилъ твой древній рай,
Твои пророческія сѣни?
На берегу роскошныхъ водъ,
Порою карнавальныхъ оргій,
Кругомъ кого кипитъ народъ,
Кого привѣтствуютъ восторги?
Кто идеальною красой,
И томно-нѣжной и живой,
Сыновъ Авзоніи плѣняетъ,
И поневолѣ увлекаетъ
Ихъ пестры волны за собой?
Съ какою легкостью небесной
Земли касается она!
Какою прелестью чудесной
Во всѣхъ движеніяхъ полна!

На рай полуденной природы,
На блескъ небесъ, на ясны воды,
На чудеса святыхъ искуствъ,

Въ стѣсненьи вдохновенныхъ чувствъ,
Душевный взоръ она возводитъ,
Дивясь и радуясь душой —
И ничего передъ собой
Себя прелестнѣй не находитъ.
Стоитъ ли съ важностью очей
Предъ Флорентійскою Кипридой—
Ихъ двѣ, и мраморъ передъ ней
Страдаетъ, кажется, обидой.
Мечты возвышенной полна,
Въ молчаньи смотритъ ли она
На образъ нѣжный Форнарины,
Или Мадоны молодой —
Она задумчивой красой
Очаровательнѣй картины.
Скажите мнѣ: какой пѣвецъ,
Горя восторгомъ умиленнымъ,
Чья кисть, чей пламенный рѣзецъ
Предастъ потомкамъ изумленнымъ
Ея небесныя черты?
Гдѣ ты, ваятель безымянный
Богини вѣчной красоты?
И ты, Харитою вѣнчанный,
Ты, вдохновенный Рафаэль?
— — — — — — — — — —
— — — — — — — — — —

А. Пушкинъ.

ПОМЕРКНУЛЪ ДЕНЬ.

Померкнулъ день. Сребристой пеленою,
Какъ ризою, одѣлись небеса;
Молчатъ ручьи, безмолвствуютъ лѣса —
И вотъ звѣзда зажглася за звѣздою.

Торжественъ сей успокоенья часъ:
На душу къ намъ нисходитъ умиленье —
И рвутся съ устъ горячія моленья:
И Онъ, Господь, внимаетъ грѣшныхъ насъ —

Съ отеческой любовію внимаетъ...
Для всѣхъ отверзъ Онъ милосердья храмъ:
Оттуда всѣхъ Онъ насъ благословляетъ
И говоритъ: *Просите — дастся вамъ!*

Ив. Панаевъ.

ВСТРѢЧА ОТЦА.

Литовская Баллада.

Дѣти, гдѣ онъ? гдѣ отецъ вашъ родной?
Сходите вы за-городъ въ поле;
Тамъ на пригоркѣ, гдѣ образъ святой,
Прочтите акаѳистъ Николѣ.

Отецъ вашъ не ѣдетъ. По днямъ, по ночамъ
Я жду его въ страхѣ, тревогѣ:
Разливы теперь, тьма звѣрей по лѣсамъ
И недобрыхъ людей по дорогѣ.

Дѣти вскочили — и къ книжкамъ своимъ;
Пустились всѣ за-городъ въ поле —
И тамъ на колѣнахъ предъ ликомъ святымъ
Запѣли акаѳистъ Николѣ.

Вѣрую, Отче нашъ трижды, потомъ
Богородице, Свѣта Податель;
Вотъ старшій и книжку раскрылъ, и съ крестомъ
Началъ онъ: *Ангелъ предстатель.*

И младшіе вторятъ, припавъ до земли:
Радуйся, Дѣва Святая!
И вечеръ темнѣлъ, и пылала вдали
Небесъ бахрома золотая.

И тихо и пусто вечерней порой.
Малютки все молятся Богу.
Вдругъ слышатъ: отецъ ихъ зоветъ — и стрѣлой
Пустились они на дорогу.

«Здравствуйте, дѣти! всѣ ли вы тутъ?
Здорова ли мать? ради Бога» . . .
Плачетъ отецъ, а малютки поютъ —
Кто во-что! шумъ и тревога!

«Всѣмъ есть гостинцы; есть жемчугъ и шаль;
Вотъ ящикъ съ изюмомъ, возьмите!
Тамъ мыло есть тетушкѣ, сущій миндаль!
Не съѣшьте вы только, смотрите!»

Но вдругъ зашумѣли кусты подъ горой:
Злодѣи бѣгутъ изъ оврага.
«Держи!» заревѣло кругомъ — и толпой
Къ повозкѣ сбѣжалась ватага.

Схватили купца; вотъ блеснулъ ятаганъ,
Блеснула и сабля кривая.
«Нѣтъ, стойте, друзья! закричалъ атаманъ,»
Къ ватагѣ своей подбѣгая.

«Не троньте товаровъ, пустите его —
И въ лѣсъ на добычу другую!
Купецъ, ты свободенъ; но знай, для кого?
Для дѣтей тебѣ жизнь я дарую.

«Мы знали, что здѣсь лежитъ тебѣ путь,
И ждали тебя двое сутокъ.
Вонъ тамъ за пригоркомъ я легъ отдохнуть,
И слышу вдругъ пѣнье малютокъ.

«И стало смѣшно мнѣ; прокрался я къ нимъ.
Гляжу: на колѣнахъ всѣ трое —
И сердце забилось далекимъ, роднымъ;
Въ душѣ встрепенулось былое...

«И въ мысляхъ мелькнула родная страна,
И убитаго старца сѣдины,
И домикъ родной — тамъ осталась жена
И двое малютокъ невинныхъ.

«И, бѣдные, ждутъ они вгости отца,
И ходятъ смотрѣть на дорогу,
И также, быть можетъ, ручонки сложа,
За меня они молятся Богу.

«О горько мнѣ, горько! Иди же, старикъ,
Счастливо! Я крови и битвы
Давно не боюсь; я и къ смерти привыкъ—
Но... плачу отъ дѣтской молитвы.»

И. Пожарской.

ВЕЧЕРЪ.

Дума

Въ отлогихъ берегахъ рѣки дремали волны;
Прощальный блескъ зари на небѣ догоралъ;
Сквозь дымчатый туманъ вдали скользили челны —
 И грустныхъ думъ, и странныхъ мыслей полный,
 На берегу безмолвный я стоялъ.

Маститый царь лѣсовъ, кудрявой головою
Склонился старый дубъ надъ сонной гладью водъ;
Насталъ тотъ дивный часъ молчанья и покою,
 Сліянья ночи съ днемъ, и свѣта съ темнотою,
 Когда такъ ясенъ неба сводъ.

Все тихо: звука нѣтъ! все тихо: нѣтъ движенья!
Вездѣ глубокой сонъ—на небѣ, на землѣ;
Лишь по рѣкѣ порой минутное волненье:
    То вѣтра вздохъ; листа неслышное паденье;
    Вездѣ покой—но не въ моей душѣ.

Да, понялъ я, что въ этотъ часъ священный
Природа намъ даетъ таинственный урокъ—
И голосъ я внималъ въ душѣ моей смущенной,
    Тотъ голосъ внутренній, святой и неизмѣнный,
    Грядущаго таинственный пророкъ.

Кругомъ (такъ я мечталъ) все тихо какъ въ могилѣ;
На все живущее недвижность налегла;
Заснула жизнь; природы дремлютъ силы—
    И мысли чудныя и странныя будила
    Въ душѣ моей той ночи тишина.

Что если этотъ сонъ — одно предвозвѣщанье
Того, что ждетъ и насъ, того, что будетъ намъ!
Здѣсь свѣта съ тьмой — тамъ радостей, страданій
    Съ забвеніемъ и смертію сліянье:
    Здѣсь ночь и мракъ — а тамъ? что будетъ тамъ?

Въ моей душѣ тревожное волненье:
Напрасно вопрошалъ природу взоромъ я;
Она молчитъ въ глубокомъ усыпленьѣ —
    И грустно стало мнѣ, что ни одно творенье
    Невсилахъ знать о тайнахъ бытія.

— — — въ.

Іюля, 1837.

КЪ КАРТИНКѢ,

гдѣ изъ облаковъ видна ножка

Тальони.

Прости, волшебница! Сильфидой мимолетной
Она за облака взвилась... Счастливый путь!
Но проза здѣсь на зло поэзіи безплотной:
Скажите, для чего крыло въ башмакъ обуть?

Кн. Вяземскій.

МЫСЛЬ.

Сначала, мысль, воплощена
Въ поэму сжатую поэта,
Какъ дѣва юная, темна
Для невнимательнаго свѣта;
Потомъ, осмѣлившись, она
Уже увертлива, рѣчиста,
Со всѣхъ сторонъ своихъ видна,
Какъ искушенная жена
Въ свободной прозѣ романиста;
Болтунья старая, затѣмъ,
Она, подъемля крикъ нахальной,
Плодитъ въ полемикѣ журнальной
Давно ужъ вѣдомое всѣмъ.

Е. Баратынскій.

ЧЕРКЕСЪ.

«Ножъ и шашку и винтовку,
Да коня мнѣ и чекмень
Приготовь, жена-плутовка,
Чуть проглянетъ завтра день;
Завтра къ Русскому на кашу
Мы поѣдемъ погулять,
Молодежь потѣшить нашу,
Порубить и пострѣлять.»
Вотъ и вспыхнула денница;
На конѣ сидитъ Черкесъ:
До свиданья! и какъ птица
Онъ сокрылся въ ближній лѣсъ.

Чу! кипитъ и перестрѣлка.
Предъ колонною густой,
На конѣ, какъ словно бѣлка,
Мчится въ полѣ нашъ герой;
То назадъ, то впрямь, то влѣво,
Онъ гарцуетъ на конѣ;
То утихнетъ, то отъ гнѣва
Ликъ его горитъ въ огнѣ.
«Экъ его какъ развозило!
Дай попотчую дружка!»
Бацъ! «Что братцы, аль убило?
Конь одинъ безъ сѣдока?»
Сняли съ мертваго винтовку,
Ножъ и шашку и чекмень.
Кто жъ возьметъ жену-плутовку?
Какъ проглянетъ завтра день?...

Л. Якубовичъ.

STABAT MATER*.

Горько плача и рыдая,
Предстояла въ сокрушеньи
        Матерь Сыну на Крестѣ;
Душу, полную любови,
Сожалѣнья, состраданья,
        Растерзалъ Ей острый мечь.
Какъ печально, какъ прискорбно
Ты смотрѣла, Пресвятая
        Богоматерь, на Христа!
Какъ молилась, какъ рыдала,
Какъ терзалась, видя муки
        Сына—Бога Твоего!

* 4-го Марта нынѣшняго года, по желанію Е. И. В. Государыни Великой Княгини Елены Павловны, исполнена была знаменитая музыка этой религіозной Пѣсни — обстоятельство, бывшее поводомъ къ переводу стиховъ, здѣсь помѣщенныхъ.

Кто изъ насъ не возрыдаетъ,
Зря Святую Матерь Бога
Въ сокрушеніи такомъ?
Кто души въ слезахъ не выльетъ,
Видя, какъ надъ Богомъ-Сыномъ
Безотрадно плачетъ Мать;
Видя, какъ за насъ Спаситель
Отдаетъ Себя на муку,
На позоръ, на казнь, на смерть;
Видя, какъ, въ тоскѣ послѣдней,
Онъ, хладѣя, умирая,
Духъ Свой Богу предаетъ?
О Святая! Мать любови!
Влей мнѣ въ душу силу скорби,
Чтобъ съ Тобой я плакать могъ!
Дай, чтобъ я горѣлъ любовью —
Весь проникнутъ вѣрой сладкой —
Къ Искупившему меня;
Дай, чтобъ въ сердцѣ смерть Христову.
И позоръ Его, и муки
Неизмѣнно я носилъ;
Чтобъ, во дни земной печали,
Подъ крестомъ моимъ утѣшенъ
Былъ любовью ко Христу;
Чтобъ кончину мирно встрѣтилъ.
Чтобъ душѣ моей Спаситель
Славу рая отворилъ!

В. Жуковскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ IX ТОМА.

Стран.

(Трет. нум.)

VII. Стихотворенія.

Конецъ девятаго тома.